

И · П · Е Р Е М И Н

ЛЕКЦИИ

ПО

ДРЕВНЕЙ

РУССКОЙ

ЛИТЕРАТУРЕ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

И · П · Е Р Е М И Н

Л Е К Ц И И

П О

ДРЕВНЕЙ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Издательство Ленинградского университета 1968

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Лекции проф. И. П. Еремина, почти четверть века читавшиеся в Ленинградском государственном университете, — оригинальный труд крупного советского ученого, выдающегося специалиста в области древней русской литературы, работы которого пользуются заслуженным признанием в СССР и за рубежом.

Курс лекций носит творческий характер и основан преимущественно на материалах собственных исследований ученого. Особое внимание уделяется вопросам художественной специфики литературы древней Руси.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов, научных работников смежных специальностей и всех интересующихся историей русской литературы.

Отв. ред. проф. *В. Я. Пропп*

7—2—2

137—67

Еремин Игорь Петрович

Лекции по древней русской литературе

Редактор *Н. А. Захарова*

Художник *А. К. Тимошевский*

Техн. редактор *Е. Г. Учайева*

Корректоры *В. М. Николаева, А. С. Качинская*

М-31637. Сдано в набор 19 II 1968 г. Подписано к печати 18 V 1968 г.

Печ. л. 13. Бум. л. 6,5. Уч.-изд. л. 13,92. Бум. тип. № 3.

Формат бум. 60×90¹/₁₆. Тираж 6000 экз. Зак. 75. Цена 49 коп.

Издательство ЛОЛГУ им. А. А. Жданова

Типография ЛОЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

ОТ РЕДАКТОРА

Курс лекций по древнерусской литературе читался проф. Игорем Петровичем Ереминым в Ленинградском университете с 1938 по 1963 год, год его смерти. Курс этот неизменно пользовался большим успехом и вызывал у студентов живой интерес. Кафедра русской литературы постановила издать этот курс.

В архиве И. П. Еремина нашлась рукопись, содержащая дословное изложение лекций.

Для курса древнерусской литературы по учебным планам филологических факультетов отводится явно недостаточное количество часов для того, чтобы полностью реализовать программу, предусмотренную Министерством высшего и среднего специального образования. Но И. П. Еремин и не стремился к полному изложению фактического материала. Он исходил из убеждения, что задача вузовских курсов, подобных курсу древнерусской литературы, состоит не в том, чтобы дублировать учебник и способствовать формальному усвоению знаний, а в том, чтобы содействовать развитию научного мировоззрения студентов, чтобы ввести их в круг научной проблематики каждой из читаемых дисциплин, вызвать и развить углубленный интерес к предмету и способствовать лучшему пониманию его. Читая свой курс, И. П. Еремин стремился раскрыть перед студентами и сделать доступным и понятным своеобразный мир художественных красот и особенностей и идейную направленность древнерусской письменности. Эта цель достигается на выборочном материале, который освещается углубленно и по возможности подробно. И. П. Еремин излагал преимущественно те разделы курса, которыми творчески занимался сам. Лишь в некоторых случаях в курсе лекций использовались исследования других специалистов. Так, часть лекций о московской публицистике XVI в. основана на исследованиях М. С. Боровковой-Майковой о Ниле Сорском, Н. К. Гудзия о митрополите Данииле. В тех случаях, когда разделы курса излагались сокращенно или не излагались вовсе, И. П. Еремин отсылал к учебной и научной литературе. Таким образом, издаваемые лекции представляют собой учебное пособие особого типа. Они не только содержат важнейший учебный материал, но и вводят в углубленное понимание истории древней русской литературы как сложной научной дисциплины.

Существенную помощь в издании этого курса оказала Б. Г. Еремина, собравшая и расшифровавшая сохранившиеся записи. Работа по редактированию текста выполнена бывшей аспиранткой И. П. Еремина, ныне преподающей древнерусскую литературу в Ленинградском университете, — Н. С. Демковой. Ею же совместно с Е. К. Ромодановской добавлены и уточнены библиографические примечания.

При воспроизведении древнерусских текстов сохраняется орфография оригинала, но графика упрощена в соответствии с правилами, принятыми в научно-популярных изданиях: ѣ передается через е; і — и; оу, ѳ, ж — у; ѿ, ѡ — я; ѳ — ф и т. д.; ѿ сохраняется только в середине слова. Исключение составляют лишь некоторые цитаты из «Слова о полку Игореве» (примеры восстановления «темных мест» памятника), где сохраняются орфография и графика первого издания.

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусская литература возникла в XI в. и развивалась в течение семи веков, до Петровской эпохи. Она оставила нам громадное, но не во всем равноценное наследство.

Два периода в ее развитии представляют особенно большой интерес — это эпоха Киевской Руси и XVII век. В эпоху Киевской Руси (XI—XIII вв.) происходило становление литературных жанров, закладывались основы всех восточнославянских литератур — русской, украинской и белорусской. Именно в это время жанры древнерусской литературы получили свое развитие на национальной почве. XVII век — эпоха, когда старые литературные формы распадаются, возникают новые жанры, это период ломки, перехода к новой литературе петровского времени.

Изучать древнерусскую литературу трудно. Древнерусский язык — это язык, уже мертвый для нас: многие слова непонятны, значения слов, кажущихся нам знакомыми, очень изменились, труден для нас и древнерусский синтаксис.

Однако главная сложность в изучении древнерусской литературы заключается не в языке. Дело в том, что древнерусская литература находится на большом отдалении от сегодняшнего дня, и все ее «реалии»: названия предметов, имена, подробности быта — все требует комментария, реального и исторического. Даже ее художественные достоинства воспринимаются не непосредственно — они тоже требуют комментария, в свете которого они только и раскрываются.

Древнерусская литература обнаруживает полное несходство с литературой нового времени: ей свойственны иные, особые жанры (древнерусская литература не знала романа и драмы, стихосложение возникает только в конце XVII в.), иным является и сам способ изображения жизни, художественного воспроизведения человека. Древнерусская литература — литература средневековая, дореалистическая, что, однако, не снижает ее художественного и исторического значения.

Древнерусская литература имела свое собственное художественное содержание, исходила из своих собственных эстетических принципов и в своем художественном «ключе» создавала произведения не менее значительные и художественно убедительные, чем литература нового времени.

Искусство древнерусской письменности до некоторой степени основывается на тех же эстетических принципах, что и искусство древнерусской живописи. Иконописцы не знают перспективы, на одной плоскости, рядом, совмещают предметы, в действительности расположенные на разном расстоянии, и человек, изображенный на переднем плане, как бы застыл в неудобной иногда позе; он смотрит прямо на нас невидящим взглядом, одежды его кажутся сделанными из стекла, такой они причудливой формы, иногда сквозь тела людей просвечивает фон — дома и деревья; он стоит перед нами как некий призрак — одухотворенный, лирический и непонятный.

Что же, все дело в том, что древнерусские художники не умели изображать перспективу и естественный поворот человеческого тела? Нет, перед нами дореалистический способ изображения человека, иная художественная система видения и отражения мира.

Такой же загадочной кажется и древнерусская литература человеку, впервые начинающему знакомиться с ней. Перед нами особый мир, дверь в который заперта, а ключ потерян. Задача науки и заключается в том, чтобы найти этот ключ, приоткрыть дверь в далекое прошлое, в тот загадочный и во многом уже чуждый нашему эстетическому сознанию мир, созданный писателями средневековья.

* * *

Когда возникла древнерусская литература? Литература не может существовать без письменности, наличие письменности, письма — необходимое условие ее возникновения. Поэтому вопрос этот связан с другими: когда возникла письменность на Руси? До принятия христианства (в конце X в.) или после него?

На последний вопрос можно ответить относительно точно.

В 1949 г. советский археолог Д. А. Авдусин во время раскопок Гнездовских курганов под Смоленском нашел разбитый глиняный сосуд, у горлышка которого кириллицей сделана надпись «гороухца».¹ Все предметы, найденные с сосудом, относятся к первой четверти X в. Надпись, если читать ее как одно слово, означает «горчичное зерно»; если как два слова — «Горух (имя) писал». Это — первый письменный памятник древней Руси. находка позволяет считать, что письменность на Руси восходит к первому десятилетию X в. Так же рано, как устано-

¹ См.: Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. — Вестник АН СССР, 1950, № 4, стр. 71—79.

вил С. П. Обнорский, были написаны договоры Руси с греками.²

В 1951—1952 гг. другой советский археолог, А. В. Арциховский, при раскопках в Новгороде нашел берестяные грамоты, самые поздние из которых датируются XVI в., а самые ранние, древнейшие, — XI в.³ Это переписка горожан, расписки, деловые документы, долговые обязательства и т. д. Материалы археологических раскопок свидетельствуют о том, что уже в XI в. даже бедные, простые люди могли вести частную переписку, а это говорит о широком распространении грамотности на Руси.

Таким образом, можно считать установленным, что письменность несомненно существовала задолго до крещения Руси (до 988 г.).

После крещения Руси наступил новый этап: развитие письменности пошло гораздо быстрее.

Вскоре после принятия Русью христианства Владимир Святославич приказал «поимати» у «нарочитые чади», т. е. у бояр детей их, и «отдать на «ученье книжное». Интересна деталь, которую сообщает летописец, говоря об этих просветительных начинаниях Владимира: матери, отправляя детей на «ученье книжное» по приказанию князя, «плакахуся по них... акы по мертвеци». Что это были за школы, которые организовал Владимир, неизвестно; сведений об этом не сохранилось.

Дело Владимира продолжил его сын Ярослав Мудрый. Летописец под 1037 г. так характеризует просветительные мероприятия Ярослава: «Бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяще по велику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа, и почитая ё часто в нощи и в дне; и собра писце многы и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книги многы, ими же поучашеся вернии людье наслажаются ученья божественаго» («Ярослав любил церковные уставы, сильно любил священников, в особенности же — монахов, и был склонен к книгам, и читал их часто днем и ночью; и собрал он писцов многих, и переводили они с греческого языка на славянское письмо, и переписывали много книг, которыми поучаются верующие люди, учением божественным наслаждаясь»).

Характерны следующие за этим известием слова летописца: «Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню; мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных; се бо суть реки, напаяющи

² С. П. Обнорский. Культура русского языка. — ИЮЛЯ, т. IV, вып. 2, 1945, стр. 58—68.

³ А. В. Арциховский: 1) Новые открытия в Новгороде. — «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87; 2) Раскопки 1952 г. в Новгороде. — Вестник АН СССР, 1952, № 12, стр. 45—57.

[Поиски берестяных грамот в Новгороде продолжают и сейчас. О раскопках в Новгороде см. кн.: В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. Изд. МГУ, 1965. — Библиографические примечания, заключенные в квадратные скобки, здесь и в дальнейшем внесены редакцией].

вселенную; се суть исходища мудрости, книгам бо есть неищетаемая глубина — сими бо в печали утешаемы есмы; си суть узда въздержанью» («Велика ведь бывает польза от учения книжного: ведь книги учат нас и наставляют на путь покаяния, ведь мудрость и воздержание находим в словах книжных. Книги — это реки, напоющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда въздержания»).

К середине XI в. книга занимает уже заметное место в быту древних киевлян. Ею дорожат. К ней относятся с уважением, к этому уважению, правда, примешивается и долго еще будет примешиваться известная доля суеверного страха: источник мудрости, книга, казалось древнерусскому человеку, вчерашнему язычнику, могла и навредить при небрежном обращении с нею.

От второй половины XI в. дошло до нас несколько великолепных рукописей, с художественными заставками и иллюстрациями, наглядно свидетельствующими об интересе древнерусского человека не только к содержанию книги, но и к ее внешнему оформлению.

К концу XI в. на Руси уже успела сложиться богатая и переработанная, и оригинальная литература. Росла и развивалась она не только в Киеве, стольном городе, но и на периферии, в других культурных центрах Киевской Руси — Чернигове, Новгороде, Переяславле, Турове, Смоленске. В XII в. литература Киевской Руси в ряду других современных ей литератур европейского средневековья заняла одно из первых мест и по количеству произведений, и по их литературному качеству.

На каком языке писали древнерусские писатели? Они писали на языке древнерусском. В основу этого языка лег живой разговорный язык древней Руси, точнее — его областные диалекты, южные и северные, — Поднепровья, Новгорода Великого.

Говоря о древнерусском литературном языке, следует подчеркнуть одну его характерную особенность. Заключается эта особенность в том, что в процессе становления древнерусского литературного языка, его формирования большую роль сыграл еще один язык, близкородственный ему, хотя и иноземный по происхождению, — язык старославянский (церковнославянский).

Объясняется это тем, что язык этот был языком церкви и церковной книжности. В феодальном обществе и не могло быть иначе при господстве религиозной идеологии, при той роли, какую церковь играла в общественной жизни древней Руси.

В основу языка церковнославянского, как известно, лег один из диалектов староболгарского языка. На этот язык во второй половине IX в. были переведены книги священного писания, на нем развивалась церковная письменность у нас на Руси и у южных славян (болгар, сербов). Высокие качества и достоинства церковнославянского языка хорошо понимали деятели рус-

ской культуры средневековья. К нему не раз обращались древнерусские писатели, чтобы обогатить свой словарный запас, сделать язык более точным, усилить его выразительные средства. Язык церковнославянский обладал большим набором слов для выражения отвлеченных понятий. В русский язык из него попали многие слова — попали и осели настолько прочно, что теперь они давно уже стали достоянием нашего языка; *пространство, вечность, разум, истина, общество, вселенная* и пр. — все эти слова старославянского происхождения.

Историческое значение этого факта трудно переоценить. Уже в XI в. древнерусский литературный язык, развиваясь и совершенствуясь в устном речевом обиходе и под пером выдающихся писателей, непрерывно обогащаясь в результате общения с языком церковнославянским, приобрел славу одного из наиболее богатых и развитых языков средневековья. Древнерусский литературный язык оказался способным выразить все: и разные тонкости богословской и философской мысли, и сложное историческое содержание всемирной и русской истории, и лирику, и высокий пафос. Его силу, выразительность, гибкость, его словарное богатство наглядно демонстрируют лучшие памятники древнерусской литературы: древнейшая летопись «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и др.

Изучая древнерусскую литературу на всем протяжении ее исторического развития, нетрудно заметить, что язык церковнославянский в системе древнерусского литературного языка занял свое особое место; он приобрел значение важного стилистического фактора. Им пользовались, к нему прибегали в зависимости от содержания произведения. Язык этот обслуживал преимущественно сферу религиозно-философских понятий и представлений, выражал лирику человеческих чувств и переживаний в некоторых жанрах, высокий пафос, особо торжественное умунастроение.

На практике это привело к тому, что писатели древней Руси подчас свободно переходили от одного языка к другому, даже в рамках одного и того же произведения, в зависимости от задач, которые они себе ставили.

В истории древнерусской литературы бывали моменты, когда русский язык вытеснял церковнославянский, но бывали случаи и обратные: когда язык церковнославянский вытеснял русский. В результате иногда возникало в литературе своеобразное двуязычие: в одно и то же время один автор писал на русском языке, только слегка окрашивая его славянизмами; другой — на церковнославянском, подчас нарочито архаизируя его лексику и грамматические формы.

Такое одновременное сосуществование в практике литературного творчества различных стилистических систем, русского языка и церковнославянского, своеобразное двуязычие дожило до конца XVIII в. и в 1758 г. даже получило теоретическое

обоснование в известном трактате Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных» — в его теории трех стилей, или «штилей»: «высокого», «посредственного» и «низкого».

В течение всего древнего периода нашей литературы книга была рукописной. В XI—XIV вв. материалом для письма служил *пергамен* (телячья кожа особой выделки). Бумага появляется у нас только в конце XIV в. и в XV—XVI вв. окончательно вытесняет пергамен. Писали чернилами и киноварью. До середины XIX в. для письма использовались гусиные перья. Писали в старину медленно, аккуратно вырисовывая каждую букву. Так как материал, в особенности пергамен, стоил дорого, писали экономно: в одну строку, без словораздела, слова, часто встречающиеся, писали сокращенно, под так называемыми *титлами*. Почерк XI—XIII вв. в науке носит название *устава*. В XIV—XV вв. этот медлительный, четкий, торжественный почерк сменяется более беглым и мелким *полууставом*. В конце XVI и в XVII вв. входит в широкое употребление *скоропись* — быстрая, нечеткая, мелкая, напоминающая современное письмо.

Основной тип древнерусской книги — объемистая рукопись, составленная из отдельных тетрадей, затем переплетенных вместе; слово «книга» в древней Руси редко употреблялось в единственном числе — обычно во множественном («книгы»).

Переплеталась такая рукописная книга в деревянный переплет, обтянутый тисненой кожей. Для сохранения рукописи к переплетам прикреплялись кожаные завязки или металлические застёжки. По углам и в середине переплета для предохранения его от порчи помещались так называемые «жуки» — металлические бляхи из бронзы или меди.

Уже в XI в. появляются роскошные книги с киноварными буквами, с иллюстрациями и художественными картинками-миниатюрами. Переплет их оковывается золотом или серебром, украшается жемчугом, драгоценными камнями, финифтью. Таковы «Остромирово евангелие» (XI в.), «Мстиславово евангелие» (XII в.).

Рукописи хранятся сейчас в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, московском Историческом музее, Библиотеке Академии наук СССР и других рукописных хранилищах.

Пергаменных рукописей дошло до нас очень мало. Среди них встречаются *палимпсесты*. Палимпсест — это древняя рукопись, обычно пергаменная, с которой стерт первоначальный текст и на его месте написан новый. Прочтение палимпсеста — трудная задача. Для этой цели используются химические реактивы и цветоотделительная фотография. Применяется также с успехом люминесцентный анализ. Ультрафиолетовые лучи позволяют без труда читать неясные места рукописи.

Очень много дошло до нас бумажных рукописей. Бумагу начали впервые вырабатывать в Китае, откуда ее производство

(около половины VIII в. н. э.) проникло на Восток (Средняя Азия), затем (не ранее XII в.) на Запад.

Производство книги в старину — процесс долгий и трудный, требовавший больших затрат и большого труда. «Остромирово евангелие», 1056—1057 гг. (294 л., в 1°), писалось около 7 месяцев, по 1,5 л. в день. Рязанская кормчая, 1284 г. (402 л., в 1°), — почти год, без шести дней, по 1,5 л. в день. Лаврентьевская летопись, 1377 г. (180 л., в 1°), — 75 дней, по 2,5 л. в день.

Неудивительно, что в старину книгу достать было сравнительно трудно и стоила она дорого. Книга или приобреталась путем частного заказа, или покупалась на рынке. Первая книжная лавка была открыта только в XVIII в., в 1728 г. — при Академии наук.

Первая печатная книга в Европе появилась в 1450 г. в Майнце (Германия) — в типографии изобретателя типографского станка Иоганна Гутенберга. Первая книга на славянском языке была отпечатана в 1491 г. в Кракове — в типографии краковского мещанина Швайпольта Феоля. На Руси книгопечатание было государственным, а не частновладельческим начинанием. В Москве книгопечатание началось сравнительно поздно. Постановлением церковного собора первая типография в Москве была основана в 1563 г.; организатором ее был Иван Федоров. Первая датированная печатная книга, вышедшая из этой типографии, относится к 1564 г. («Апостол»). Типографский станок выполнял главным образом церковные заказы, печатал законы. Художественная литература, как правило, распространялась рукописно. Только со второй половины XVII в. наряду с печатной богослужебной книгой появилась и светская.

Облик древнерусского писца (чаще всего ими были монахи, иногда князья и бояре) встает перед нами из приписок в конце рукописи. В них писец сообщал некоторые сведения о своем труде, о месте и времени создания рукописи, приводил свои размышления. Рукопись лишь в редчайших случаях переписывалась слово в слово. Писец часто заменял слова, дописывал и переписывал книгу, если литературное произведение казалось ему недостаточно хорошим. Так возникали различные редакции памятника. Это ставит сейчас историка древнерусской литературы в очень трудное положение при изучении текста произведения, и перед нами часто стоит задача восстановить первоначальную редакцию текста.

Задача реконструкции первоначального текста произведения усложняется еще и тем обстоятельством, что до нас дошла лишь часть древнерусских рукописей (в основном из монастырских библиотек), неисчислимо количество книг погибло от вражеских нашествий, пожаров, стихийных бедствий.

Так, во время нашествия на Москву хана Тохтамыша в 1382 г. жители Москвы, пригородов и окрестных сел снесли книги в московские каменные церкви, где думали уберечь их от

пожара и разграбления. Книг было так много, что они были навалены до самых сводов. Но татары разбили церковные двери, разграбили и уничтожили все, что было в церквях; книги же все «без вести сотвориша».

Много погибло книг и в начале XVII в. в результате польско-шведской интервенции. В 1869 г. в Академию наук было прислано из Швеции 166 полуобгоревших и оборванных листов. Как оказалось, они принадлежали 48 книгам, которые унесли шведы из двенадцати разграбленных ими церквей.

Не только от нашествия врагов гибли книги. В 1124 г. пожар истребил почти весь Киев. В 1134 г. пожар уничтожил торговую сторону Новгорода. В 1185 г. во Владимире в результате пожара сгорел «мало не весь город», в том числе и собор Успения. Во время пожара 1737 г. сгорел старый кремлевский дворец с остатками библиотеки московских царей, а в 1812 г. погибли многие рукописные собрания (в том числе и ценнейшее собрание графа Мусина-Пушкина, хранившее «Слово о полку Игореве»).

Рукописи сейчас — большая редкость, но все-таки их можно встретить у населения. Надо собирать то, что еще осталось.

Насколько точно воспроизводят дошедшие до нас рукописи картину развития древнерусской литературы? Не вполне точно, так как до нас дошла лишь часть светской литературы, а большинство светских произведений погибло безвозвратно. Многие памятники сохранились благодаря случайности и сейчас имеются в единственном списке — например, «Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть о Горе-Злочастии». В единственном списке было известно и «Слово о полку Игореве».

* * *

Русская литература родилась, судя по памятникам, в первой половине XI в., в условиях вполне сложившегося феодального общества. Она родилась в среде господствующего класса — феодалов. В условиях древней Руси большую роль в литературном процессе сыграла и не могла не сыграть церковь. Неудивительно, что в XI в., да и много позже, наряду со светской литературой широкое развитие получила и литература церковная. Рассматривая литературу древней Руси, мы не можем обойти эту церковную литературу. И не только потому, что здесь иногда возникали произведения большого художественного совершенства, но и потому, что невозможно провести четкую границу между литературами светской и церковной. В эпоху средневековья они развивались рука об руку, никогда, как правило, не отрывая одна другую.

Основные формы (или виды) древнерусского литературного творчества: летописание, жития и красноречие. Поэзии, драматургии, романа, повести в современном понимании этих жанров в XI—XVI вв. не было. Они возникли только в XVII в.

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ XI—XIII веков

ЖИТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Слово «житие» буквально соответствует греческому βίος («жизнь»), латинскому vita. И в литературе византийской, и в средние века на Западе и у нас на Руси термин этот («житие», βίος, vita) приобрел номенклатурное значение и стал обозначать определенный литературный жанр: биографии, жизнеописания знаменитых епископов, патриархов, монахов — основателей тех или иных монастырских общежитий, реже биографии светских лиц, но только тех, которых церковь считала святыми. Жития, следовательно, — биографии святых (будь то лица духовные или светские — безразлично).

Отсюда жития в науке часто обозначаются также термином «агиография» (от ἅγιος — «святой» и γράφω — «пишу»). Агиография — это вся художественная литература и искусство, посвященные святым.

Такая биография часто писалась ближайшими друзьями святого вскоре после его смерти, по свежим следам воспоминаний о нем, но обычно не ранее его канонизации, т. е. не ранее того момента, когда герой такой биографии официально причислялся к лику святых, ибо только святой, т. е. человек, официально причисленный церковью к лику святых, мог (и должен был) стать предметом агиографического прославления.

Писалась такая биография с целью рассказать («поведать миру») о жизни и подвигах святого, прославить его память, сохранить для потомства воспоминание о необыкновенном человеке.

Жанр этот — античная литература его не знала — характерное достояние христианской литературы. Эпоха его расцвета в византийской литературе — VIII, IX, X, XI века. Именно в это время он окончательно сформировался, приобрел четкие жанровые очертания, выработал свою поэтику.

Есть основания думать, что по своему происхождению этот жанр восходит к одному из видов античного красноречия, а именно к надгробной похвальной речи (так называемому

ἠρωτικός'у). В центральной своей части ἠρωτικός — жанр, широко распространенный в античном красноречии (в эллинистическую эпоху его успешно культивировали софисты), — всегда содержал биографию идеального героя, воплощавшего в себе все добродетели.

Почти все наиболее популярные византийские жития в XI—XII вв. у нас на Руси были известны в переводе с греческого языка (например, житие Антония Великого, житие Алексея, человека божьего, и др.). Эти переводные жития, появившиеся в конце X—начале XI в., положили начало житийной литературной традиции. С XI по XVIII в. жития пользовались на Руси огромной популярностью.

Некоторые жития вступили во взаимодействие с фольклором, со сказкой (например, житие Петра и Февроньи Муромских). Многие жития сами оказывали влияние на устное творчество — так возникали народные легенды, стихи, заимствованные из жития. Взаимодействие с фольклором характерно для истории этого жанра в нашей литературе.

За составление житий брались только очень опытные люди. Этот труд требовал больших знаний и соблюдения определенных правил стиля и композиции.

«Правильному житию» было свойственно неторопливое повествование в третьем лице; иногда допускалось отступление: обращение автора к читателю, похвала от своего имени святому. В композиционном отношении были обязательны три части: вступление, собственно житие, заключение. Во вступлении автор должен был просить прощения у читателей за свое неумение писать, за грубость изложения и т. д. В заключении должна быть похвала святому — своеобразная ода в прозе. Эта заключительная «ода», или похвала герою, — одна из наиболее ответственных частей жития, требовавшая большого литературного искусства, хорошего знания риторики. Житие, наконец, требовало от агиографа (и это один из наиболее существенных признаков агиографического стиля) строго определенного изображения героя или героев повествования — резко отрицательного или подчеркнуто положительного. Герой отрицательный в житии — всегда «злодей»; герой положительный (он часто противопоставляется отрицательному как его антитеза, как его наглядное отрицание) — всегда «святой», т. е. человек идеально положительный, воплощение всех возможных и невозможных в природе добродетелей, разумеется, христианских добродетелей.

Содержанием жития является биография «святого», т. е. положительного героя; отрицательный герой, «злодей», вводится в житие обычно только для контраста — на заднем плане.

Я сказал «биография». Это не совсем точно, это не то слово. Биография предполагает рассказ о жизни реального человека; такая биография обычно полна драматического движения. В житии всего этого нет и быть не может: нет движения, роста,

становления характера. «Святой» неподвижен (равно как и агиографический «злодей»). Он «святой» уже с момента рождения; он избранник божий. И в этом смысле он не имеет биографии: автору нечего рассказывать. Автору-агиографу остается только одно: подобрать материал для иллюстрации его святости. Житие и сводится обычно к такой иллюстрации в рамках биографического повествования о жизни героя и его кончине. Агиография — искусство дореалистическое; ближайшая к нему параллель — древнерусская иконопись. И там и здесь действуют одни и те же принципы художественного изображения, один и тот же метод отражения действительности.

Житие, изображая человека («злодея» или «святого» — безразлично), по возможности стремилось устранить все черты его индивидуального характера: только освобожденный от всего «временного», всего частного и случайного человек мог стать героем агиографического повествования — обобщенным воплощением добра и зла, «злодейства» или «святости». На практике это привело и не могло не привести к тому, что все герои жития стали напоминать один другого: обладать одними и теми же чертами «характера», в сходных обстоятельствах поступать одинаково, произносить одни и те же слова, даже часто двигаться или протягивать руки в одном и том же направлении. Для всех положений у агиографа уже была своя предустановленная схема. Нередко она переносилась из жития в житие — не потому, что у автора не было в запасе другой, собственного изобретения, а потому, что такая схема ценилась автором сама по себе, как уже найденная и закрепленная для данного положения наиболее совершенная его норма. Здесь сходство — результат не столько подражания готовым литературным образцам, сколько проявления характерной для всякого агиографа тенденции свести к некоему абстрактному единству все многообразие действительности.

Житие не столько отражает действительность, сколько планомерно и настойчиво навязывает ей свой абстрактный идеал человека, часто умозрительный.

Жития — жанр, характерный для всего средневекового периода развития литературы, — утвердились в литературе Киевской Руси в XI в. До нас дошли три оригинальных жития: два жития князей Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского.

Жития князей Бориса и Глеба

Древнейшие по времени — жития князей Бориса и Глеба. С них и позвольте начать характеристику агиографии Киевской Руси.

Прежде всего напомним вам те обстоятельства, по поводу которых жития Бориса и Глеба были написаны.

В 1015 г. умер князь Владимир. Власть в Киеве захватил сын Владимира Святополк. Утвердиться на киевском столе ему мешали братья, и он задумал от них освободиться. В том же 1015 г., девять дней спустя после смерти князя Владимира, по негласному приказу Святополка был убит его брат Борис, а через месяц — и другой его брат, Глеб. Святополку не удалось, однако, осуществить свой замысел до конца: помешал третий брат — Ярослав, сидевший тогда в Новгороде; вовремя предупрежденный, он двинулся походом против Святополка, одержал над ним победу, выгнал его из Киева и сам сел на киевский стол.

Борис и Глеб были погребены в Вышгороде (городке, расположенном в 14 верстах от Киева вверх по Днепру), у церкви св. Василия, и могилы их, когда в Киеве сел Ярослав, стали местом, куда стекались паломники. В середине XI в. — когда точно, неизвестно — церковь св. Василия сгорела (она была деревянная). Ярослав приказал строить новую. Когда приступили к постройке новой церкви, были обнаружены тела Бориса и Глеба, будто бы нетленные. Это обстоятельство и явилось ближайшим поводом к канонизации Бориса и Глеба: они были официально объявлены святыми. Ярослав стал добиваться утверждения канонизации со стороны константинопольского патриарха и в конце концов добился этого.

В честь Бориса и Глеба был установлен церковный праздник, причисленный к великим годовым праздникам русской церкви. Церковная память Бориса и Глеба (24 июля) отмечалась каждый год с большим торжеством — при большом стечении народа. Ярослав сделал все, чтобы достойным образом прославить своих родных братьев — первых святых русской церкви.

В особенности широкое развитие культ получил в XII в. при Владимире Мономахе. В 1115 г. по его инициативе в Вышгороде была закончена постройка большого каменного храма в честь Бориса и Глеба, куда были торжественно перенесены их мощи. В 1117 г. по инициативе того же Владимира Мономаха была построена каменная церковь в честь тех же святых.

Почему культ Бориса и Глеба имел такое большое значение для Киевского государства?

Русская церковь (после принятия православия) в юридическом отношении была подчинена Византии. В 1037 г. Ярослав Мудрый добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриарха. Назначение особого митрополита для молодого Киевского государства было большим успехом Ярослава, поднимавшим международный престиж Русской земли. Греки разрешили учредить на Руси митрополичью кафедру: они рассчитывали на то, что митрополит-грек станет надежным «агентом» Византийской империи и будет проводить политику, угодную византийскому императору. Но Ярослава Мудрого такой митрополит мало устраивал. И он стал добиваться от константинопольского патриарха, которому юридически была

подчинена русская церковь, признания полной независимости русской церкви от Константинополя и права избирать митрополита по своему усмотрению, не грека, а русского по национальности. В 1051 г. это ему удалось, митрополитом был поставлен Иларион. Последовательно добиваясь независимости русской церкви, освобождения ее из-под опеки константинопольского патриарха и византийского императора, Ярослав ссылался на тот факт, что русская церковь давно вышла из младенческого состояния, обладает собственными святынями и не нуждается уже в опеке Византии. Он упорно стал добиваться канонизации княгини Ольги. Когда в этом ему категорически отказали в Константинополе, он стал настаивать на канонизации своих родных братьев Бориса и Глеба. Ярославу в конце концов удалось этого добиться и тем самым увенчать ореолом святости собственную княжескую власть.

Установление почитания первых русских святых Бориса и Глеба явилось торжеством национальной политики Ярослава и приобрело форму национального культа.

Древнейшее житие Бориса и Глеба, написанное в середине XI в., — «Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе» — дошло до нас в 170 списках. Уже в XII в. «Сказание» о Борисе и Глебе было переведено сначала на греческий, а затем на армянский язык.

«Сказанию» предпослана коротенькая экспозиция, цель которой — познакомить читателя с действующими лицами предстоящего повествования. Здесь находим упоминание о князе Владимире — крестителе Руси, перечень его сыновей (весьма неточный) и некоторые необходимые сведения об основных участниках трагедии — Борисе и Глебе, Святополке и Ярославе.

Центральная часть «Сказания» — история гибели Бориса и Глеба от руки их старшего брата — Святополка.

Борис в изображении «Сказания» — высокий идеал младшего князя, во всем покорного князьям, старшим в роде. Послушный и любящий сын, он по велению отца своего, князя Владимира, «с радостью» отправляется в поход против печенегов. На обратном пути он узнает, что отец его скончался и что киевский престол захватил брат Святополк. Борис оплакивает смерть отца и останавливается с дружиной на реке Альте. Дружина предлагает ему пойти на Киев, но Борис отказывается. Он знает, что Святополк готовит покушение на его жизнь, но ничего не предпринимает, чтобы предотвратить грозящую беду. Он верен долгу вассала и смерть предпочитает измене. В ответ на предложение дружины сесть «на столе отъни» Борис говорит: «Не подниму руки против старшего брата: он мне вместо отца». То же повторяет он и перед смертью, обращаясь с молитвой к богу: «Ты ведь знаешь, господи, знаешь, что не сопротивляюсь я, ни слова против воли твоей не говорю, а имея в руках все

войска отца моего и всех любимых отцом моим, ничего не замышляю против брата моего».

Услышав это, дружина оставляет Бориса, и он начинает готовиться к смерти.

Автор «Сказания» хорошо понимал, что покорность Бориса старшим в роде князьям — качество, которое само по себе еще не дает основания рассматривать его как святого, как «блаженного». Подвиг Бориса нуждался в религиозном обосновании. С этой целью автор «Сказания» олицетворяемому Борисом политическую доктрину покорности старшим князьям поднял до уровня божественной заповеди, а его самого в избытке наделил чисто христианскими добродетелями: смирением, кротостью, беззлобием, непротивлением злу, покорностью воле божьей. В результате образ Бориса приобрел в «Сказании» новый аспект — стойкого борца за «слово божие» и даже мученика за веру. Последнее уже, конечно, — невольная дань жанру, «обмолвка»: вера Бориса никто не угрожал.

Чтобы образ Бориса вызывал не только благоговейное удивление, но и живое сочувствие, автор «Сказания» сообщил Борису черты, свойственные рядовому человеку, не мученику, не «страстотерпцу». В «Сказании» Борис боится ожидающей его судьбы. При мысли, что ему надлежит умереть, он испытывает страх. Автор показывает рождение и развитие этого чувства.

Уже оплакивая смерть отца, Борис высказывает предположение: Святополк «о убиении моемъ помышляеть». Предчувствие переходит в уверенность. Уверенность все возрастает, растет вместе с ней и тревога. Бориса охватывает «печаль», и «горсть сердечная», и «скорбь смертная». Даже внешний облик его меняется («Образ бо бяше унылый его»). Накануне смерти (это было в субботу, сообщает автор) Борис после захода солнца велит «пети вечернюю», а сам уходит в шатер помолиться. Затем ложится спать, но не может заснуть («бяхе сън его в мнозе мысли и в печали крепъце . . . и страшне»). На рассвете, рано поднявшись, он просит священника начать заутреню; обувается, умывает лицо, молится. Он уже точно знает, что его ждет («бяхе же ему весть о убиении его», — пишет автор. Откуда — автор не сообщает; очевидно, свыше). Между тем убийцы подходят к шатру, они слышат голос Бориса, поющего псалмы. Слышит и Борис их «топот (*вар.*: шепот) зъл» около шатра. Его охватывает трепет, но он продолжает молиться.

Скорбная атмосфера, созданная автором вокруг Бориса, в особенности сгущается, когда тот, не в силах сдержать сердечного сокрушения, проливает слезы — обильные, заливающие все лицо, «горькие» и «жалостливые», сопровождающиеся тяжкими вздохами и стенаниями. Это не простые слезы. Они — дар, который бог посылает «избранникам» своим. И они заразительны. При виде Бориса, проливающего слезы, все окружающие его «на Лъте» (на берегу реки Альты, где Борис был убит) возму-

щаются духом и тоже начинают «плакати» и «стенати». Сцена эта (хоровой плач) — одна из художественных находок автора.

Заговорщики окружают шатер, где молится Борис, и поражают его сквозь полотнище копьями («насунуша копии»). Но они не убивают, а только ранят его. При виде «в оторопе» убежавшего из шатра раненого Бориса убийцы (их было четверо — имена их называются) говорят друг другу: «Что стоите зряще? Приступивъше, сконьчаим повеленое нам». Борис просит дать ему время помолиться. Угроза убийц («сконьчаим повеленое нам»), однако, остается неосуществленной, убийцы ошиблись: Борис был только смертельно ранен. «На бору», через который в телеге повезли Бориса, закутанного в шатер, в Вышгород, он «начат въскланяти святую главу свою». По приказу Святополка посланные им два варяга прикончили Бориса ударом меча в сердце.

Во многом напоминает Бориса в «Сказании» и его брат Глеб. Верный своему долгу вассала, он такой же добровольный мученик, как и Борис. Когда Святополк зовет его в Киев: «Приди вбързе, отецъ зоветь тя, и не съдравить ти вельми», — он немедленно садится на коня и с малой дружиной отправляется в путь, невзирая на неожиданное препятствие: «...на поле потъчеса под ним конь в рове, и наломи ногу мало» (вещее предупреждение?). Невдалеке от Смоленска его настигают посланные Святополком убийцы. Глеб безропотно, не оказывая никакого сопротивления, позволяет убить себя: его же собственный повар по приказу одного из убийц, Горясера, зарезал его ножом, «яко агня безлобливо».

Портрет Глеба в «Сказании», однако, не во всем дублирует портрет Бориса: наряду со сходством автор сумел подчеркнуть и различие. Глеб моложе Бориса и по возрасту, и, следовательно, по иерархии княжеских отношений (Бориса он называет «господином»), моложе и неопытнее. И это автор не только констатирует, но и показывает на ряде мелких деталей. В Киев по вызову Святополка Глеб отправляется, ничего не подозревая. В отличие от Бориса, томимого мрачными предчувствиями, Глеб даже и тогда ничего дурного не подозревает, когда от брата Ярослава узнает о смерти отца и о гибели Бориса от руки Святополка. Он только выражает желание (это понятно, если учесть агиографический аспект его образа) «ту же страсть въсприяти», дабы поскорее встретиться с любимым братом, встретиться на небесах, если уж нельзя на земле. При виде убийц, подплывающих к нему на лодке, он, не замечая их мрачных лиц, радуется, ожидая от них приветов. О том, что они собираются его убить, Глеб догадывается лишь тогда, когда они стали «скакати» в его лодку, держа в руках мечи, «блъщасяся, акъ вода». Полная неожиданность для Глеба этого их поступка, особо оговаривается автором: «...абие въсем весла от руку испадоша, и вси от страха омъртвеша». Глеб, «тельмь утьр-

пая» (дрожя, слабея), просит о пощаде. Просит, как просят дети: «Не деите мене... Не деите мене!» («Не троньте меня... не троньте меня!»). Он не понимает, за что и почему должен умереть («...Кую обиду сътворих брату моему...»). Беззащитная юность Глеба в своем роде очень изящна и трогательна. Это один из самых «акварельных» образов древнерусской литературы.

Миру света и добра в «Сказании» резко противопоставляется мир тьмы и зла в образе князя Святополка. Второй Каин, Святополк уже в начале «Сказания» появляется с эпитетом «окаянный»; эпитет этот затем становится постоянным и сопровождает Святополка до конца его истории. Святополк — «злодей» по самой своей природе. Он уже родился с печатью греха («от дьвою отцю»). Он это понимает и сам. «Приложю убо беззаконие к беззаконию», — говорит он себе, готовясь убить Глеба: терять ему уже нечего, матери своей «греха» не искупить. Он подлежит полному и безоговорочному осуждению и по закону божественному, как братоубийца, и по закону человеческого, как нарушитель порядка, по которому старшие князья должны строго выполнять свои обязанности по отношению к вассалам — младшим князьям, если требуют от них покорности. Не кто иной, как дьявол, подсказывает ему мысль уничтожить братьев. Образ Святополка у автора последовательно выдержан в одном и том же ключе; он неизменно появляется в окружении обличающих цитат из писания и слов, подчеркивающих его «лесть» и злобу.

История Бориса и Глеба в повествовательной части «Сказания» завершается своеобразным апофеозом: рассказом о том, как бог покарал Святополка Окаянного и как нетленное тело Глеба, поверженное в Смоленске «на пуге месте», перенесли в Вышгород и с «честью многою» похоронили рядом с Борисом. Тут в качестве главного действующего лица впервые появляется князь Ярослав.

Ярослав в «Сказании» — орудие божественного возмездия Святополку-братоубийце. Он — восстановитель порядка в Русской земле, нарушенного «крамолой» старшего брата. «Не тьрия» нечестия Святополка, он вступает с ним в борьбу. Узнав, что тот в союзе с печенегами пошел на него походом, Ярослав ведет свои войска навстречу и становится на Альте — на том самом месте, где был убит Борис. И тут, на Альте, накануне решающей битвы он просит бога покарать «злодея», как некогда он покарал Каина за убийство брата Авеля, просит Бориса и Глеба помочь ему одержать победу. И бог внял его просьбе. Битва длилась целый день (описывается она в характерном летописном стиле). Святополк потерпел поражение. Напал на него бес, и «раслабеша» все кости его так, что не мог он сесть на коня и покинул поле битвы, преследуемый призраками, гонимый гневом божиим с места на место, пока,

наконец, слуги, которые несли его на носилках, немощного и потерявшего разум, не добежали до некоей пустыни «между чехы и ляхы», где он и «испроврже живот свой зъле»; даже от могилы его долгое время исходил «смрад зълый» в предостережение всем, кто «си сотворить».

«Сказание о Борисе и Глебе» свидетельствует о том, что уже в XI в. агиографический стиль был усвоен литературой Киевской Руси.

Правда, «Сказание» еще не вполне соответствовало требованиям «правильного жития»: оно не выдерживало сравнения с классическими византийскими образцами этого жанра ни по содержанию, ни по форме. «Сказание» излагало только один эпизод из жизни князей Бориса и Глеба, а именно их мученическую кончину; между тем «правильное житие» требовало рассказа и о детстве героя, полной биографии святого; «Сказание» не вполне соответствовало «правильному» житию и по своей композиционной структуре: неписанная теория требовала деления жития на три части — вступление, собственно житие, заключение; «Сказание» между тем начиналось непосредственно с жития, традиционного вступления автор не дал; «правильное» житие требовало непременно рассказа (в форме чередующихся одна за другой небольших новелл) о посмертных чудесах героя; в «Сказании» такого рассказа не было; правда, в конце XI — начале XII в. какой-то неизвестный нам автор присоединил к «Сказанию» такой рассказ, но присоединил его очень неискусно — после заключения, в результате чего рассказ этот принял вид механического привеска к «Сказанию», органически никак с ним не связанного.

С утверждением культа Бориса и Глеба серьезные возражения вызывало «Сказание» и по своему изложению: оно было слишком документально, перегружено фактами, слишком «исторично»; оно казалось слишком «земным», образы центральных героев повествования — Бориса и Глеба — чересчур материальными, недостаточно одухотворенными.

Устранить все эти недочеты «Сказания» попытался в конце XI в. монах Киево-Печерского монастыря Нестор; он написал новое житие Бориса и Глеба под заглавием «Чтение о Борисе и Глебе». Это «Чтение», по утверждению проф. С. А. Бугославского, было написано Нестором не ранее 1108 г. и не позже 1115 г., возможно, в связи с тем, что в 1115 г. было перенесение рака Бориса и Глеба. В сравнении со «Сказанием» «Чтение» уже удовлетворяет самым строгим требованиям классического жития. Работая над ним, Нестор явно стремился максимально приблизить его к типу византийских житий прославленного мастера этого жанра Кирилла Скифопольского, византийского агиографа VIII в. н. э. Творения этого автора Нестору были известны в переводе с греческого языка на славянский.

Самый факт появления в конце XI — начале XII в. нового

жития Бориса и Глеба знаменателен. Он свидетельствует о высоком уровне литературной культуры у нас на Руси на рубеже XI—XII вв., о тонком чувстве стиля, о высоких требованиях, которые уже тогда, в начале XII в., предъявлялись к литературному мастерству, к агиографии в частности.

Начал Нестор свое «Чтение» с обширного вступления, построенного по всем правилам агиографической риторики, с обращения к богу с просьбой подать ему «разум» на сложные жития (ср. обращение античных ораторов к Зевсу в начале речи) и с просьбой к читателю извинить его «грубость» (этого требовало литературное приличие). Далее у Нестора шел краткий очерк всемирной истории от Адама и Евы до крещения Руси; очерк этот, по замыслу автора, должен был наглядно показать читателю всемирно-исторический смысл крещения Руси и появления на Руси первых ее святых — Бориса и Глеба.

От этой национально-патриотической темы, разработанной во вступлении, Нестор переходит к собственно житию Бориса и Глеба. Начал он его, следуя агиографическому обряду, с рассказа о детстве героев. «Сказание» ничего не сообщало о детстве Бориса и Глеба. Нестор решил восполнить пробел, восполнить так, как этого требовал обычай. Младшие сыновья князя Владимира, Борис и Глеб, у Нестора уже в раннем детстве «светящаяся, акы две звезде светле посреде темных» («как две звезды светлые на темном небе»). Уж тогда почил на них «благодать божия». Борис усердно читает книги, преимущественно жития святых мучеников, много «со слезами» молится, приуготовляя себя к будущему подвигу — мученической кончине. Борису во всем старался подражать и его младший брат Глеб. Он ни на шаг не отходил от старшего брата, и, когда тот молился, он внимательно прислушивался к его словам, день и ночь сидя около Бориса и повторяя за ним слова молитвы. Когда Борис достиг юношеского возраста, он женился, но не потому, что чувствовал влечение к браку, а чтобы не ослушаться отца, подобно Алексею, «человеку божию». Во Владимире, куда он вскоре переехал по настоянию отца, Борис продолжал тот же образ жизни, что и в Киеве, удивляя всех милосердием своим и кротостью.

Рассказ Нестора о мученической кончине Бориса и Глеба во многом напоминает соответствующий рассказ «Сказания»: тот же ход событий, те же ситуации, но имеются и некоторые характерные отступления. Отступления эти, если внимательно к ним присмотреться, наглядно раскрывают замысел Нестора: его явно не удовлетворяли Борис и Глеб в изображении «Сказания»; они казались ему слишком человеческими, материальными, недостаточно одухотворенными. Нестор сделал все, чтобы устранить и этот пробел у своего предшественника. В изображении Нестора Борис и Глеб утратили последние черты, сближающие их с живыми, реальными людьми. Перед нами типич-

ные лики святых, строгие, сумрачные, написанные по всем правилам византийской словесной иконописи. Не только Борис, но и Глеб у Нестора знают о том, что их ждет смерть от руки наемных убийц; знают и деятельно готовятся к ней: прощаются с окружающими, молятся. Борис перед смертью, в ожидании убийц, даже читает книгу; все предусмотрено, все известно заранее, и братья спокойно идут навстречу смерти принять мученический венец, обещанный им еще в детстве. В «Сказании» Борис и Глеб непрерывно плачут, проливая целые потоки слез; у Нестора они радуются своей участи, почти совсем не плачут; образы Бориса и Глеба у него суше, строже, схематичнее: в «Сказании» они проникнуты теплым сентиментальным лиризмом; у Нестора — торжественной, почти литургической патетикой.

Большое место занимает у Нестора рассказ о посмертных чудесах Бориса и Глеба. Рассказ этот — он следует непосредственно за рассказом о кончине Бориса и Глеба — распадается на девять небольших новелл, из которых каждая вполне самостоятельна и связана с соседней только единством темы.

Здесь относятся рассказы: 1) об обретении нетленных мощей Бориса и Глеба; 2) о чудесном исцелении хромого; 3) об исцелении слепого; 4) о создании церкви в честь мучеников Бориса и Глеба в Вышгороде и о торжестве их канонизации; 5) о чудесном освобождении узников, томившихся в темнице (в темницу явился Борис и Глеб на коне в сопровождении отрока, державшего свечу, и сказали: «Не бойтесь нас. Мы святые Борис и Глеб. Мы приехали, чтобы освободить вас, так как вы покаялись в грехе своем». Разгневанные братья «разметали» темницу, оковы железные пали, судья, узнав об их заступничестве, не посмел идти наперекор воле святых князей); 6) о перенесении нетленных мощей Бориса и Глеба 20 мая 1072 г. в новую церковь, построенную по инициативе Изяслава Ярославича; 7) о чудесном исцелении одного убогого, от рождения немого и безногого; 8) о том, как наказали Борис и Глеб одну нерадивую женщину, а потом помиловали; 9) о чудесном исцелении одного слепорожденного.

«Сказание» и «Чтение о Борисе и Глебе» утвердили в древнерусской литературе тот тип жития, который в нашей науке получил название «княжеских житий». Жития этого типа окружали ореолом святости господствующую в стране династию князей.¹

Конечно, не все князья удаивались агиографического про-

¹ Издание текстов «Сказания» и «Чтения»: Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916; С. А. Бугославский. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князя Бориса та Глеба. Київ, 1928. [См.: И. П. Еремин. Сказание о Борисе и Глебе. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси (Этюды и характеристики). М.—Л., «Наука», 1966, стр. 18—27].

славления. В XIII—XIV вв. это обычно были князья, оказавшие Русской земле какие-либо важные услуги: патриоты, борцы за независимость родины — Александр Невский, Михаил Черниговский, Довмонт Псковский и др.

Наряду с «княжескими житиями» стали появляться в древнерусской литературе и жития, посвященные выдающимся деятелям церкви — основателям тех или иных монастырских обществ.

Древнейший и наиболее замечательный памятник житий этого типа — житие основателя Киево-Печерского монастыря Феодосия Печерского. Автором этого жития был тот же Нестор, который в начале XII в. составил «Чтение о Борисе и Глебе».

Житие Феодосия Печерского

Феодосий Печерский — церковно-политический деятель и писатель XI в. Его сочинения были изданы мною в 1947 г.²

В 1108 г. Феодосий Печерский был канонизован, т. е. официально причислен по совместному решению митрополита и князя Святополка Изяславича к лику святых, и в честь его был установлен церковный праздник. Событие это несомненно и побудило Нестора взяться за составление Жития Феодосия. Когда написал его Нестор, точно неизвестно; во всяком случае, не ранее 1108 г., после «Чтения о Борисе и Глебе» (во вступлении он сам говорит, что приступил к написанию Жития Феодосия после «Чтения о Борисе и Глебе».)

Феодосий Печерский скончался 3 мая 1074 г. Нестор, следовательно, приступил к составлению Жития Феодосия тридцать с лишним лет спустя после его смерти. Нестор пришел в Печерский монастырь семнадцати лет, когда Феодосия уже не было в живых и когда вокруг Феодосия в стенах монастыря стала складываться благочестивая легенда. Эта легенда — устные рассказы и предания — и послужила Нестору основным источником его литературного труда. Другим источником явились византийские жития Антония Великого и в особенности основателя палестинского монастыря Саввы Освященного, хорошо известные Нестору в переводе с греческого на старославянский язык: данными этих переводных житий он пользовался обычно тогда, когда устная легенда о Феодосии Печерском не давала ему материала для рассказа.

В литературном отношении Житие Феодосия Печерского Нестора, как и его «Чтение о Борисе и Глебе», — образец «правильного», классического жития. Все на месте: традиционное

² [И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 159—184].

вступление, полная биография героя, начиная с его рождения и кончая смертью, рассказ о чудесах и заключение, ровный неторопливый «сказ» от автора, строгое соблюдение всех правил агнографического литературного стиля.

Вступление у Нестора довольно велико по объему; оно сооткано из традиционных стилистических клише; тут есть все, чего требовал агнографический литературный обряд: и благодарность богу за то, что он сподобил его, Нестора грешного, поведать миру о жизни и чудесах угодников божиих, сперва Бориса и Глеба, а теперь Феодосия, и просьба к читателю извинить его «грубость» и неискусство, и молитва к богу просветить сердце и уста его на «исповедание» чудес и на «похваление» Феодосия Печерского, «начальника» всея Руси. Интересна в формулировке Нестора цель его Жития Феодосия Печерского; он написал его, преследуя прежде всего национально-патриотическую задачу: показать, что и у нас на Руси были святые, прославленные своею жизнью и своими чудесами («яко и в стране сей таков муж явися»).

У Нестора Феодосий Печерский с первого своего появления перед нами предстает в образе типичного «святого», т. е. идеального положительного героя, как того и требовал агнографический стиль. Сын благочестивых родителей, Феодосий уже в раннем детстве поражал всех своим поведением: он прилежно посещает церковь, внимательно прислушивается к словам святого писания, сторонится общества своих сверстников, нарядной одежде предпочитает «худую», в заплатах; не раз родители его предлагали ему надеть светлую одежду, нарядную, пойти поиграть с другими детьми, но он всегда отказывался; рано стал он просить родителей научить его грамоте; они наняли ему учителя, и вскоре все были поражены его «премудростью», остротой его «разума»: он не только мгновенно научился читать и писать, но еще в детстве успел изучить «все божественное писание» (ибо, пишет Нестор, «благодать божия бе на нем и дух святыи измлада вселился во нь»). Феодосий в изображении Нестора — «избранник божий».

«Святой» требовал своей антитезы, и Нестор об этом позаботился в самом начале своего рассказа, Иконописному отроку Феодосию Нестор противопоставил его родную мать — воплощение земного, материального начала. Это земное, материальное начало в образе матери Феодосия Нестор выразительно подчеркнул, дав описание ее внешнего облика: была она «телом крепка и сильна, якоже муж; аще бо кто не веда ея и слышав ю беседующу к кому, то мнети ю мужа суща» (т. е. была она «телом крепка и сильна, как мужчина; тому, кто слышал, как она с кем-либо говорит, но не видел ее, казалось, что это говорит мужчина»). В тех же целях подчеркнул Нестор и господствующую в ее характере страсть: эта сильная мужеподобная женщина в его изображении буквально одержима лю-

бовью к сыну; сына она любит, как животное своего детеныша, любит звериной любовью, и любовь эта (Нестор осуждает ее как земную) — источник постоянных столкновений между нею и Феодосием.

Эти столкновения — они под пером Нестора принимают характер своеобразного поединка между отроком Феодосием и его матерью — и составляют содержание Жития Феодосия в его начальной части.

Рассказ Нестора об этом поединке не лишен драматического движения и занимательности. Нестор здесь обнаружил себя как большой мастер рассказа. Этот поединок между Феодосием и его матерью завязался, когда Феодосию исполнилось 13 лет и он с матерью переехал после смерти отца из Василева под Киевом в Курск. Начался он с того, что Феодосий однажды тайно от матери ушел на село работать, очевидно, на поле с рабами. Узнав об этом, мать вернула его назад и жестоко, «от великия ярости» избивала его. Тогда Феодосий, который думал только об одном, «како и кымь образом спастися», решил бежать из родительского дома. Он стал выжидать удобного случая. Скоро такой случай представился: проходили однажды мимо их города паломники; узнав о том, что они направляются в Палестину на поклонение гробу господню, Феодосий упросил их взять его с собой; паломники согласились. Никому не говоря ни слова, ночью, тайно Феодосий покинул родительский дом, не взяв с собой ничего, кроме одежды, бывшей на нем, да и то худой, и вместе с паломниками отправился в путь.

Обнаружив исчезновение сына, мать бросилась за ним в погоню. Она нагнала его уже далеко за городом; паломников разбранила, а сына «от ярости же и гнева многа» схватила за волосы, бросила на землю и стала, плача и бранясь, попирать его ногами, а затем связанного, «яко некоего злодея», привела домой; «гневом одержима», она и дома принялась его жестоко бить, «дондеже изнеможе» («пока не изнемогла»). Затем повела в пустую горницу и заперла его там, связанного по рукам и ногам. Через два дня сердце ее несколько смягчилось: она пришла к сыну, выпустила его на волю и накормила, но так как все еще была «гневом одержима», ноги его опутала тяжелой железной цепью, чтобы не задумал снова бежать. Несколько дней спустя сердце ее окончательно смягчилось: она не выдержала, сняла с него железную цепь и плача стала просить, чтобы он не покидал ее, «любляше бо его паче инех и того ради не терпяше без него быти». Феодосий обещал, но поведения своего не изменил: стал, как простой раб, работать в местной церковной пекарне. Сверстники его начали над ним смеяться, но Феодосий эти насмешки над собой и брань переносил «с радостию» и в «молчании». Мать не выдержала и стала ласково его просить: «Молю тя, чадо, останися от таковыя работы, уко-

ризу бо наносиши на род свой. Не терплю бо слышати от всех укоряему ти сущу о таком деле, и несть бо ти лепо, отроку сущу, такое дело творити». Но ни уговоры, ни побои ни к чему не привели: Феодосий продолжал работать в пекарне. Мать оставила его в покое, надеясь, что он, когда постарше станет, одумается. Борьба с сыном, ежедневная, ежечасная, ее утомила. Феодосий между тем готовил ей новое испытание. Он познакомился с одним кузнецом и попросил его сковать ему железные вериги. Когда вериги были изготовлены, Феодосий, следуя примеру великих подвижников-аскетов, опоясался этими веригами и носил их на теле под рубашкой; цепь была узка, и железо стало вгрызаться ему в тело, причиняя боль, но Феодосий терпеливо переносил боль. Однажды «начальник» города затеял у себя пир, на котором должны были присутствовать многие знатные особы. Прислуживать гостям во время этого пира должны были юноши — дети состоятельных граждан города. В указанный день обязан был отправиться к «начальнику» города и Феодосий вместе со своими сверстниками. Мать приказала Феодосию переодеться в чистую и светлую одежду; «прост сый сердцем», Феодосий стал переодеваться при матери, не таясь от нее; заметив на его рубашке кровь, она обратила внимание, что сын на теле носит железные вериги; в сильном гневе она изорвала на нем рубаху, отняла вериги, а его самого жестоко избивала. Поединок сына с матерью возобновился.

Однажды в церкви Феодосий слушал, как священник читал Евангелие. «Аще кто не оставит отца и матери и в след мене не идеть, несть мене достоин», — прочел священник. Слова эти поразили Феодосия и глубоко запали ему в душу: он твердо решил уйти из родительского дома и постричься в монахи. Феодосий стал выжидать удобного случая, чтобы привести в исполнение свой замысел. Когда однажды мать его на несколько дней по хозяйственным делам отправилась на село, Феодосий тайно покинул родительский дом, взяв с собой только немного хлеба на дорогу. Он решил отправиться в Киев. Пристал по пути к проезжим купцам и в конце концов пешком — шел он три недели — добрался до столицы. Стал он ходить по монастырям, но нигде — ни в одном из киевских княжеских монастырей — его не приняли: везде требовали денег, вступительного вклада, у него же ничего не было, кроме рубища, в которое он был одет. Узнав случайно, что за городом, в пещере, глубоко под землею, с двумя-тремя старцами «спасается» некто Антоний, Феодосий решил попытать счастья у него. Он пришел к нему, поклонился до земли и стал просить, чтобы тот принял его. Антоний, видя перед собой отрока, усомнился, выдержит ли он суровую жизнь в темной и тесной пещере, но Феодосий уверил его, что выдержит. Тогда Антоний указал ему место, а Никону, старцу, жившему в той же пещере, повелел совершить над Феодосием обряд пострижения и облечь в монаше-

скую одежду, что тот и сделал. Так Феодосий в 1032 г. стал монахом и скоро удивил самого Антония Печерского своим суровым воздержанием и терпением.

Между тем мать Феодосия принимала все меры к тому, чтобы отыскать сына; она отправила слуг на поиски, обещая большое вознаграждение тому, кто наведет ее на след; металась, горько («люте») плакала, бия себя руками в грудь. Так прошли четыре года, пока случайно кто-то не сообщил ей, что видел Феодосия в Киеве, когда тот в поисках пристанища бродил по монастырям. Узнав, что сын ее в Киеве, мать немедленно собралась в путь. В Киеве она долго ходила из монастыря в монастырь в надежде что-либо узнать о сыне, но безрезультатно. В конце концов она как-то узнала, что сын ее в пещере у Антония Печерского. Она отправилась туда, нашла пещеру, упросила монахов вызвать к ней Антония. Когда Антоний вышел к ней, она упала к его ногам. «Отче, скажи, у тебя сын мой?» — смиренно спросила она его. «У меня», — ответил Антоний, ибо был «прост умом». Тогда она стала просить его, чтобы он дал ей возможность повидаться с сыном. Антоний посоветовал ей прийти на следующий день; сын ее дал обет не видаться ни с кем из посторонних, но он, Антоний, попытается уговорить его, скажет, что пришла мать. Однако и на следующий день Антоний не смог сообщить ей ничего отрадного: Феодосий наотрез отказался нарушить данный им обет. Тогда мать уже не смиренно, но «с гневом великим» закричала: «Негодный старче! Ты скрыл сына моего у себя в пещере и нарочно не хочешь показать мне его. Но знай, я не уйду отсюда, пока не увижу его! Умру здесь, у вашей пещеры, убью себя, если не покажешь мне сына!» В смущении и в скорби пошел Антоний в пещеру и стал просить Феодосия, чтобы тот ненадолго вышел к матери. Не желая огорчать Антония, Феодосий на этот раз уступил его просьбе. Когда мать увидела сына, она его не узнала — до такой степени он изменился «от многого труда и воздержания». Гнев ее прошел, и она бросилась к нему на грудь и горько заплакала. Немного успокоившись, она стала говорить: «Пойдем домой, сыну! Что хочешь, то и делай, только не покидай меня одну. Когда умру, когда похоронишь меня, тогда вернешься в пещеру эту, если захочешь. Не могу жить без тебя, умру с тоски по тебе». Феодосий ответил ей на это: «О мать! Если хочешь каждый день видеть меня, останься в Киеве, поступи в один из женских монастырей и тогда, изредка навещая меня, сможешь видеть меня. Если же нет, то истинно тебе говорю: не увидишь меня больше никогда». В ответ на эти суровые и холодные слова (Феодосий в изображении Нестора здесь, в этом эпизоде своей биографии, уже совсем «не от мира сего») мать заплакала, не зная, на что ей решиться. После долголетней борьбы с сыном она сдалась: победу одержал Феодосий. По его совету она бросила все, осталась в Киеве, приняла

иноческий образ в монастыре св. Николая, где некоторое время спустя и скончалась.

Из рассказа Нестора, впрочем, неясно, что явилось действительной причиной ее поражения: «небесная» любовь к Христу, утешителю всех скорбящих, или земная любовь к сыну. На вопрос этот Нестор не дал прямого ответа. Так или иначе, но роль матери в рассказе Нестора завершена. Отныне в центре его внимания только один Феодосий, история его постепенного восхождения по лестнице все новых и новых духовных совершенств.

С выпадением из повествования интриги (т. е. рассказа о борьбе Феодосия с матерью) житие лишилось драматического действия; очевидно, чтобы восполнить этот пробел, Нестор разбил дальнейшее повествование на ряд небольших рассказов-новелл, каждой из которых даже дал особый подзаголовок. В результате Житие Феодосия под пером Нестора из «романа» переключилось в «сборник новелл», связанных между собой единством центрального героя.

Такой способ повествования позволил Нестору показать Феодосия во весь рост как святого, т. е. идеально-положительного героя; каждая новая «новелла» — новая иллюстрация его «святости», его духовных совершенств. Все «новеллы» в целом — своеобразная «панорама» монашеских добродетелей Феодосия. В сооружении такой «панорамы» Нестор, очевидно, и усматривал основную задачу своего труда.

В изображении Нестора Феодосий Печерский прежде всего суровый подвижник-аскет, деятельный начальник и хозяин вверенного ему монастыря — фактически он был его основателем и первым игуменом; при Антонии братия монастыря ютилась в пещерах и Печерская обитель напоминала собой скорее скит, чем монастырь; в 1062 г. по инициативе Феодосия братия из пещер окончательно переселилась на поверхность земли, туда, где и теперь стоит Печерский монастырь. Была сооружена церковь, сначала деревянная, в честь богородицы, были построены и кельи. Был введен так называемый Студийский устав, и монастырь впервые получил организацию по типу знаменитого на православном Востоке Студийского монастыря. В 1073 г. по инициативе Феодосия была заложена большая каменная церковь в честь печерской богородицы, достроенная уже при преемнике Феодосия — игумене Стефане, та самая, которую варварски разрушили немцы в последнюю мировую войну. Энергии и предприимчивости Феодосия Печерский монастырь обязан был тем, что стал очень скоро — уже во второй половине XI в. — не только церковным, но и крупнейшим культурным центром Киевской Руси.

Портрет Феодосия в изображении Нестора, несомненно, агиографически стилизован, но за этим покровом агиографической стилизации просвечивают порой черты и реального Феодосия,

одетого в ветхую власяницу, крайне нетребовательного в пище, сурового и деятельного игумена: он сам и дрова колот, и воду носил из колодца, и в пекарне тесто месил, и прядл волокно, необходимое для переплета книг. Человек властный и требовательный по отношению не только к своим подчиненным, но и к князьям, Феодосий Печерский не раз позволял себе резкую критику как внешней, так и внутренней политики князей. В 1073 г. Святослав Ярославич отнял у Изяслава, своего старшего брата, киевский стол. Сообщая об этом событии, Нестор рассказывает, что Феодосий отправил Святославу ряд посланий, обличая его в захвате власти. Он упоминает, что Святослав, когда прочел одну из этих «эпистолий», в сильном гневе, «яко лев рыкнув», хватил ею об пол.

К сожалению, ни эта «эпистолия», за которую Феодосий едва не попал в заточение, ни другие его обличительные послания князю Святославу не дошли до нас.

Из отдельных рассказов («новелл») Нестора в литературном отношении наиболее замечательны следующие: 1) о вознице, который вез Феодосия из Киева в монастырь; 2) об ангеле, который дал Феодосию золотую гривну; 3) о разбойниках, напавших на монастырь Печерский; 4) о бочке меда, наполнившейся во славу Феодосия (приезд в гости князя Изяслава Ярославича).

Закончил Нестор Житие Феодосия подробным рассказом о его смерти (3 мая 1074 г.). Незадолго до своей кончины Феодосий, как подобает святым, точно указал братии день и час, когда отойдет к господу (3 мая на рассвете). Накануне кончины он призвал всех, простился, назначил преемником Стефана, а на рассвете попросил всех удалиться, оставив его одного. Один брат слегка приотворил дверь и в образовавшуюся щель стал смотреть: Феодосий помолился богу, перекрестился, немного полежал спокойно, вдруг улыбнулся и весело кому-то сказал: «Слава богу, что так будет; не боюсь я теперь смерти» (очевидно, его посетило какое-то видение),—еще раз улыбнулся, простер ноги и умер.

Коротенькое заключение завершает у Нестора и этот рассказ, и всю композицию в целом.

Несторово Житие Феодосия пользовалось в старину громадной популярностью. Древнейший список Жития—XII в. В XIII в. оно полностью было включено в состав так называемого Печерского патерика. В XVII—XVIII вв. не раз переиздавалось. В настоящее время это житие, разумеется, представляет собой только чисто исторический интерес как один из древнейших памятников нашей литературы и языка.

Теперь нам ясна идейная и художественная ограниченность житийного жанра—типичного для средневековой церковной литературы, но ясна в историко-литературном аспекте и та объективно положительная роль, которую жанр этот сыграл в

свое время в нашей литературе; в частности, уже в XI—XII вв. он способствовал развитию искусства рассказа, пробудил интерес к человеку, к миру его душевной жизни, необычайно остро поставил перед читателем ряд вопросов морали — пусть христианской и в специфически церковно-монашеском ее осмыслении. А уже одно это было несомненным завоеванием нашей молодой литературы.

Некоторые жития, в частности Житие Феодосия, не утратили своего значения и как ценный исторический источник. Едва ли не все события истории Печерского монастыря находят здесь то краткое, то более подробное описание (избрание Феодосия игуменом, переселение иноков из пещер на поверхность земли, строительство в монастыре, взаимоотношения с киевскими князьями — конфликты с князьями Изяславом и Святославом). Отражены в нем и некоторые стороны древнерусского быта: производство книг, переплетное дело, организация снабжения.³

Киево-Печерский паперик

В 20-х годах XIII в. стал формироваться замечательный литературный памятник, связанный с Киевской Русью, — Киево-Печерский паперик.

Слово «паперик» соответствует греческому *πατερικόν*, от *πάτερ* («отец»). Им обозначались особые сборники, в состав которых входили небольшие дидактические новеллы из жизни пустынников-анахоретов. Историки византийской литературы не выяснили еще сущности этого жанра. Несомненна связь папериков с фольклором — местным и восточным: легендарный материал и композиция сборников сближают паперики со сборниками сказок. У себя на родине, в Византии, и у нас в древней Руси паперики пользовались огромной популярностью. Это были книги для домашнего широкого чтения. Их называли арабскими сказаниями христианского Востока.

Некоторые русские писатели XIX в. переводили паперики и заимствовали из них сюжеты (см., например, «Отец Сергей» Л. Н. Толстого).

Киево-Печерский паперик — сборник рассказов о прославленных своими деяниями иноках киевского Печерского монастыря и о его главной святыне — соборной церкви Успения богородицы. Сборник этот складывался постепенно. В процессе своей многовековой литературной истории он не раз перерабатывался по содержанию, дополнялся новыми материалами, пе-

³ Издание текста: А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899, стр. 40—96. [См.: И. П. Еремин. К характеристике Нестора как писателя. — В его кн.: Литература древней Руси, стр. 28—41].

рестраивался по составу. Окончательно он оформился лишь в середине XV в.

В основание патерика легли следующие три произведения 20-х годов XIII в.: послание Симона, епископа владимирского и суздальского, к печерскому инокку Поликарпу, его же повесть о том, как была построена печерская Успенская церковь, и послание Поликарпа к игумену Печерского монастыря Акиндину.

Сведений о жизни Симона сохранилось немного. Монах Печерского монастыря, затем игумен владимирского монастыря Рождества богородицы, он в 1214 г. был поставлен епископом в Суздаль и Владимир; умер 22 мая 1226 г. О Поликарпе нам известно только то, что сообщает о нем Симон.

Послание к Поликарпу епископ Симон написал незадолго до смерти по следующему поводу. Поликарп был крайне недоволен пребыванием в Печерском монастыре. Ему казалось, что в монастыре его недостаточно ценят. Тяготясь своим положением рядового монаха, он полагал, что с успехом мог бы занять какой-либо ответственный церковно-административный пост. Временно ему действительно удалось стать игуменом в двух местных монастырях — Козьмодемьянском и Дмитровском, но затем он снова вернулся в Печерский монастырь. Теперь он стал добиваться епископского сана. Одна из влиятельных тогда княгинь, вдова Ростислава Рюриковича, Верхуслava, взялась хлопотать за него; она обратилась к Симону с просьбой предоставить Поликарпу одну из вакантных епископских кафедр и обещала покрыть из своих средств все расходы, связанные с этим назначением. Планам княгини Верхуслavy сочувствовал и ее брат, великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Домогательства Поликарпа произвели на Симона тягостное впечатление. Желая положить им конец, Симон написал Поликарпу укоризненное послание, где сурово осудил его поведение, назвал «санолюбцем», упрекал в самомнении и в недостатке скромности, приличествующей инокку. Он настоятельно советовал Поликарпу не покидать Печерской обители, примириться с игуменом, если тот его чем-либо вольно или невольно обидел, подумать о своей душе.

В том виде, в каком мы теперь его знаем, послание Симона заканчивается особым приложением—серией рассказов из жизни некоторых печерских иноков, «просиявших», подобно «лучам солнечным». Всего рассказов девять. Все они были написаны Симоном с целью наглядно, на ряде конкретных примеров, показать Поликарпу значение и святость Печерского монастыря. Судя по тому, что рассказы эти перебиваются обращениями Симона к Поликарпу, развивающими тему его обличительного послания, есть все основания думать, что написаны они были специально для Поликарпа и одновременно с посланием.

Тогда же Симон написал и свою повесть о том, когда и как была построена печерская Успенская церковь. Начальные стро-

ки повести («Прииду же и на другая сказания. . .») позволяют утверждать, что она была написана Симоном некоторое время спустя после послания. Нет сомнения, что повесть также была отправлена в Киев Поликарпу — в назидание и поучение.

Поликарп свое послание игумену Акиндину написал, как кажется, еще при жизни епископа Симона.

Послание Поликарпа тоже сопровождается приложением — одиннадцатью рассказами о печерских святых. В послании Поликарп следующим образом объяснял причины, побудившие его взяться за перо. Игумен некогда велел ему рассказать о печерских подвижниках, о их «деяниях и знамениях». Поликарп в свое время «мало нечто» поведал ему, но много забыл «от страха», о многом, смутившись, «исповеда неразумно». Это и заставило его теперь подробно «писанием известити» о том же. В отличие от Симона Поликарп предназначал свои рассказы для широкого читателя («да и сущи по нас. . . уведят благодать божью»). И это дает основание полагать, что его послание Акиндину носит не столько личный, сколько литературный характер и служит своеобразным предисловием, мотивирующим дальнейшее повествование.

Вероятно, уже в XIII в. все три произведения были объединены в одно целое и дополнены сказанием «Повести временных лет» о печерских иноках Демьяне, Иеремии, Матвее и Исакии. Так было положено начало тому сборнику, который уже тогда, видимо, получил название Киево-Печерского патерика и вскоре приобрел широчайшую популярность на Руси, сохранившуюся вплоть до XVIII в.

Основным источником для Симона и Поликарпа явились прежде всего устные предания и легенды, распространявшиеся в стенах Печерского монастыря. Пользовались они также местным монастырским «поминаньем», летописями, житиями основателей монастыря — Антония и Феодосия Печерского. Можно уловить в произведениях авторов патерика и следы многократного чтения греческих патериков, известных на Руси в переводе уже с XI в.

Центральное место в Киево-Печерском патерике занимают сравнительно небольшие по объему рассказы о наиболее знаменитых печерских подвижниках XI — первой половины XII вв., прославленных своей святостью и духовными подвигами.

В изображении Симона и Поликарпа печерские святые — люди особого склада, поставившие своей целью достичь того аскетического идеала жизни, который уже в древности выработали греческие и восточные монашеские общины, утверждая свой моральный авторитет в обществе. Рассказывая о жизни и чудесах печерских святых, авторы патерика сделали все, чтобы вызвать у читателя чувство благоговейного удивления. Печерские святые совершают деяния, подчас переходящие границы

возможного. В надежде на загробное блаженство они отказываются от всех радостей и утех жизни. В неустанной борьбе с грешной плотью они обнаруживают необыкновенную выносливость и терпение: безропотно переносят стужу и зной, способны неделями обходиться без сна, без пищи и воды, носят на теле тяжелые вериги (железные цепи) и даже во славу божью причиняют себе разные увечья и раны; всегда погруженные в молитву и покаянное созерцание своих несовершенств, они жаждут уединения и часто дают обет полного безмолвия. Вся их жизнь — непрерывный подвиг отречения от мира и самоотречения; смерть они приветствуют как освобождение от тяжкого ярма, как воскресение для новой жизни в боге. Разумеется, такие труды не остаются без награды. Бог посылает им дар пророчества и умение читать в сердцах, способность творить чудеса. Они исцеляют больных, тушат пожары, низводят с неба дождь и даже воскрешают мертвых. Наиболее совершенные удостоиваются еще при жизни общения с небом: их посещают ангелы и святые, в сонном видении им является богородица, в ночной тишине с ними беседует сам господь бог. После смерти нетленные тела их издают благоухание и становятся неиссякаемым источником новых чудес. Они «храбры» божьи — богатыри духа, посредники между людьми и богом, «светильники», освещающие юдоль земную немеркнущим светом своих добродетелей.

Авторы патерика не всегда ограничиваются иллюстрацией святости своих героев. Иногда они повествуют и о том, какой путь проходят их герои, постепенно поднимаясь все выше и выше по лестнице духовных совершенств, и тогда рассказы авторов патерика приобретают сюжетную интригу, не лишенную драматического движения и занимательности.

Содержанием рассказов последнего типа является обычно нелегкая борьба, которую ведут печерские подвижники, преодолевая на пути к святости разного рода препятствия.

Препятствия эти иногда чинят люди: родители святого, оберегающие его от тягот иноческой жизни; миряне, по злобе своей или простоте не способные понять и оценить «труд» подвижнический; женщины, одержимые любовной страстью; знатные мира сего, не уважающие ничего, кроме своей злой воли. Люди мешают святым совершать их подвиги, но не они все же являются главными противниками. Больше всего бед причиняют им бесы.

Рассказы о борьбе печерских отшельников с бесами — наиболее занимательные страницы Печерского патерика. Именно здесь в патерике ярче всего сказывается та «прелесть простоты и вымысла», которую отметил в нем еще А. С. Пушкин в письме к П. А. Плетневу от 14 апреля 1831 г.

В изображении Симона и Поликарпа бесы менее всего являются персонафикацией душевных сомнений и колебаний челове-

ка, аллегорическими воплощениями его страстей. В реальном существовании бесов авторы патерика ничуть не сомневались. Надо полагать, что представляли они себе бесов так же, как древний летописец («суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще») или современные им живописцы. Основное назначение бесов — сеять зло по наущению дьявола. Хитрые и пронырливые, они пользуются каждым случаем, чтобы искутить человека, внушить ему то или иное греховное помышление — изобрести какую-нибудь «пакость». Бесы — противники, опасные и для святых, так как обладают способностью видоизменять свое естество: они могут предстать в любом образе, даже в образе ангела. По словам Поликарпа, двух печерских подвижников, Федора и Василия, бес поставил в крайне затруднительное положение, время от времени принимая образ одного из них. Бесы, однако, не всесильны. В борьбе с ними победу все же одерживают святые. Побежденные бесы вредить уже не могут, и старцы печерские часто не без злорадства этим пользовались: заставляли бесов работать на монастырскую братию, выполнять самые трудные поручения — таскать, например, бревна или молоть жито.

Замечательной особенностью Печерского патерика является тот факт, что Симон и Поликарп свой сказочно-фантастический мир, мир поверий и легенд, показывают на фоне вполне реальной исторической действительности XI—XII вв.: в рассказах патерика упоминаются в качестве участников и очевидцев происходящих событий многие древнерусские князья (Святополк Изяславич и сын его Мстислав, Ростислав Всеволодович, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий и др.); излагаются события, известные нам по летописи, даже иногда с подробностями, в летописи отсутствующими; сообщается немало фактов, характеризующих церковный и монастырский быт той эпохи. Попутно вводя все эти исторические и бытовые реалии, авторы патерика не замечали, что подчас наносили непоправимый ущерб благочестивой идиллии своего повествования: в патерик проникали и такие факты, которые обнажали — независимо от субъективных намерений авторов патерика — многие теневые стороны быта «святой» обители (распри среди братии; наличие в монастыре богатых монахов, наживших богатство отнюдь не праведными путями; тяжелый подневольный труд монастырских «рабов»).

Несколько особняком в композиции патерика стоит повесть епископа Симона о чудесных обстоятельствах постройки во второй половине XI в. печерского Успенского собора — одного из замечательнейших архитектурных сооружений древней Руси. Повесть состоит из ряда рассказов, связанных единством темы; в историко-литературном отношении она интересна тем, что в ее основу легли наряду с местными и какие-то предания варяжского (скандинавского) происхождения. С преданиями этими

Симон, видимо, познакомился в Суздале от потомков варяга Шимона, одного из очевидцев «создания церкви Печерской».

Важное общественно-литературное значение для своего времени Киево-Печерского патерика не подлежит сомнению. В эпоху, когда центр политической жизни уже давно переместился из Киева на северо-восток, накануне татаро-монгольского нашествия, в дни ожесточенных феодальных войн авторы патерика напоминали о славном прошлом Киева, об общерусском значении Печерского монастыря и его святых и этим поддерживали в сознании современников самую прогрессивную идею того времени — идею единства Русской земли.⁴

ЛЕТОПИСАНИЕ

Среди жанров древнерусской литературы летопись занимает центральное место. Развивался этот жанр в течение восьми веков (XI—XVIII вв.). Дошедшие до нас летописи были изданы Академией наук под общим названием «Полное собрание русских летописей», первый том которого вышел в 1841 г. [и последний — 30-й — в 1965 г. *Прим. ред.*]. Ни одна европейская литература не обладала таким количеством летописей. В основе всего древнерусского летописания лежит «Повесть временных лет», остальные летописи к ней примыкают.

Когда и где началось русское летописание? Есть основания полагать, что в первой половине XI в., в Киеве и Новгороде. На вопрос о том, кто занимался летописанием, ответить труднее, чем кажется. Дело в том, что летописцы, за немногими исключениями, не имели обычая указывать свои имена. Решая этот вопрос, приходится опираться на косвенные данные — на содержание летописи. Преимущественно, но не всегда летописанием занимались монахи, специально к этому делу приставленные и прошедшие выучку под руководством старших мастеров этого дела.

Составлялись летописи иногда по поручению князя, игумена или епископа, иногда по личной инициативе. Если летопись велась по прямому поручению того или иного князя, то она обычно носила более или менее официозный характер, отражая политическую позицию этого князя в современной ему феодальной борьбе, его политические симпатии и антипатии.

⁴ Издание текстов: Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Київ, 1931; см. также: М. А. Викторова. Киево-Печерский патерик по древним рукописям в переложении на современный русский язык. Киев, 1870. [Перевод М. А. Викторовой, заново отредактированный и проверенный И. П. Ереминым, см. в кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., Гослитиздат, 1957, стр. 147—226; см. также: <И. П. Еремин>. Киево-Печерский патерик. — В кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 338—346].

Но не следует обобщать отдельные факты, не следует преувеличивать. официозный характер древнерусского летописания, как это иногда делает историческая наука, считающая, что летописец — придворный историограф, готовый написать все, что ему прикажут (теория «князя-заказчика»). В действительности же древнерусские летописцы, даже составляя свою летопись по поручению того или иного князя, отнюдь не всегда слепо шли на поводу у своего «заказчика» и нередко проявляли независимость мысли, отражая точку зрения широких народных масс на те или иные события, нередко подвергали критике действия и поступки князей, если эти действия и поступки казались им заслуживающими порицания.

В этом смысле исключительный интерес представляет заявление одного русского летописца XV в. (заявление, на которое историки древнерусского летописания не обращали должного внимания). Этот летописец просил читателя не обижаться на него за то, что он, критикуя некоторые мероприятия московского князя Василия Дмитриевича, написал нечто «несладостное» и «неулаканное». По словам этого летописца, писать надо правду даже в том случае, если эта правда кому-нибудь и не понравится («нелепо кому видится»). В доказательство своей мысли, как на высокий пример того, как надо писать летопись, автор этого заявления сослался на «Повесть временных лет», древнейшую русскую летопись, на ее составителя «великаго Селивестра Выдобыжскаго» (Выдубицкого), который всегда писал «вся добраа и недобраа», «не украшая пишущаго» (т. е. исторической действительности).⁵

Вот эту черту древнерусского летописца — его стремление писать правду, «не украшая пишущаго», «вся добраа и недобраа» — гениально подметил и воссоздал А. С. Пушкин в образе летописца Пимена. Пимен предстает перед читателем как человек и патриот, которому доступно все: и жалость, и гнев, который отнюдь не «равнодушно» внимает «добру и злу». За внешним спокойствием Пимена таятся глубокие страсти, горячая любовь к родине, четкое понимание того, где «правые» и где «виновные». Сущность пушкинского Пимена предельно отчетливо вырисовывается в заключительном монологе Григория («Отшельник в темной келье» здесь на царя Бориса «донос ужасный пишет»). Пушкинский Пимен — выразитель общественного, «народного» мнения; он олицетворяет собой народный суд над царем Борисом. Думается, что Пушкин, так понимая образ древнерусского летописца, во много раз ближе к истине, чем отдельные исследователи, в свое время с большим шумом протестовавшие этот образ и противопоставившие ему другой образ — хитрого дипломата и политика («придворного

⁵ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 211.

историка»), выполняющего заказ «политической канцелярии» своего князя-покровителя. Пушкин отметил действительно одну из наиболее характерных черт облика древнерусского летописца.

«Повесть временных лет»

Древнейшая русская летопись носит в науке название «Повесть временных лет». В оригинале она имеет несколько иное заглавие, более пространное: «Се повести времянных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Дошла до нас «Повесть временных лет» в рукописных копиях не старше XIV в. Из этих копий наиболее замечательны две: рукописный пергаменный сборник 1377 г. — хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (сборник этот в науке условно называется Лаврентьевской летописью) — и рукописный сборник начала XV в. — хранится в Библиотеке Академии наук СССР (этот сборник в науке условно называется летописью Ипатьевской).

Начинается «Повесть временных лет» с рассказа о том, «откуда есть пошла Руская земля...», и доводит изложение исторических событий до 1113 г.

Летопись Лаврентьевская названа так по имени ее писца — монаха Лаврентия, который переписал ее для суздальского великого князя Дмитрия Константиновича в 1377 г. Сведения эти мы узнаем из записи Лаврентия в конце переписанной им рукописи. Запись эта, кстати сказать, очень колоритна: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий в отишье пристав, и странник в отечество свое пришед. Также радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, — также и аз худый, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних... И ныне, господа, отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, — чтите, исправливая бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел...»⁶

Лаврентьевская летопись — сборник, в состав которого вошли два произведения: «Повесть временных лет» и так называемая Суздальская летопись, доведенная до 1305 г.

Ипатьевская летопись называется так по бывшему месту своего хранения — Ипатьевскому монастырю в Костроме. Переписана была эта летопись в начале XV в. в Пскове, но с южно-русского оригинала. Подобно летописи Лаврентьевской, Ипатьевская летопись также представляет собой сборник. В состав этого сборника входят следующие произведения: «Повесть временных лет», так называемая Киевская летопись, доводящая

⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стлб. 487—488.

изложение до 1201 г., и летопись Галицко-Волынская, охватывающая период с 1201 по 1292 г.

Главное различие между обоими списками «Повести» — в ее конце. Лаврентьевская летопись доводит изложение до 1110 г. и заканчивается рассказом о чудесном явлении 11 февраля 1110 г. огненного столпа над Печерским монастырем. Рассказ этот, однако, обрывается на полуслове. В Ипатьевском списке рассказ о явлении огненного столпа над Печерским монастырем закончен; за ним следуют еще несколько сказаний — под 1111, 1112, 1113 гг. и т. д. «Повесть временных лет» переходит в летопись Киевскую, причем неясно, где кончается «Повесть временных лет» и где начинается летопись Киевская. Не разъясняют этого вопроса и другие списки «Повести временных лет».

Изучение «Повести временных лет» началось в XVIII в. По единодушному мнению всех исследователей, Лаврентьевский список «Повести» является лучшим, он наиболее близок к первоначальному виду. Внимание исследователей привлекла запись игумена Сильвестра в Лаврентьевском списке: «Игумен Силивестр... написах книги си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624 индикта 9 лета...» (т. е. в 1116 г.).⁷

Как прежде всего понимать эту запись? Как понимать эти его слова: «написах книги си летописець»? Составил или только переписал «Повесть временных лет» игумен Сильвестр? В 1116 г. была составлена «Повесть» или раньше? Были ли у Сильвестра предшественники или не были? Как согласовать запись Сильвестра с заглавием «Повести» в одном из списков, воспроизводящих Ипатьевскую летопись, — в Хлебниковском списке: «Повесть временных лет Нестера черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго...»?⁸ Каково участие в составлении «Повести» Нестера?

Вокруг этого вопроса разгорелась дискуссия. Был высказан ряд гипотез, на двух из которых остановимся подробнее.

Свою гипотезу акад. А. А. Шахматов подробно обосновал в следующих работах: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» и «Повесть временных лет».⁹ Гипотеза А. А. Шахматова может быть сведена вкратце к следующим четырем тезисам:

1) «Повесть временных лет» была не составлена, а только переработана игуменом Сильвестром;

⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 286.

⁸ ПСРЛ, т. II. СПб., 1902, стлб. 2.

⁹ А. А. Шахматов: 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 2) Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916 (Летопись занятий Археографической комиссии за 1916 г. Пг., 1917).

2) «Повесть» — сложное литературное сооружение, над созданием которого работало не одно поколение летописцев;

3) к созданию ее приступили уже в XI в.;

4) в том виде, в каком «Повесть» известна нам, она представляет собой свод нескольких не дошедших до нас летописей XI — начала XII вв.

Возникновение летописания в Киеве А. А. Шахматов относит к первой половине XI в. и связывает с учреждением в Киеве греческой митрополии и постройкой соборного храма св. Софии. Первая русская летопись, по Шахматову, была составлена в Киеве при митрополичьей кафедре св. Софии в 1039 г. Этот «Древнейший киевский свод» 1039 г. начинался с рассказа об основании города Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом — и доводил изложение до 1037 г., заканчиваясь прославлением князя Ярослава как просветителя Руси. Образцом для свода и вместе с тем источником для него послужила болгарская летопись. В 1073 г. была, по Шахматову, составлена новая летопись в Киево-Печерском монастыре. В основу этого «Киево-Печерского свода» 1073 г. легла летопись 1039 г., дополненная новыми известиями и продолженная до 1073 г. включительно. Составленный в Печерском монастыре, свод этот, естественно, большое внимание уделил истории Печерской обители и характеристике ее деятелей. В 1095 г. этот «Киево-Печерский свод» был продолжен до 90-х годов XI в. и дополнен известиями, заимствованными из местных летописей — Новгорода, Чернигова и, быть может, других городов. Переработку эту Шахматов назвал «Начальным сводом». Это был первый общерусский свод, излагавший события не одного только Киевского княжества, но всей Руси. «Начальный свод» 1095 г. и лег, по мнению Шахматова, в основу «Повести временных лет».

«Повесть временных лет» была составлена в 1112 г., еще при жизни великого князя Святополка. Автором ее был Нестор, монах Киево-Печерского монастыря. Свое изложение Нестор довел до 1111 г., посвятив последние страницы своего труда деятельности князя Святополка, описанию его бранных подвигов и характеристике его благочестия. 16 апреля 1113 г. князь Святополк умер, и на киевский стол сел Владимир Мономах, старый политический враг Святополка. Новый князь, естественно, не мог не обратить внимания на составленную Нестором «Повесть временных лет». «Необходимо было, — пишет Шахматов, — восстановить события последних двух десятилетий в ином освещении; политический интерес требовал изъятия из обращения многих частей киево-печерского летописца; возможно, что у Мономаха явилась мысль о совершенном устранении „Повести временных лет“». Мономах передал «Повесть временных лет» на просмотр и переделку игумену семейного Выдубицкого монастыря Сильвестру. Сильвестр взялся за порученный ему труд и выполнил его в 1116 г., как о том свидетельствует его

запись в Лаврентьевском списке «Повести». Как и следовало ожидать, Сильвестр, переделывая труд своего предшественника, отодвинул личность князя Святополка в тень, выдвинув на первый план Владимира Мономаха. Так, по Шахматову, возникла в 1116 г. вторая редакция «Повести временных лет».

«Переход княжеского летописания в другой монастырь (Выдубицкий) не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло...: все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха».¹⁰ Желая снова взять в свои руки дело княжеского летописания, киево-печерская братия поручила одному из своих «книжников» составить новую редакцию «Повести временных лет» в похвалу Владимиру Мономаху. Работа эта была выполнена в 1118 г. Так, по Шахматову, возникла третья редакция «Повести временных лет», доведенная до 1117 г. и лучше всего сохранившаяся в Ипатьевском списке «Повести».

Вот как представлял себе Шахматов «творческую историю» «Повести временных лет». Она «строилась», «созидалась» около 80 лет, с 1039 по 1118 г.; не менее пяти раз подвергалась коренной переработке, пока не приняла тот вид, в каком мы ее теперь знаем по спискам Лаврентьевскому, Ипатьевскому и др.

Другая гипотеза принадлежит акад. В. М. Истрину.¹¹ В 30—40-х годах XI в. в Киеве переводчиками Ярослава при митрополичьей, кафедре св. Софии была переведена на славяно-русский язык греческая «Хроника» Георгия Амартола (IX в.). «Хроника» эта ввиду большого объема и обилия в ней богословских рассуждений вскоре была переработана каким-то неизвестным древнерусским книжником, частью сокращена, частью дополнена данными, заимствованными из других источников. Эта переработка стала распространяться в многочисленных рукописных копиях под заглавием «Хронограф по великому изложению», т. е. по полному переводу «Хроники» Георгия Амартола.

Вскоре, а может быть еще в процессе перевода, этот компилятивный «Хронограф по великому изложению» был дополнен рассказами из русской истории. Русская история излагалась в «Хронографе» частью по устным преданиям, частью по письменным источникам. В нем уже были сказания о призвании князей, о походах Олега и Игоря, о крещении Владимира.

¹⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть, стр. XVII.

¹¹ В. М. Истрин: 1) Начало русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова о древнерусской летописи. — «Начала», Пг., 1922, № 2, стр. 43—46; 2) Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. — ИОРЯС, т. XXVI, 1923, стр. 45—102; т. XXVII, 1924, стр. 207—251.

Летопись была доведена до 1054 г. Это была первая редакция «Повести временных лет», она и носила название «Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля...». Она имела тот самый вид, в котором сохранилась в списках Лаврентьевском и Ипатьевском до 1054 г., но без общего вступления и без «Сказания о начале Печерского монастыря» под 1051 г. Дальнейшая история «Повести временных лет» в течение XI в. состояла в простом продолжении последующих событий. «Продолжатели» не вносили ничего, кроме ничтожных добавлений, в предшествующий текст, который переписывался без редакционных изменений.

В начале XII в., тотчас после смерти Святополка в 1113 г., первая редакция «Повести временных лет» со всеми ее дополнениями была вновь продолжена до смерти Святополка включительно. Автором ее был Нестор, который добавил к ней обширное введение. Так появилась вторая редакция «Повести временных лет», сохранившаяся почти в полном и цельном виде (без случайно исчезнувшего конца) в Лаврентьевском списке.

Труд Нестора в 1116 г. был переписан дословно, без всяких редакторских переделок, Сильвестром, который поставил свое имя как переписчик.

Итак, по мнению В. М. Истрина, «Повесть временных лет» в том виде, в каком мы ее теперь знаем по спискам, была составлена в два приема: первая редакция «Повести» относится к 1054 г., а вторая и последняя — к 1113 г.

Как видите, мнения расходятся. Которая же из этих двух гипотез — Шахматова или Истрина — ближе к действительности?

По мнению большинства историков древнерусской литературы — гипотеза А. А. Шахматова. Ее полностью принял, уточнив в деталях, М. Д. Приселков, автор «Истории русского летописания XI—XV вв.»;¹² она легла в основу академической «Истории русской литературы».¹³ Что касается меня, то — скажу честно — не знаю, которая из этих двух гипотез ближе к истине. Очень возможно — ни та, ни другая. Вопрос, по-моему, требует дополнительного исследования. Безоговорочно прикнуть к А. А. Шахматову или к В. М. Истрину я, во всяком случае, не могу. В их построениях многое спорно.

В древней Руси летопись была основным источником сведений о прошлом Русской земли. Неудивительно, что она, выйдя за пределы монастырской кельи, где писалась, очень скоро становилась важным историко-политическим документом, которым пользовались для справок, для решения того или иного спорного политического вопроса текущей современности.

¹² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

¹³ История русской литературы, т. I, стр. 257—288.

Содержание летописи — история, история Русской земли, преимущественно политическая. Писалась она с целью оставить потомству воспоминание о прошлом, рассказать о том, что было, об исторических событиях своего времени.

Летопись, однако, не только документ, но и книга, преследующая и другую — морально-политическую задачу: показать на ряде примеров — в рамках рассказа о прошлом — как надо и как не надо поступать. Летопись — книга о прошлом Русской земли, но каждой строкой своей повернутая в сторону русской действительности, современной летописцу.

Обычно летописец создавал свою летопись в надежде, что она станет настольной книгой для современных ему князей; что они не только найдут в ней необходимую для себя моральную поддержку, но и воспользуются ее уроками как руководством к действию, как учебником поведения в практике своей повседневной государственной деятельности.

Вкратце напомним концепцию русской истории древнего летописца — лучшего зеркала его политического мировоззрения.

«Повести временных лет» летописец предпослал небольшой рассказ о происхождении Русской земли. Рассказ этот — наименее оригинальная часть «Повести». Уже давно установлена его текстуальная зависимость от византийских хроник. Заимствован, однако, не только текст в начале рассказа, заимствована и лежащая в основе всего рассказа концепция. Летописец, излагая известные ему предания о начале Русской земли, следовал уже готовой историографической схеме, подсказанной ему теми же хрониками.

Рассказ начинается с изложения предания о разделении Ноем после потопа земли между своими тремя сыновьями — Симом, Хамом и Афетом. Восток достался Симу, юг — Хаму, «полунощные страны и западные» — Афету. После вавилонского столпотворения бог разделил единый народ на 70 и 2 «языка» (народа) и рассеял их по лицу земли: сыновья Сима направились в «восточные страны»; сыновья Хама — в страны «полуденные» (на юг); сыновья Афета — на запад и в «полунощные страны». Среди этих народов были славяне. «От племени Афетова» они направились в Иллирию, откуда переселились на побережье Дуная. Здесь они стали постепенно расселяться и распадаться на самостоятельные славянские племена. В истории этого расселения летописец видит два основных этапа: до нашествия «волохов» на славян и после него. После нашествия «волохов» от дунайских славян отделились «ляхи», которые сели на Висле, поляне и древляне — на Днепре, дреговичи — между Припятью и Двиною, полочане — на Двине, словене — около озера Ильмень. Появились различные славянские языки. «Русская земля» (т. е. поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене, северяне и, очевидно, остальные русские племена)

пошла от славян дунайских в результате нашествия «волохов» и второго расселения славян.

Рассказ о происхождении славянских племен свидетельствует о том, что эта историографическая схема представляла для летописца большой интерес. В ее всемирно-историческом аспекте исконное единство русского народа — родство русских племен между собой и родство с другими славянскими племенами, родство по происхождению, по крови, по языку, по связывающим всех славян культурным традициям — приобрело для летописца значение непреложного исторического факта.

К рассказу о происхождении русского народа примыкает рассказ о Русской земле до образования державы Рюриковичей.

Осевшие на Русской земле племена занимали принадлежащую им ныне территорию уже в I в. н. э. Жили русские племена каждое «особе», соблюдая «обычай свои и закон отец своих и преданья, — кождо свой нрав»; имели своих местных князей. Сперва жили мирно, но потом стали обижать друг друга; в конце концов почти все они утратили независимость: напали на них чужеземцы и потребовали дани — земля Русская принуждена была подчиниться насилию. Стали платить дань хозарам и варягам.

В 862 г. северные русские и нерусские племена изгнали варягов за море, не давали им дани и «почаша сами в себе володети». Однако эти племена не сумели установить у себя «наряда»: начались междоусобицы, стали они воевать друг с другом. Тогда словене, чюдь и кривичи призвали к себе на княженье трех братьев от варяжского племени русь — Рюрика, Синеуса и Трувора. Рюрик сел в Новгороде, Синеус — на Беле-озере, Трувор — в Изборске.

«Предыстория» Русской земли закончилась, началась, по концепции летописца, ее история: возникла новая династия русских князей, единая для всей Руси.

Варяжское, неславянское происхождение этой династии летописца не смущало. Для него было существенно только то, что династия эта — исконно княжеского рода. Но этот вопрос стал беспокоить историков начиная с XVII в. В 1674 г. в Киеве был издан «Синопис; или Краткое собрание от разных летописцев, о начале словяно-российского народа. . .», в котором варяги были объявлены словенами.

По летописцу, историческая миссия Рюриковичей заключалась прежде всего в том, чтобы освободить русские племена от чужеземного гнета. Рюриковичи в первую очередь занялись хозарами: Олег в 884 и 885 гг. освободил от хозарского ига северян и радимичей; Святослав в 964 г. — вятичей; поляне были освобождены уже в 862 г. Аскольдом и Диром, боярами Рюрика.

Одновременно Рюриковичи поставили себе задачу — объединить Русскую землю под своей властью, что и было ими выполнено в масштабах, превзошедших самые смелые ожидания: Рюрик за семнадцать лет своего княжения успел подчинить своей

власти почти всю северную окраину Русской земли; Олег покорил Смоленск, Любеч и, видимо, Чернигов, даже сама «мать городов русских» — Киев покорился ему. Политическое объединение Русской земли завершили Владимир и Ярослав.

В борьбе за независимость Русской земли Рюриковичи восстановили ее исконное единство; чтобы показать это, летописец и предпослал своему изложению рассказ о происхождении русского народа; Рюриковичи дали Русской земле «наряд», они положили конец межплеменной «усобице», обеспечив Русской земле «мир» и «тишину».

Когда летописец писал свою «Повесть», эта Русская земля была уже в прошлом: старая, дофеодальная Русь уступила свое место новой — феодальной. С недоумением, горечью и тревогой присматривался летописец к тому, как рушились дорогие ему устои старого политического порядка, как губили Русь феодальные войны, как нависала над страной половецкая опасность. Все это навредило летописца на самые печальные размышления; казалось, что «отцы» и «деды» трудились напрасно.

Политическая программа летописца сводится по существу к одной идее: необходимо предотвратить грозящую Русской земле катастрофу, восстановить былое самовластье старейшего в роде киевского князя, любой ценой предохранить от распада, пока еще не поздно, политическое единство Русской земли. Задачу эту должны взять на себя князья, которые своими усобицами расшатали это единство. Они добьются этого, если будут жить, как раньше, по старинке, в мире и любви, если всегда будут помогать друг другу и Русской земле. Основную свою надежду летописец возлагал на нравственное перевоспитание князей.

Политическая программа летописца делает невероятным утверждение, что «Повесть» была написана по настоянию Владимира Мономаха. Невероятным кажется, что в «политической канцелярии» Мономаха и по его заказу могла быть составлена эта летопись: до такой степени по своему содержанию, по своим политическим симпатиям и антипатиям, по всему своему политическому мировоззрению не соответствует она задачам «княжеской», официальной историографии.

Решительному пересмотру подлежит и самый образ летописца, утвердившийся в нашей науке, — многоопытного литератора, чиновника «политической канцелярии» князя, послушного исполнителя его поручений по части идеологической «обработки» общественного мнения. Действительный летописец ничего общего с ним не имеет; он неизмеримо проще, не так хитер, он гораздо ближе к пушкинскому Пимену; «не мудрствуя лукаво», правдиво описал он все, что знал, что считал необходимым рассказать; в политической борьбе того времени он занимал свою независимую позицию. Это, несомненно, монах Печерского монастыря, самого демократического в Киеве по составу братии. Он написал свою «Повесть» по собственной инициативе — как выразитель об-

щественного мнения, мнения земли Русской, без чьего-либо наказания.

В многочисленных отступлениях летописец касался иногда и вопросов общего, «философского» характера — о добре и зле, их происхождении. Для него, моралиста, эта тенденция — свести к этике всю «философию истории» — естественна, закономерна.

В центре внимания летописца проблема зла. Источник зла в мире — диавол, сатана. О нем летописец говорит дважды — устами греческого философа и Яна Вышатича. Греческий философ так поясняет князю Владимиру появление в мире диавола: когда бог создал небо и землю, один из ангелов, «старейшина чину ангелску», сказал: «Сойду на землю и буду во всем подобен богу». И бог сверг его за это с неба. Звали этого гордого ангела Сотонаил. То же примерно сообщает и Ян в полемике с белозерскими волхвами: сатана — ангел, которого бог «за величанье» низверг с небес в «бездну».

Слуги диавола — бесы, в реальности которых летописец не сомневался. Бесы изменяют свой облик, когда они являются людям; бес может предстать человеку, смотря по обстоятельствам, и в образе ангела, и в образе зверя, и в образе «ляха» и т. д. Основное назначение бесов — сеять зло по указанию диавола. Человек не творит зла, пока его бес не «прелстит», пока он не начнет «играть» человеком. Бывает, что жертвой бесов становятся не только отдельные люди, но и целые города, например, сообщает летописец, Полоцк в 1092 г. Нападению бесов подвержены и мужчины, и женщины, женщины в особенности.

«Злые люди» выполняют у летописца ту же роль, что и бесы. Это люди, злые по самой своей природе, например Святополк Окаянный или Всеслав Полоцкий. С точки зрения летописца, они даже опаснее бесов, так как бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни человека не стыдится.

Первоисточник зла, следовательно, — диавол и его слуги, бесы.

Источник добра в мире — бог и слуги его: ангелы и святые, т. е. люди, добрые по самой своей природе. Ангелы невидимы. Они показывают человеку только «нечто мало виденья своего», являясь то столпом огненным, то пламенем, «ово иным виденьем». Ангел приставлен к каждому человеку. Назначение его — влагать добрый помысел в человека, оберегать его от бесовских искушений, молиться за него, заступаться за него перед богом. Ангелы влагают добрые помыслы в сердце человека непосредственно и через добрых «советников»; советники эти у летописца — или реальные люди, или абстрактные персонализации. Добрые и злые помыслы возникают в сердце человека не изнутри, но всегда от толчка извне: зло — от «наущенья» бесовского, добро — от «ученья» ангельского.

Дьявол, первопричина всяческого зла, отнюдь не равноправен богу. Власть его временна и ограничена пределами, установленными богом. Ограничена и власть бесов над человеком. Бог один ведает помыслами человеческими, бесы немощны, они получают известную власть над человеком только потому, что бог предоставил им эту власть. Бог допустил зло — в известных пределах — сознательно, преследуя вполне определенную цель: искусить, проверить человека, испытать его твердость в вере, закалить его в борьбе со злом. Цель эта достижима только при одном условии — если человеку будет предоставлено право выбора между добром и злом. Признание за человеком свободы воли и связанная с этим признанием идея ответственности человека за свои поступки — основа этики летописца.

Бог в изображении летописца — моралист; он все устроил так, а не иначе из воспитательных соображений. Бог полностью сохранил за собой право общего руководства человеком и его поступками. Тех, кто исполняет законы бога, ждут награды; тех, кто не исполняет, — наказание. Рассказ о преступлении предшествует всегда у летописца рассказу о каре. Вознаграждает и карает человека обычно не сам бог, а его слуги — ангелы. Они несут человеку не только помощь, но и несчастье, если так им повелит бог. Ангелы карают по повелению божью не только человека, но и целые города и народы; карают даже людей «без вины виноватых» — злых по природе, в силу роковых обстоятельств своего рождения. Всякая казнь — кара за грехи, это палка, «батоги», при помощи которого бог наказывает слушников. Любая казнь, ниспосланная богом на человека, справедлива. Вера в справедливость казней божьих — источник утешения для летописца. Бог терпелив, сурово наказывает он только упорных во грехе. Своевременным покаянием, молитвою «со вздыханьем» человек может умилостивить бога и отвести его карающую руку, так как бог «не хочет зла человеком, но блага».

Человек — субъект и объект исторического процесса. В нем и конечная цель исторического процесса. Исторический процесс — проявление божественной воли. Это типично средневековая концепция.

Характер изложения исторических событий в «Повести временных лет» свидетельствует о том, что «философские» фрагменты летописца — не механический привесок к повествованию: они действительно отражают его миропонимание.

В «Повести» почти каждый рассказ начинается с «голой» регистрации фактов: «Иде Олег на греки, Игоря оставив Киеве...», «Иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский...» и т. д. «Повесть» напоминает современный приключенческий фильм: действие в разгаре, герои мечутся, но зачем и почему — неясно, если попадаешь на него не в начале, а когда действие уже

развернулось. Этот способ изложения находит свою параллель и в языке «Повести», где наблюдаем почти полное отсутствие пояснительных союзов, выражающих причинные связи, и где чередование простых предложений, чаще всего связанных союзом «и», — основной закон синтаксической организации речи.

Как правило, летописец просто регистрировал события, факт за фактом, иногда сопровождая их регистрацию своей морально-политической оценкой. А когда они поражали его воображение своей грандиозностью и требовали объяснения, он ссылался на величие бога, на божественную волю.

Природа такого способа изложения ясна: перед нами ряд фактов, выпавших из своего реального причинно-следственного контекста, — в этом одно из характерных проявлений допрагматического исторического мышления летописца. Выпадение исторических событий в сознании летописца — и в его изложении — из реального причинно-следственного контекста привело к тому, что основной категорией, в аспекте которой он мог и должен был рассматривать эти события, стало время. Прошлое и настоящее в сознании летописца распались на ряд фактов, никак не связанных между собой; только время, его течение соединили эти разрозненные звенья.

«Погодный» принцип изложения исторических событий для летописца не случаен; он свидетельствует о закономерной тенденции летописца внести известный порядок в поток подлежащих его обзору фактов, прикрепить каждый из этих фактов к определенной единице времени. Большую услугу оказала ему существовавшая в его эпоху система летосчисления — от сотворения мира. Благодаря этой системе летосчисления каждый летописный факт смог найти свое место, зыбкие «до» и «после» получили свои четкие границы.

Погодный принцип повествования привел в результате к тому, что мир, и без того дробный в сознании летописца, в его изображении стал еще более дробным. Прошное предстало как простой ряд единичных фактов; каждый элемент этого ряда принял характерную для летописца форму *фрагмента*.

Погодный принцип композиции вывел на поверхность летописного повествования его порою глубокие внутренние противоречия. Противоречие закономерно возникало каждый раз, когда фрагменты одного повествовательного ряда получали у летописца неодинаковую оценку: «зло» одного фрагмента повествования могло стать у летописца «добром» в другом фрагменте того же ряда, — но только в *свое* время и никогда *одновременно*.

Фрагментарность и связанная с нею порою внутренняя противоречивость летописного повествования — особенности, определяющие всю структуру «Повести временных лет» как памятника литературы.

Решающую роль в конкретном литературном оформлении летописного повествования сыграли две традиции: народно-эпи-

ческая и агиографическая. Обе эти традиции и определили стилистический строй повествования.

Народно-эпический план рассказа — система повествования, характеризующаяся своими, только ей присущими традиционными особенностями художественного изображения. Отрицательный герой, попадая в этот план, обычно приобретал у летописца черты, сближающие его с эпическими великанами или чудовищами; положительный герой приобретал характер эпического богатыря.

Летописные биографии Олега и Святослава — единственные в «Повести» биографии, последовательно выдержанные в эпическом плане. Олег у летописца всех побеждает, никто не оказывает ему сопротивления, он мудрый и «вещий». Биография Святослава напоминает биографию Олега: Святослав прежде всего воин; он тоже с легкостью побеждает всех врагов своих, с презрением отворачивается от «злата» и драгоценных тканей, принимает в дар только оружие.

В агиографическом плане более или менее последовательно от начала до конца выдержаны биографии Бориса и Глеба, Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, Святополка Окаянного и Олега Святославича. Эти биографии приобретают характер житий. Борису и Глебу в летописном рассказе о их «блаженной» кончине противопоставлен властолюбец и братоубийца Святополк Окаянный, который тоже последовательно изображен у летописца в агиографическом плане трафаретного «злодея».

Биографии Олега, Святослава, Бориса и Глеба, Всеволода Ярославича, Мономаха, Олега Святославича — биографии, выдержанные в рамках одного и того же стилистического плана. Такая однотипность повествования для летописца, однако, не была нормой; она не исключала возможности и совсем иного способа повествования — перехода от одного плана к другому, даже в пределах одного и того же повествовательного ряда. Такой способ повествования лишал героя единства характера: в результате перевода его из одной системы показа в другую он у летописца «расщеплялся», приобретал своего двойника. Эта черта свидетельствует не только о своеобразии, но и о глубоком архаизме летописного повествовательного стиля.

Летописные биографии Ольги, Владимира — крестителя Руси, Мстислава Тмутараканского показывают, что этому «расщеплению» нередко подвергались под пером летописца даже те герои повествования, все эпизоды (фрагменты) деятельности которых получали у него в основном однородную, подчеркнута положительную оценку.

Когда эпизоды деятельности героя вызвали неодинаковую оценку летописца, одни — положительную, другие — отрицательную, «расщепление» героя принимало особенно бурный характер: герой и его двойник попадали в положение, исключавшее для них всякую возможность «мирного сосуществования»

в пределах своего повествовательного ряда, они стали взаимотрищать один другого. Но летописца это никогда не смущало, для него это было естественно.

Типичным примером такого «расщепления» героя у летописца может служить один эпизод из биографии Всеслава Полоцкого, легендарного князя-оборотня, политического авантюриста, «не милостивого на кровопролитье». В 1068 г., рассказывает летописец, киевляне «высекоша» Всеслава из «поруба», в который посадил его киевский князь Изяслав Ярославич, обманом заманив его к себе год назад, и Всеслав сел в Киеве. «Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав целовав крест», — писал летописец и, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, временно перевел Всеслава-«злодея» в агиографический план. «В день бо Въздвигенья Всеслав, вздохнув, рече: „О кресте честный! понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего”». Всеслав здесь, в этом эпизоде своей биографии, — орудие божественного возмездия Изяславу, «живой» укор князьям, преступившим «крестное целование». С образом Святослава Ярославича происходит то же самое. На Русскую землю напали половцы. Жадный узурпатор, хвастающийся награбленным богатством, глубоко антипатичный летописцу, Святослав Ярославич, как и Всеслав Полоцкий, превратился у него на «час» в эпического героя, почти богатыря, чтобы затем снова вернуться, когда порученная ему задача — одержание победы над половцами — будет выполнена, к прежнему своему образу.

Герой мог «перевоплощаться» у летописца и неоднократно. Ярослав Мудрый — типичный пример такого героя-«хамелеона»; его летописная биография — цепь сплошных «метаморфоз» (он «перевоплощался» три раза).

Герой мог, раз попав в тот или иной план повествования, приняв «новый» для себя образ, в этом образе и остаться. Примером служат биографии Изяслава Ярославича и сына его Святополка. Свой очерк деятельности Изяслава Ярославича летописец начал с рассказа о том, как этот князь дважды вероломно нарушил данное им слово. Этого Изяслава, вероломного и жестокого, уже под 1073 г. стал у летописца решительно вытеснять его агиографический двойник. Трафаретный «злодей» с 1078 г. превращается в святого. Кажется, что писали его биографию не один человек, а два.

Рассказ летописца о смерти Ярополка Святославича (под 980 г.) — типичный пример деформации содержания под давлением стиля. «Аномалия» летописного рассказа о смерти Ярополка Святославича заключается не в том, что Ярополк, как и его брат Олег, гибнет — и тоже косвенно — от руки родного брата, а в том, что Ярополк гибнет у летописца не так, как мы вправе были бы этого ожидать, судя по тяжести его злодеяния. Известно, как жестоко покарал летописец Святополка Окаянного за аналогичный грех — за уособицу и братоубийство. Ярополк же за

свой грех заслужил не «казнь», а «награду»: он, первый на Руси бросивший в братию свою «ножь» раздора, погибает у летописца не как герой отрицательный, а как положительный, как «мученик-страстотерпец». Подобно всем мученикам, он покорно идет навстречу смерти. Объясняется этот неожиданный поворот в летописной судьбе Ярополка тем, что Ярополк у летописца в заключительном эпизоде своей биографии попал в другой повествовательный ряд — в летописное житие другого князя, Владимира. Поэтому он разделит судьбу героев нового повествовательного ряда — отсюда и «мученический» характер кончины Ярополка, его агиографическое «преображение».

Агиографический метод в руках летописца и стоявших за его спиною княжеских группировок не раз служил оружием политической борьбы — оружием тем более мощным, что летописец с его помощью свою оценку поведения того или иного князя или события переводил в морально-религиозную плоскость.

Вот пример, который наглядно покажет вам, как иногда пользовались летописцы этим оружием. В 1147 г. в Киеве был убит черниговский князь Игорь Ольгович. Черниговские князья, чтобы отомстить киевскому князю Изяславу Мстиславичу за смерть брата, объявили Игоря святым и поручили составить рассказ о его мученической кончине. Игорь в этом рассказе приобрел очертания Бориса, Изяслав — Святополка Окаянного. Рассказ этот — он получил широкое распространение — нанес Изяславу Мстиславичу удар такой сокрушительной силы, от которого он не скоро оправился. Ему пришлось специально доказывать свою непричастность к убийству Игоря Ольговича.

Все эти материалы дают основание сделать общие выводы. Противоречия в образе того или иного героя летописного повествования, очень возможно, отражают реальные противоречия его характера, но отражают их частично, в пределах, доступных для художественного метода летописца. Литературный портрет реального человека — задача, непосильная для летописца, это уже достижение литературы нового времени. Человек у летописца всегда однолинеен, т. е. одновременно быть и «добрым», и «злым» он не может. Человек у летописца всегда статичен, несмотря на внешнюю свою подвижность. Герой обычно является «живым» носителем той или иной морально-политической сентенции летописца.

Эти особенности летописного человека — прямое отражение стиля летописца. Здесь своя система художественного воспроизведения действительности, особое литературное мышление, которое нельзя рассматривать сквозь призму современного художественного мышления.

Стиль этот в древнерусской литературе имел свою многовековую историю. В силу особых обстоятельств исторического развития древнерусской литературы он дожил до XVII в., когда под напором новых исторических факторов он стал распадаться и в

конец концов был совсем отодвинут в сторону новыми системами художественного изображения. Рецидивы этого стиля можно проследить и в литературе нового времени, так как в искусстве ничто не исчезает бесследно. Эта работа, к сожалению, еще не проделана.

Формы летописного повествования

Весь повествовательный летописный материал, по моим наблюдениям, относительно четко делится на пять групп: 1) погодная запись; 2) летописное сказание; 3) летописный рассказ; 4) летописная повесть; 5) документы из княжеских архивов: договоры, уставные грамоты (эта группа литературного значения не имеет).

Погодная запись — древнейшая форма летописного повествования. По объему погодная запись невелика. Предельная краткость изложения — наиболее характерный ее внешний признак. Погодная запись вводится в повествование обычно традиционной формулой: «В лето 6505», «В лето 6506» и т. д.; если погодные известия читаются подряд под одним и тем же годом, то отделяются одно от другого формулами: «Того же лета», «Сего же лета», «В то же время», «Тогда же», «Потом же» и пр.

У погодной записи своя особая сфера повествования: она регистрирует смерть того или иного князя, митрополита, игумена; рождение у князя сына или дочери, основание церкви, те или иные стихийные бедствия: пожары, засуху, землетрясения, половодья и пр.; те или иные явления природы: солнечное затмение, появление кометы; отмечает погодная запись и отдельные политические события (военные походы князей), но значительно реже. Как правило, сфера погодных известий — единичные факты, интересные с точки зрения летописца и заслуживающие упоминания, но не требующие подробного изложения в форме развернутого рассказа.

Основное литературное качество погодного известия — документальность. Видно, что летописец озабочен только одним: возможно точнее и короче зарегистрировать определенный факт, не входя в подробности, или просто ненужные, или ему неизвестные. Отсюда характерная протокольность изложения, фактографичность (точно указывается дата события, не только год, но часто и месяц, и день; место происшествия; обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица — по именам).

В стилистическом отношении погодная запись аморфна, она совершенно лишена художественной формы и эмоциональности. Приведу примеры погодных записей в «Повести временных лет». Под 911 г.: «Явися звезда велика на западе копейным образом». Под 966 г.: «Вятичи победи Святослав и дань на них възложи».

Под 973 г.: «Нача княжити Ярополк». Под 1001 г.: «Преставися Изяслав, отець Брячиславль, сын Володимеръ». Под 1017 г.: «Ярослав иде в Киев, и погоре церкви». Под 1028 г.: «Знаменьє змиево явися на небеси, яко видети всей земли». Под 1029 г.: «Мирно бысть». Под 1124 г.: «Земля потрясєся мало, и падеся церкви великия святаго Михаила у Переяславли, мая в 10 день, юже бе сздад и украсил блаженный епископ Ефрем».

Летописное сказание — устно-поэтического происхождения, и в этом его основное литературное качество. Сказание — устное историческое предание в «книжной», литературной переработке летописца. К этой форме повествования летописец обычно прибегал, когда у него под руками не было более достоверного материала. Вот почему сказание и занимает в «Повести временных лет» такое большое место в той ее части, где излагаются события, летописцу несовременные, события далекого прошлого — X, IX вв. и более ранние.

Излагая эти события, летописец мог опереться только на один основной источник — на устное историческое предание, отбирая из него то, что казалось ему заслуживающим внимания.

Устно-поэтическое происхождение ряда летописных сказаний «Повести» не подлежит сомнению. Предания об основании Киева, о призвании князей, о взятии Олегом Царьграда, о смерти Олега, о походах Игоря на Грецию, о смерти Игоря и мести Ольги древлянам, о князе Святославе, о Владимире и пр. — все они обнаруживают свое явно устное поэтическое происхождение, быть может, даже песенное.

Олег у летописца с легкостью, типичной для сказочного героя, преодолевает все препятствия на своем пути: он без боя берет Смоленск, Любеч; хитростью овладевает Киевом; не встречая никакого сопротивления, побеждает древлян, северян и радимичей; идет походом на Царьград — греки не оказывают ему никакого сопротивления; Олег запугивает их хитростью (кладьям он приказал приделать колеса и так, на колесах, въехал в Царьград), заставляет греков уплатить ему огромную дань. Мудрый и вещей, он не пьет вина, отравленного греками; наконец, умирает, как и многие другие сказочные герои, неожиданно, в расцвете сил от «вещего» прорицания — от укуса змеи.

Святослав у летописца — прежде всего воин, наделенный необычайной силой и выносливостью. «Ходя воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъяклад постлав и седло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя: Хочю на вы ити...»; он уже в раннем детстве обнаруживает храбрость; он тоже с легкостью, типичной для сказочного героя, побеждает, не встречая никакого сопротивления, вятичей, хозар, касогов, болгар («взя город 80 по Дунаеви»); узнав о том, что печенеги осадили Киев, он «вборзе» садится на коня, неожиданно появляется в Киеве и

прогоняет печенегов обратно в «поле»; он — гроза для греков («за малом бо бе не дошел Царяграда»). Наконец, гибнет он так же, как и многие эпические герои. Смерть его — кара за нарушение закона эпической морали: он матери своей ослушался и пренебрег советом своего старого воеводы Свенелда.

Все летописные сказания этого типа — устно-поэтического происхождения. Но отсюда еще не следует, что все они происхождения народного. Наряду с историческими преданиями, отражающими народное (т. е. широких масс населения Киевской Руси) понимание того или иного исторического события, летописец, несомненно, не раз пользовался в поисках материала для себя и преданиями княжеско-дружинного происхождения и содержания. И этот княжеско-дружинный фольклор в составе «Повести» занимает большое место. Предание о призвании князей-варягов, несомненно, княжеско-дружинного происхождения. Таково же и большинство сказаний, посвященных жизни и деятельности князей Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира.

Изучая летописные сказания, необходимо принимать во внимание не только их художественную форму, но и их содержание, ту точку зрения, с которой они рассматривают и оценивают исторические события. Только такой анализ того или иного летописного сказания, в единстве его содержания и художественной формы, позволит нам раскрыть его действительное происхождение.

Типичный пример княжеско-дружинного исторического предания — летописная биография Олега (рассказ о смерти Олега читается под 912 г.).

Типичные примеры народных преданий — рассказ о юноше-кожемяке (под 992 г.) и рассказ о белгородском киселе (под 997 г.).

Народная тенденция предания о кожемяке легко обнаруживается при анализе его содержания. Ремесленник-кожемяка посрамляет профессиональную дружину князя и спасает Русь от набега печенегов. Он совершает подвиг, которого не мог совершить никто из дружинников князя Владимира.

Признаки устного происхождения летописного сказания о кожемяке очень явственны — это поиски поединщика; затруднение Владимира (Владимир «тужит», что не может противопоставить печенежскому богатырю своего); появление старика, рассказывающего Владимиру о своем меньшем сыне, неказистом на вид, но очень сильном (ср. с Иванушкой-дурачком русских сказок); борьба с исполином, победа меньшего сына и пожалование его.

Об устном происхождении этого сказания говорит и этимология названия города «Переяславль»: он назван так будто бы в честь того, что юноша-кожемяка «перейал славу» у печенежского богатыря в поединке. Событие отнесено летописцем к 992 г. В действительности город этот существовал много раньше: он упоминается уже в договоре русских с греками (907 г.).

«Сказание о кожемяке» в составе «Повести временных лет» свидетельствует о том, что личность князя Владимира уже в XI в. стала центром, вокруг которого начали собираться разного рода предания и легенды.

«Сказание о белгородском киселе» — это типичный народный рассказ об обмане врагов хитростью.

Оба рассказа эти замечательны тем, что и там и тут герой — простой русский человек, своей личной инициативой освобождающий Русскую землю от врагов.

Летописный рассказ прежде всего документален: за немногими исключениями, в нем нет ничего выдуманного, сочиненного, «литературного». Он — прямое отражение реальной действительности. Это рассказ в буквальном смысле этого слова, обычно составленный по свежим следам события очевидцем или со слов, очевидца. Как и всякий рассказ очевидца, он нередко отмечен печатью той непосредственности, которая так характерна для рассказа, не претендующего на литературность и преследующего цели простой информации. Своими отчетливыми «сказовыми» интонациями он порою производит впечатление устного рассказа, только слегка «окниженного» в процессе записи: «...Изоимавше є [речь идет о половецких послах] Ярополци посадници на Локне, приведоша є к Ярополку, Ярополчи бо бяху посадници»; «В то же время Изяслав посла Киеву к брату своему Володимиру, того бо бяшетъ остави Изяслав в Киеве...»

Разумеется, перед нами отражение действительности не буквальное. Рассказчик — не фотоаппарат. О том или ином событии он рассказывает так, как он его видел, как его воспринял и понял. Рассказчик — человек своей эпохи, своего общественного положения и своей политической ориентации; все это, естественно, не могло не сказаться на его повествовании: рассказ его всегда более или менее тенденциозен, всегда отражает идеологию того классового окружения, где он составлен и для которого составлен.

Даже сам способ изложения говорит о документальном характере летописного рассказа, и в этом рассказ очень близок погодной записи; как и погодная запись, он всегда строго фактографичен (указывается дата события, обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица), рассказу свойственна протокольная конкретность описаний, суховатая деловитость тона.

Некоторые рассказы в составе, например, Киевской летописи, продолжившей в XII в. «Повесть временных лет», в особенности же рассказы об Изяславе Мстиславиче, часто производят впечатление делового отчета, военного донесения, до такой степени точно и обстоятельно излагают они положение вещей.

Так, рассказ под 1146 г. о походе Изяслава Мстиславича на Путивль и о погроме города в той своей части, где перечисляется захваченная Изяславом добыча, — типичный деловой отчет, не

пренебрегающий даже такой «прозой», как цифровые подсчеты: «...и ту двор Святославль раздели на 4 части, и скотьнице, бретьянице, и товар... и в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг, и церковь святого Възнесения всю облупиша, съсуды серебряныя, и индитьбе [престольные одежды], и платы служебныя, а все шито золотом, и каделнице две, и кацьи [ручные кадельницы] и еуангелие ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша, и челяди 7 сот».

Или, допустим, рассказ под 1151 г. об обороне Киева: только очевидно, быть может лично принимавший участие в обороне города, озабоченный прежде всего тем, чтобы ничего не пропустить, все отметить, мог так описать это событие; рассказ позволяет с полной отчетливостью представить себе во всех подробностях, как происходило дело: где находились князья, когда началась оборона города; какие меры были приняты ими, чтобы обеспечить ее эффективность; как были распределены силы и пр. Перед нами не столько рассказ, сколько документальный отчет о виденном.

Показательны в этой связи и некоторые мелкие детали событий в рассказах летописца — создателя Киевской летописи: время от времени они попадают в поле его зрения и отмечаются им наряду с остальными фактами, попутно, просто потому, что были ему известны или обратили на себя внимание. Так, например, мы узнаем, что Игорь Ольгович, спасаясь от преследователей, попал в болото «и угрязе под ним конь, и не може ему яти, бе бо ногама болен» («и увяз конь его по брюхо, и не мог Игорь ийти, так как ноги у него были больные»); что черниговские князья, когда приехал к ним посол киевского князя Изяслава и потребовал четкого ответа, ничего ему не ответили, только переглянулись и долго молчали; что Андрей Боголюбский, когда пал его любимый конь («комонь»), «жалуя комоньства его», приказал его похоронить с воинскими почестями у реки Стырь; Юрий Долгорукий подошел к Киеву именно в тот момент, когда князь киевский Изяслав Мстиславич и дядя его Вячеслав Владимирович спокойно сели «обедати»; Святослав Ольгович «бе тяжек телом» и, когда вместе со своими союзниками потерпел поражение на Перепетовом поле, очень «трудился бе бежа»; Андрей Боголюбский, когда к нему с позором отправили назад его посла, даже с лица «попуснел» (изменился).

Все эти детали, как они порою ни мелки, — ценнейший материал для историка; они позволяют заглянуть в самую глубь феодального быта XII в., дают возможность в ряде случаев наглядно представить себе ту эпоху.

Одна из наиболее характерных особенностей летописного рассказа — речи действующих лиц повествования. Рассказ иногда целиком состоит из речей, и обмен ими и составляет все содержание его; действующие лица постоянно, по любому поводу обмениваются речами, иногда произносят обширные монологи.

Документален самый язык летописи — ее удивительный словарь, весь насыщенный терминами своего времени, ходячими в феодальной среде XII в. словами и оборотами речи: «заратишася Олговичи» (т. е. Ольговичи стали воевать), «искали под Ростиславом Смоленска» (хотели отнять Смоленск у Ростислава, княжившего там), «поча ѥ водити подле ся» (подчинили его себе), «исполчишася» (собрали и приготовили войско к бою), «взяшя. . . град на щит» (взяли город приступом), «полезоша на кони» (выступили в поход), «еха изъездом на стрья своего» (внезапно напал на дядю своего), «водив и к роте» (заставили его поклясться) и т. д.

Некоторые из этих слов и словосочетаний образны, но образность эта не литературного происхождения: она идет непосредственно от речевой практики XI—XII вв., от живого языка, обычного в княжеско-дружинной среде.

Литературное своеобразие летописного рассказа — в появлении личности автора: здесь (в отличие от погодной записи) он уже отчетливо ощущается, заявляет о себе оценками тех или иных событий, попытками комментировать их, прямой характеристикой действующих лиц повествования, в особенности же своей индивидуальной манерой излагать рассказ. Эта манера излагать летописный рассказ здесь не могла не проявиться, так же как проявляется она в любом устном рассказе очевидца: один рассказывает лучше, другой — хуже, один делает это подробнее, другой — суше и короче. Манера эта зависит от памяти летописца, от его внимательности и осведомленности, наконец, просто от его умения рассказывать.

В «Повести временных лет» под 1097 г. читается рассказ об ослеплении Василька Теребовльского. Это одна из самых трагических историй княжеских междоусобиц, описанных летописью, и один из самых ярких летописных рассказов. Автор его стремится точно отобразить мельчайшие подробности фактов, разного рода «реалии», даже самый язык эпохи (манеру говорить, произносить речи). Этот рассказ — один из непревзойденных образцов летописного повествования, которое почти с осязаемой наглядностью дает представление о жизни своего времени.

Как охарактеризовать этот способ, метод отражения действительности? Можно ли сопоставлять такой тип летописного повествования, с его стремлением к точности, фактографичности и даже к натурализму, с реалистическими описаниями литературы нового времени?

В 1949 г. в статье «Киевская летопись как памятник литературы» я пытался дать историко-литературное определение этому способу изображения жизни.¹⁴ Тогда мне казалось, что есть все основания способ этот назвать «реализмом» — правда, реализ-

¹⁴ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 81. [Переиздано в кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 114].

мом особого, «средневекового» типа, еще очень ограниченного в своих возможностях. Теперь я считаю это определение решительно неудачным. И прежде всего потому, что оно основано на ошибочном отождествлении «правдивости» воспроизведения с «реализмом». Между тем совершенно очевидно, что правдивость изображения и реализм — не одно и то же и что отождествлять эти два понятия нельзя; правдивость — свойство, доступное в той или иной степени произведениям любого литературного направления любой эпохи.

Изображение жизни у древнерусского писателя с реализмом нового времени имеет только внешнее сходство, за которым скрывается глубокое внутреннее различие. Изображение жизни в литературе древней во многом даже диаметрально противоположно ее изображению у писателей-реалистов нового времени.

В чем же разница? Древнерусский автор, обращаясь к изображению жизни в ее повседневном течении, воспроизводил, как правило, единичные факты во всей их неповторимой конкретности. Предметом его внимания было не общее, а частное. Фиксируя отдельные факты, с протокольной точностью изображая внешнюю канву событий, он хорошо понимал, что в жизни все явления тесно связаны между собой. И часто эти связи, коренящиеся в самой действительности, он отражал также: вместе с потоком фактов они просачивались в его всегда строго «документальное» изложение; сама действительность подсказывала эти связи, в особенности, когда они лежали на поверхности событий и, следовательно, становились самоочевидными или разносились устной молвой. А так как на поверхности событий лежат обычно не внутренние причины, а ближайшие поводы, то именно эти ближайшие поводы летописец чаще всего и отмечал, — попутно, не углубляясь в специальный анализ данного события или круга событий. Дальше он не шел и, видимо, пойти не мог, скованный как задачами своего изложения, так и ограниченностью собственного знания.

Деловито и обстоятельно излагая все, чему был свидетелем или о чем слышал, он никогда не возвышался до изображения жизненных фактов в их типическом проявлении, что составляет самую душу реалистического искусства. В его способе изображения не обнаруживается признаков творческого переосмысления жизни. Летописец не поднимается до каких-либо обобщений, явно предпочитая идти по линии наименьшего сопротивления — чисто эмпирической констатации единичных фактов в их поверхностной взаимосвязи. Древнерусского автора заботила прежде всего достоверность изображаемого. Конечно, он не всегда ее добивался: подчас ему изменяла память, иногда он сознательно умалчивал о фактах, когда это почему-либо было нужно, иногда тенденциозно искажал факты, когда это диктовалось теми или иными соображениями. Но он редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было. Свое изложение

он часто сопровождал своими комментариями и оценками событий и тем самым заявлял о своем отношении к излагаемому, о своем авторском «я». Но эти оценки и комментарии прямого отношения к самому способу изображения жизни не имели.

Летописная повесть (это термин условный) — повествование особого типа, посвященное рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог. Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями. Задаче этой и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части.

Во многом похожая на рассказ, повесть отличается от рассказа прежде всего тем, что она более или менее последовательно выдержана в рамках определенного литературного стиля — агиографического. В повести, как правило, действительность отражается не непосредственно, а предстает перед нами в условных контурах этого условного, абстрактного, антиреалистического по самой своей природе метода, подчиняясь всем его устоявшимся в литературе нормам. И сами события, и человек, и его поведение в повести приобретают новые очертания, далекие от привычной нам по рассказам документальности.

Все повести посвящены одной и той же теме, выросли из погодных записей о смерти какого-либо князя, составленных по строгой схеме: сообщается, когда умер князь, где, в каком именно монастыре или церкви он был погребен; очень часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его ближайших родственников или всего народа.

К погодному известию такого типа стала присоединяться прямая — «от автора» — характеристика покойного князя как человека и как примерного христианина, иногда с кратким перечислением его заслуг перед Русской землей, фактов его деятельности как церковного строителя и даже с кратким описанием его внешнего облика. С присоединением такой характеристики погодная запись о смерти князя отлилась в рассказ особого типа — в некролог (например, Владимира Мономаха).

Обязательная для каждого некролога прямая характеристика покойного князя внесла в повесть первые элементы агиографической стилизации; о ней выразительно говорят эпитеты, которыми теперь как ореолом начинает окружаться имя князя («благочестивый», «христоролюбивый», «честный», «блаженный», даже «святой» — о Владимире Мономахе), в особенности же — подбор христианских добродетелей, которыми часто без должного чувства меры стал наделяться покойный князь: «братолюбец», «нищелюбец» (Владимир Мономах), «бе украшен всякою добродетелию», «избранник божий» и т. п.

Повесть, как и житие, изображая человека, по возможности стремилась устранить все черты его индивидуального характера;

и герои повести стали напоминать один другого, в сходных обстоятельствах поступать одинаково, произносить одни и те же слова.

Процесс формирования повести как жанра закончился, когда к некрологу стал присоединяться расцвеченный всеми штампами агиографического стиля рассказ о событиях, предшествовавших кончине князя, об обстоятельствах его смерти.

Умирают все герои этих повестей примерно одинаково — так, как того и требовал агиографический «канон». Давид перед смертью, уже совсем больной, приказал вести себя в монастырь Бориса и Глеба, что на Смядыни; здесь он, «воздев руце на небо», стал молиться; почувствовав приближение смерти, он снова стал молиться, за этой молитвой его, с воздетыми к небу руками, и застигла смерть. Так же примерно умирает и Мстислав — тоже с воздетыми к небу руками, вздыхая «из глубины сердца» и проливая слезы. В особенности «умилительно» умирает Ростислав Мстиславич: когда Ростислав почувствовал приближение смерти, он начал молиться; молитва Ростислава приводится автором: вся она построена на риторических обращениях одной и той же структуры, ритмично чередующихся. Закончив молитву, князь посмотрел на икону «самого творца» и, «слезы испущая от зеницю», тихим голосом сказал, цитируя известный евангельский текст: «Ныне отпусти раба своего, владыко, по глаголу твоему с миром». И видны были слезы на щеке, «яко женчюжная зерна», когда он произносил последние свои слова. Утерев эти навернувшиеся слезы «убрусцем», князь скончался.

В летописи, если рассматривать ее с точки зрения литературного строя, налицо очевидный разнобой. Однако сказать только это — значит не отметить самого характерного. Характерное же заключается в том, что разнобой этот нередко имеет место даже в пределах одного и того же повествовательного ряда; факты свидетельствуют, что отдельные формы летописного повествования (народное сказание, агиографическая повесть и документальный рассказ) далеко не всегда строго следуют своему методу — в едином и цельном потоке летописного повествования принципы его часто нарушаются: народное сказание может перейти в агиографическую повесть и обратно; в документальный рассказ может ворваться агиография, и, наоборот, в агиографии могут обнаружиться элементы документально точного воспроизведения реальной исторической действительности. Дореалистическая природа летописного повествования ярче всего сказывается именно в этом разнобое, когда скрещиваются противоречивые способы изложения.

Смещение различных литературных манер повествования можно проследить на таких двух рассказах летописи, как рассказ о крещении Ольги (955 г.) и рассказ о единоборстве Мстислава с Редедей (1022 г.).

Рассказ о том, как Ольга в самый патетический момент своей

жизни, вскоре после своего крещения в Царьграде, хитроумным ответом «переключкала» греческого царя, — характерный пример такой стилистической «неустойчивости». Перед нами два образа Ольги: народно-поэтический образ мудрой девы сказок и агнографический образ равноапостольной святой. Оба эти образа сосуществуют в рамках одного рассказа, и летописец не чувствует их противоречия.

Летописное сказание о единоборстве Мстислава Тмутараканского с «великаном» Редедей, князем касожским, — устно-поэтического происхождения, это былина или песня, записанная летописцем. Но в составе летописи это сказание стилистически противоречиво, здесь смешивается батальный-эпический план и агнографический (удаль Мстислава и молитва его богородице).

Иконописного Владимира — равноапостольного крестителя Руси — тоже вытеснял у летописца, и не раз, его двойник: былинный, ласковый князь Владимир, например в рассказе о нашествии печенегов на Русь в 996 г. Владимир здесь, уже после крещения, выступает в типично былинной ситуации. Он так же пугается печенегов («подбег стал под мостом, одва укрыся противных»), как и его былинный двойник, когда напал на него Калин-царь:

...И тут-то солнышко Владимир князь приужахнулся,
Резвы ноженьки подломилися,
Царски ручки приопали об себя...
Князь Владимир порасплакался...¹⁵

Совмещение разных стилистических систем в рамках одного произведения вообще возможно в древнерусской литературе. В этом случае человек в изображении древнерусского писателя приобретал многосоставный облик, он как бы складывался из «кусков» различной стилистической расцветки. Типичным примером такого «сводного» образа может служить Александр Невский в изображении его древнего жития — он предстает перед нами то в облике военачальника, доблестного витязя, то в облике иконописного святого. С точки зрения нашего эстетического сознания такой «сводный» образ может показаться внутренне противоречивым, а его составные части — несовместимыми. Эта противоречивость, однако, древнерусского писателя и читателя, надо полагать, никогда не смущала, все эти разные аспекты облика героя сосуществуют одновременно под пером автора.¹⁶

¹⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II. Изд. 2-е. М., 1910, стр. 305; см. там же, т. I. М., 1909, стр. 265.

¹⁶ Издание текста: Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950 (серия «Литературные памятники»); ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950; Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 1—146 (пер. Д. С. Лихачева). [См.: И. П. Еремин: 1) Повесть временных лет как памятник литературы. — В его кн.: Литература древней Руси, стр. 42—97; 2) Киевская летопись как памятник литературы. — Там же, стр. 98—131].

КРАСНОРЕЧИЕ

Мы рассмотрели с вами древнейшие жития, древнейшую летопись («Повесть временных лет»). На очереди последний раздел литературы Киевской Руси XI—XII вв. — красноречие (имею в виду речи, называвшиеся у нас в старину «поучениями» и «словами»).

Красноречие — область творчества, характерная для древнейшего периода развития нашей литературы. «Золотой век» древнерусского красноречия — XII век, уже в XIII—XIV вв. этот род литературы приходит в упадок и скоро почти совершенно исчезает из литературного обихода; в конце XVII и в начале XVIII в., в Петровскую эпоху, были попытки возродить этот род творчества — вспомним деятельность С. Яворского, Г. Бужинского, Ф. Прокоповича, но попытки эти прочного результата не дали: временный расцвет красноречия сменился полным и на этот раз окончательным упадком его; уже во второй половине XVIII в. красноречие замыкается в узкой сфере церковной проповеди, надолго, если не навсегда, покидая литературу. В XI—XII вв. перед нами иная картина: красноречие занимает одно из первых мест в литературе; ораторские жанры — ведущие жанры в литературном обиходе; полной жизнью живет и развивается красноречие не только церковное, но и светское.

Все дошедшие до нас памятники церковного и светского красноречия Киевской Руси по содержанию своему и по форме четко делятся на два разряда: памятники красноречия *дидактического* и памятники красноречия (пользуясь терминами античной риторики) *эпидиктического* (торжественного). Оба разряда резко отличаются друг от друга не только по содержанию и форме, но и по объему, даже по языку.

Красноречие дидактическое не предъявляло к автору каких-либо особых требований: это область, доступная в той или иной степени всем, кто владел пером или хотя бы минимальным даром речи. Красноречие дидактическое обычно преследовало чисто практические цели непосредственного назидания, информации, полемики. В литературном обиходе древней Руси произведений этого типа обычно обозначались терминами «поучение» или «беседа»; оба термина удачно характеризуют природу памятников красноречия этого типа — в какой-то степени даже их содержание. Поучения или беседы обычно невелики по объему, часто лишены каких-либо риторических украшений, писались или произносились на общедоступном, почти живом, разговорном древнерусском языке.

Совсем иное дело красноречие эпидиктическое, или торжественное. Этот род красноречия был доступен далеко не каждому: он требовал не только глубины содержания, но прежде всего выучки, большого профессионального мастерства, незаурядной литературной культуры. Эпидиктическое красноречие никогда не

ставило себе узкопрактических задач — непосредственного назидания, информации или полемики по какому-либо небольшому частному, злободневному вопросу; сфера торжественного красноречия — сфера больших проблем широкого общественно-политического охвата, если не проблем, то патетической лирики. Древнерусские книжники хорошо различали этот тип красноречия; в отличие от поучений и бесед произведения этого рода они обозначали обычно термином «слово» (λόγος). Составлялось «слово» в строгом соответствии с «правилами», установленными литературной традицией — многовековым опытом византийского и античного эпидиктического красноречия; все здесь: композиция, стилистика, даже язык — предмет тщательной работы, шлифовки, широкое поле для творческой изобретательности или для сильного подражания классическим образцам.

Дидактическое красноречие — литературное ремесло, эпидиктическое красноречие — искусство.

УЧИТЕЛЬНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Свой обзор памятников красноречия Киевской Руси, дошедших до нас, начну с красноречия дидактического, церковного и светского.

«Поучение к братии» Луки Жидяпы

О жизни и деятельности автора «Поучения к братии» нам известно следующее. Знатный новгородец Лука Жидята в 1036 г. по желанию киевского князя Ярослава был поставлен новгородским епископом. Новгородскую кафедру Лука занимал 23 года. В 1055 г. один из холопов Луки оклеветал его перед митрополитом. Лука был вызван в Киев, осужден и подвергнут заточению, в котором пробыл три года. Какие причины побудили митрополита так сурово поступить с новгородским епископом — неизвестно. Митрополитом был тогда Ефрем, грек по национальности. Очень возможно, что Лука имел неосторожность открыто высказаться против его назначения в 1054 г. на митрополичью кафедру и за это поплатился. В 1058 г. Лука не только получил свободу, но и вернул себе епископскую кафедру в Новгороде — то ли потому, что ему удалось доказать несправедливость возведенных на него обвинений, то ли потому, что к этому времени умер его враг, митрополит Ефрем. Вернувшись в Новгород, Лука примерно наказал оклеветавшего его холопа Дудицу. «Дудици же холопу, — сообщает летописец, — оскомина беша: урезаша ему носа и руже отсекоша, и сбеже в немци». Умер Лука 15 октября 1060 или 1061 г.

«Поучение к братии Луки Жидята невелико по объему, всего 40—50 строк. Вслед за вступительным обращением к братии идет перечень правил поведения, которых следует придерживаться христианину (положения новой веры, обрядовые требования, моральные предписания). Составляя свой перечень правил поведения, Лука Жидята пользовался Библией: почти все его заповеди заимствованы оттуда. Изложено все это простым и притом, несомненно, древним языком. Лука хотел показать, как надо и как не надо жить: не мстить, не молвить «срамные» слова, ходить в церковь и вести себя в ней смиренно, чтить старого человека и родителей своих, не клясться божьим именем, не проклинать, судить по правде, чтить князя своего, соблюдать все заповеди Евангелия. Излагая свои правила поведения, Лука несомненно обращался к еще полуязыческой аудитории, недавно принявшей новую веру, не имевшей даже самых примитивных представлений о христианстве и новой культуре.¹⁷

Поучения Феодосия Печерского

Большой интерес представляет деятельность Феодосия Печерского (умер 3 мая 1074 г.). Как писатель он был открыт в 40—50-х годах прошлого века. Ему было приписано очень много произведений — свыше двадцати, но затем, когда началось критическое изучение текстов, положение изменилось, и список его сочинений уменьшился. Спор о том, что действительно является творением Феодосия, еще продолжается. Многие, однако, уже доказано определено. Доказано, что Феодосию Печерскому принадлежат два послания князю Изяславу Ярославичу («о неделе» и «о вере крестьянской и о латынской»), восемь поучений братии и одна молитва («за вся крестьяны»).¹⁸

Первое послание («о неделе») носит специальный характер: это ответ на вопрос князя, следует ли поститься в среду и пятницу, если эти дни приходятся на какой-нибудь праздник.

Второе послание («о вере крестьянской и о латынской») представляет большой историко-литературный интерес. Это полемический трактат, направленный против римско-католического учения. Автор советует князю не общаться с латинянами: ни «учения» их слушать, ни «обычая» их держаться, ни брататься с ними, ни есть и пить с ними из одного сосуда. Далее Феодосий перечисляет все известные ему латинские «ереси». Он обвиняет латинян в двадцати с лишним «ересях», многое смешивая, путая существенное с несущественным. Заканчивается послание вто-

¹⁷ Издание текста: С. А. Бугославский. Поучение епископа Луки Жидята по рукописям XV—XVII веков. — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 2, 1913, стр. 196—237.

¹⁸ [См.: И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 159—184].

ричным призывом к князю «блюстися кривоверных» и похвалой православной вере.

Полемический тон, несправедливые обвинения по адресу латинян побудили некоторых исследователей подвергнуть сомнению принадлежность этого послания Феодосию Печерскому. Так, А. А. Шахматов считает, что это послание другого Феодосия, а именно Феодосия Грека, писателя XII в.¹⁹ Поэтому послание было изъято из списков трудов Феодосия Печерского. В 1935 г. мне удалось пересмотреть этот вопрос и выяснить, что автор послания — Феодосий Печерский,²⁰ а в 1947 г. я обнаружил, что текст послания цитирует наша древнейшая летопись — «Повесть временных лет». Значит, послание не могло быть написано позднее 1116—1118 гг.²¹ Гипотеза А. А. Шахматова, таким образом, отпадает. Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу было написано не ранее весны 1069 г., времени прибытия Изяслава с поляками в Киев, и не позже 3 мая 1074 г. — дня смерти Феодосия. Очевидно, оно было написано в 1069 г., когда в связи с общим недовольством против распущенных Изяславом на «покорм» ляхов и без того дискуссионный после разделения церквей в 1054 г. вопрос о латинянах, их вере и нравах приобрел особенную остроту и злободневность.

Есть основание рассматривать этот трактат как памятник общественной мысли второй половины XI в. Отсюда и полемический тон его, и резкость обличений. Со стороны Феодосия, хозяина и начальника такой крупной торговой «фирмы», какой в то время уже был Киево-Печерский монастырь, тесно связанного общностью классовых интересов с миром киевских торговых людей, послание к князю Изяславу о латинянах было попыткой в тщательно замаскированной форме отвлеченно богословского трактата о латинских «ересях» вступить за своих собратьев по классу и ремеслу, указать князю на гибельность его внешней политики, предостеречь о возможных последствиях, земных и небесных, его ориентации на иноверцев-латинян. Однако Изяслав не оправдал надежд Феодосия: изгнанный в 1073 г. из Киева, он снова обратился за помощью к польскому королю Болеславу, а затем к германскому императору и даже к самому римскому папе Григорию VII.

Тот факт, что Феодосий Печерский позволил себе выступить с резкой критикой внешней политики князя Изяслава Ярославича, для него характерен: когда поведение князя казалось ему заслуживающим порицания, он обычно заявлял об этом открыто. Нестор, биограф Феодосия, упоминает о ряде посланий, которые

¹⁹ А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. — ИОРЯС, т. II, кн. 3, 1897, стр. 827—835.

²⁰ [См.: И. П. Еремин. Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). — ТОДРЛ, т. II, 1935, стр. 21—34].

²¹ [См.: И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 162].

тот отправил князю Святославу Ярославичу. Получив одну такую «эпистолию», Святослав в сильном гневе, «яко лев рыкнув», хватил его об пол. К сожалению, эти его обличительные послания не дошли до нас.

Поучения (речи) Феодосия Печерского принадлежат к древнейшим памятникам дидактического красноречия Киевской Руси; краткие и безыскусственные, они и по содержанию, и по форме напоминают аналогичные поучения Феодора Студита, византийского писателя VIII—IX вв. И это не случайно. Феодосий Печерский очень ценил Феодора Студита. По инициативе Феодосия монастырь Печерский был организован по типу Студийского монастыря в Константинополе — одного из наиболее знаменитых монастырей на православном Востоке; устав Студийского монастыря стал уставом и монастыря Печерского. Феодор Студит, автор этого устава, пользовался громкой славой наиболее авторитетного знатока теории и практики монашества; неудивительно, что Феодосий Печерский старался подражать ему не только как игумену, но и как писателю.

Студийский устав отличался особой суровостью и строгостью: он требовал от каждого члена монашеской общины прежде всего полного отречения от всякой собственности, полного и безоговорочного подчинения игумену монастыря, соблюдения строжайшей дисциплины; настаивал на необходимости для каждого монаха трудиться, безропотно выполнять все поручения игумена; осуждал праздность, безделье; труд, тяжелый физический труд на поле, в монастырской поварне, объявлял обязанностью каждого монаха, каждого члена монашеской общины.

Феодосий Печерский приложил немало усилий к тому, чтобы воспитать братию вверенного ему Печерского монастыря в духе этого устава. Дошедшие до нас поучения Феодосия Печерского наглядно свидетельствуют об этих его усилиях. Не грозным игуменским окриком, а убеждением старался Феодосий Печерский внушить братии свой суровый и строгий идеал иноческой жизни. Поучения его проникнуты своеобразной теплотой и сердечностью. Прямая ласка звучит порою в его интонациях: «любимцы мои», «дети мои», «братия моя дорогая» — так обычно называл Феодосий Печерский подчиненных ему иноков, обращаясь к ним, увещевая их прислушаться к его словам.

Поучения Феодосия Печерского невелики по объему; каждое поучение от начала до конца выдержано в форме личного обращения к братии, незамысловато по изложению, почти лишено каких-либо риторических украшений. Каждое поучение преследует чисто практическую цель: напомнить о том или ином «правиле» иноческого поведения. Большое внимание уделяет Феодосий «правилам» внешнего распорядка, предписаниям монастырской дисциплины; он убеждает братию не иметь в кельях никакой собственности сверх положенной уставом; не опаздывать к началу богослужения; входя в церковь, класть три зем-

ных поклона; в церкви стоять, не прислоняясь к стене; соблюдать благочиние и порядок при пении молитв и псалмов; ходить со сложенными на груди руками; при встрече кланяться друг другу и т. п. «Правила» внешнего поведения иноков чередуются в поучениях Феодосия Печерского с требованиями полного отречения от мира, воздержания, постоянного пребывания в молитве и бдении. Феодосий Печерский сурово обличает праздность, стяжательство, невоздержанность в пище.

Вот отрывок из одного его поучения (в пересказе): «...молю вас, братия моя любимая, не забывайте о том, о чем не раз уже напоминал вам. Не для того собрал нас здесь бог, чтобы мы предавались радостям земным: не для того призвал нас сюда, чтобы мы предавались здесь праздности. Молю вас, стряхнем с себя, любимые мои, леность нашу. Вспомните день, когда впервые переступили вы ограду монастырскую. Тогда дали вы мне и богу обещание все перенести, все перетерпеть, даже поношение, уничижение последнее, даже изгнание... Почему же вы теперь обещания своего не исполняете, трудиться не любите, о суете мира сего думаете? Не раз читал я вам жития святых, вы же уши затыкаете, чтобы не слышать рассказа о мужестве их. Начнете сами читать, — едва предисловие дочитаете, — уже скучно вам становится, уже зевота одолевает вас. На молитву уста у вас крепко стиснуты, на праздные разговоры, брань и пересуды они у вас широко открыты... Когда враг у города, когда затрубит труба ратная, никто из воинов не спит: смело идут на брань, не жалея ни жены, ни детей, ни имущества — что говорю: „имения!“ — жизни своей не жалея. Так поступают простые воины, когда городу их угрожает опасность. Мы же, воины христовы, почему спим, когда враг у ворот?! Когда души наши в опасности?! Нехорошо это, любимые мои, недостойно...»

Некоторые материалы дают поучения Феодосия Печерского и для характеристики его как церковно-политического деятеля второй половины XI в. Большое значение, которое придавал Феодосий Студийскому монастырскому уставу, отнюдь не случайно: именно в нем искал он опоры в борьбе за независимость своего монастыря от «клирик софейских» (т. е. митрополита) и даже в какой-то степени от княжеской власти. Поучения Феодосия Печерского наглядно показывают, как настойчиво добивался он соблюдения всех предписаний этого устава: братии Печерского монастыря следует приложить все усилия к тому, чтобы утвердить свой морально-политический авторитет в стране. Этот авторитет они смогут завоевать, только строго соблюдая Студийский устав, служа высоким примером благочестия, дисциплины и нестяжательства. И митрополит, и князь вынуждены будут считаться с монастырем, если братия монастыря противопоставит произволу свой морально-политический авторитет.²²

²² [Издание текста поучений см. там же, стр. 173—184].

«Поучение» новгородского архиепископа Ильи

«Поучение» новгородского архиепископа Ильи и по своему содержанию, и по форме — одно из наиболее замечательных произведений Киевской Руси XII в. Автор этого «Поучения», приходский священник церкви св. Власия в Новгороде Илья был поставлен новгородским архиепископом в 1165 г., умер 7 сентября 1186 г., постригшись перед смертью в схиму под именем Иоанна.

Установлено, что Илья написал свое «Поучение» в первый же год своего управления новгородской епархией и произнес его 13 марта 1166 г. на созванном им епархиальном соборе.

Начинается «Поучение» небольшим вступлением. Напоминая своим слушателям, что не по своей воле принял он сан новгородского архиепископа, но по их желанию, Илья просит внимательно, «с любовью» выслушать его: «Не о собе бо се глаголю, нъ нудить мя святое писание, еже нарекшися пастуху не мълъчати». Они не должны рассчитывать на то, что он «своей» и потому, «не хотя братии своей досадити», о многом умолчит, обличая их недостатки. Долг пастыря обязывает его сказать все, что он думает, иначе они сами же смогут обвинить его в «небрежении».

Переходя к характеристике основных обязанностей подчиненного ему духовенства, Илья прежде всего предлагает священникам воздерживаться от «многого» пьянства. «...в мнози бо пити многа беда есть, — души грех, телу болезнь, от людей укор». Увещает Илья священников и от другого распространенного в их среде порока — ростовщичества. Рекомендуя исповедовать мирян «с тихостью» и не налагать «тяжки заповеди» на кающихся, Илья советует священникам усерднее заниматься «почитанием книжным» и тому же учить мирян. Должны воздерживаться священники и от игры в кости. Илья обязывает священников наблюдать за тем, чтобы беременные женщины не отбивали поясных и земных поклонов, так как это может повредить их здоровью; возбранять женщинам ходить к волхвам; следить за тем, чтобы миряне соблюдали великий пост; венчать в церкви тех, кто живет в браке без церковного венчания. Необходимо следить за тем, чтобы миряне и, в особенности, женщины чинно стояли в церкви; унимать мирян от святочных игр в «тура», в «лодыги»; запрещать колядование и кулачные бои; детей учить почитанию родителей, взрослых; избегать гнева и гордости.

Заканчивается «Поучение» следующим послесловием: «А простите мя, братие, еже любо си мало слово изрекох от худоумья моего, а вам бо се добре ведушим. Но вы сами ведаете, оже яз не который книжник. Аже что буду нестройно изрекл, и не зарите ми, зане ниць есмь мужь, невежа, и не умею, по что ся иму. Да и еще вы бых мълвил, нъ да луче есть малое се исправить, а не многааго в забытѣи положити» («Простите меня, братия, если покажется вам, что сказал по худоумью своему те сло-

ва, которые вам хорошо известны. Но вы сами знаете, что не книжник я. Если что я и нестройно сказал, не прогневайтесь на меня, ведь я нищ разумом, невежа и не умею свершить то, за что взялся. Я и еще бы сказал, но лучше малое сделать, чем во многом запутаться»).

Типичное древнерусское «пастырское» поучение по форме и содержанию, это «Поучение» архиепископа Ильи замечательно бытовой конкретностью своих обличений и назиданий. И в этом его основное достоинство в сравнении, допустим, с «Поучением» Луки Жидяты. Заключая в себе ряд предписаний, имеющих нормативное значение, «Поучение» Ильи сближается с памятниками древнерусского канонического права: «Правилами церковными» митрополита Иоанна Второго, «Вопрошаниями» Кирика, Саввы и Ильи новгородскому епископу Нифонту и др., но форма, в которую облек Илья это свое «Поучение» местному епархиальному духовенству, придает ему интерес и в глазах историка литературы.²³

Именами Луки Жидяты, Феодосия Печерского, архиепископа Ильи не исчерпывается список писателей-проповедников Киевской Руси, авторов поучений. К ним принадлежит и видный русский писатель XII в. Владимир Мономах.

«Поучение» Владимира Мономаха

Владимир Мономах, с 1113 г. князь киевский, был одним из выдающихся князей своего времени. Он заслужил восторженные отзывы современников и благодарную память потомства. Особенно прославился он своей неустанной борьбой с половцами; в борьбе этой он, по выражению летописца, «много утер пота за землю Рускую», за что и получил от него имя «добрého страдальца за землю Рускую».

«Поучение» Мономаха дошло до нас в единственном списке XIV в. — в Лаврентьевском списке «Повести временных лет», где оно читается под 1096 г. Список, к сожалению, дефектный. В «Поучении» недостает нескольких начальных строк; писец, видимо, списывал с очень ветхой рукописи, истлевшей по краям и в начале. «Поучение» слито с письмом Владимира Мономаха к князю Олегу Святославичу, и неясно поэтому, где кончается «Поучение», где начинается письмо. Все это очень затрудняет исследование «Поучения» Владимира Мономаха.

Когда было написано «Поучение»? Вопрос этот до сих пор не получил окончательного разрешения: мнения исследователей расходятся. Лично мне наиболее вероятным кажется предположение (впервые высказанное еще Н. М. Карамзиным в начале

²³ Издание текста: А. Павлов. Неизданный памятник русского церковного права XII века. — ЖМНП, ч. ССLXXI, 1890, октябрь, стр. 285—300.

прошлого века), согласно которому «Поучение» свое Владимир Мономах написал незадолго до смерти, в глубокой старости — в 1124 или в 1125 г. (Умер Владимир Мономах в 1125 г.).

При датировке «Поучения» решающее значение должно иметь, по-моему, следующее признание Мономаха в начале «Поучения»: «Сидя в саях, помыслил я в душе своей и восхвалил бога за то, что он довел меня, грешного, до этих дней». И дальше: «Если же кому писанье это не полюбитя, пусть не насмеются, но так вот скажут: в далеком пути и на саях сидя, пустое молвил».

В старину мертвых в церковь возили обычно на саях. Выражения «сидя в саях», «в далеком пути» в приведенном выше контексте, по-моему, следует понимать только так: готовясь к дальнему пути, к смерти.

В начале «Поучения» Владимир Мономах дает сыновьям ряд моральных наставлений: не забывайте бога, гордости не имейте в сердце и в уме, старых людей уважайте, не ленитесь, прежде чем что-либо сказать, подумайте... Здесь Мономах повторил все то, что некогда говорил ему его собственный отец, что старо, как мир, и что приличествовало сказать в такой час. В назидание сыновьям Мономах даже выписал ряд цитат из священного писания.

Однако очень скоро эта морализирующая тема, заданная церковными поучениями и другими аналогичными произведениями, ему явно становится в тягость. И он ее заканчивает. Моральные наставления перерастают в политическое завещание, в урок сыновьям, как надо княжить, управлять государством. И, наконец, «Поучение» переключается в автобиографию.

Письмо Владимира Мономаха двоюродному брату Олегу Святославичу, вероятно, было написано в 1096 г. Повод, по которому письмо написано, необычен. Владимир Мономах пишет своему врагу, предлагая ему примирение, после того как в сражении с войсками Олега погиб его любимый сын Изяслав.

Письмо старчески мудро и спокойно. Горько сожалел о смерти сына, Владимир Мономах готов все понять и все простить. Война есть война. Сын его погиб, как погибают многие в бою. «Суд пришел ему от бога, а не от тебя», — писал Мономах Олегу. Беда не в том, что погиб на поле брани еще один князь, беда в том, что княжеские распри, усобицы губят Русскую землю. Пора бы прекратить эти братоубийственные войны. Мономах предлагает Олегу мир: «Я тебе ни враг, ни мститель... И мир я тебе предлагаю потому, что не хочу я лиха, но добра хочу всей братии нашей и земле Русской».

Замечательна в письме трогательная просьба Мономаха к Олегу прислать к нему вдову сына — сноху. «Ради бога пусти ее ко мне скорее, с первым же послом; приедет она, вместе с нею поплачу я о судьбе ее горькой; сядет она, как горлица на сухом дереве, жалуючись, а я утешусь о боге». В строках этих есть что-

то от народной поэзии, что-то от песенной лирики, что-то предвещающее плач Ярославны в «Слове о полку Игореве».

«Ужасный век! Ужасные сердца!» — писал А. С. Пушкин. Век — да, но сердца — нет; и в этот век были сердца подлинно человеческие в самом высоком, гуманистическом смысле этого слова.²⁴

ТОРЖЕСТВЕННОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Торжественное красноречие — область творчества, требовавшая не только глубины идейного замысла, но и большого литературного мастерства: умения эффектно построить речь, умения так организовать материал, чтобы он мог увлечь, захватить читателя или слушателя, потрясти его «пафосом», настроить его — соответственно теме речи — на «высокий», торжественно-патетический лад. Чтобы добиться этого, мало было одного желанья, нужна была еще и соответствующая выучка, школа. Эту выучку, эту школу наши витии XI—XII вв. приобретали годами, изучая образцы и совершенствуясь под руководством старших, более опытных мастеров торжественного красноречия.

О специальной выучке, которую проходили древние мастера, свидетельствует прежде всего известное единство литературного строя дошедших до нас памятников торжественного красноречия.

Все произведения, за очень редкими исключениями, в композиционном отношении делятся, как правило, на три части: вступление, часть повествовательную и заключение.

Вступление — обязательная часть речи, более или менее самостоятельная, непосредственно еще не связанная с содержанием речи; ее назначение — эффектно «открыть» речь, привлечь к ней внимание слушателя или читателя, наметить задачу, которую ставит себе автор.

Центральная часть речи — повествовательная; обычно она представляет собой какой-либо рассказ о том или ином конкретном событии, всегда приподнятый, лиро-эпический по своей природе, перемежаемый отступлениями в сторону, пояснениями и комментариями автора.

Заключение — часть, завершающая речь: в красноречии церковном это обычно молитва, с которой автор обращается к богу; в красноречии светском это или «похвала» герою, которому посвящена речь, или обращение автора к читателю и слушателю с тем или иным призывом.

Об известном единстве литературного строя памятников торжественного красноречия свидетельствуют одни и те же стили-

²⁴ Издание текста «Поучения»: А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946; Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 117—129 (пер. Д. С. Лихачева).

стические приемы, к которым прибегали витии в целях большего эмоционального воздействия на аудиторию: риторические обращения к читателю или слушателю, иногда даже к героям повествовательной части; риторические вопросы и восклицания; метафоры. Сюда же должны быть отнесены антитеза и повтор (повторение разного типа и в разных комбинациях — один из наиболее показательных признаков ораторской прозы).

Наконец, о том же единстве литературного строя говорит и еще одна характерная особенность нашего старинного торжественного красноречия: ритмический строй речи. В ряде случаев инерция ритма так отчетлива, что речь производит впечатление стихотворения в прозе. Обычно этот ритм порождало чередование предложений одной и той же синтаксической конструкции, иногда с закономерным повторением первого или последнего слова.

Все указанные мною особенности литературного строя памятников торжественного красноречия XI—XII вв. подчинены конкретной задаче: сообщить речи по возможности более эмоциональный характер. Древний оратор — мастер торжественного красноречия — старался сделать все, чтобы придать своей речи наибольшую убедительность, наибольшую действенность; она должна была увлечь читателя или слушателя, задеть его воображение, рассеять то или иное предубеждение, пробудить его активность.

Торжественная речь, если она была посвящена какому-либо злободневному вопросу текущей современности, именно в силу этой своей повышенной эмоциональности производила сильное впечатление.

Одно замечание, прежде чем перейти к обзору отдельных дошедших до нас произведений. Выше я все время употреблял термин «речь». Это не совсем точно. В древности у нас существовал другой термин для обозначения торжественной речи, а именно «слово» (*λόγος*).

И последнее замечание. Речи у нас в старину обычно не произносились непосредственно перед аудиторией, в порядке устной импровизации, как это имело место, допустим, в Древней Греции или Риме. Речи писались и распространялись, как и все остальные произведения литературы XI—XII вв., в многочисленных рукописных копиях.

Обращает на себя внимание исключительный по своему размаху расцвет эпидиктического красноречия у нас на Руси в XI и, в особенности, в XII вв. — расцвет, какого не знала ни одна средневековая литература Западной Европы, где в эту эпоху красноречие вообще не получило широкого развития.

Расцвет этот — явление не случайное. Древнерусские писатели XI—XII вв. всегда, за немногими исключениями, чутко прислушивались к жизни, ее запросам и требованиям; неудивительно, что они обратились именно к той форме, которая давала

наибольший простор для непосредственного обсуждения в литературе тех или иных вопросов текущей современности: торжественная речь уже по одному тому должна была привлечь их внимание, что она в отличие от речи дидактической была по самой своей природе предназначена для широкой массовой аудитории, преследовала не узкопрактические цели — непосредственного назидания или информации, а требовала постановки проблем широкого общественно-политического или философско-богословского охвата. Злободневность — наиболее характерный признак торжественного красноречия. Война и мир, оборона границ Русской земли, внешняя и внутренняя политика, борьба за независимость политическую и культурную, против Византийской империи и ее претензий на мировое господство — вот вопросы, которые здесь обсуждались, порою очень страстно и запальчиво. Иногда обсуждение этих вопросов в красноречии церковном принимало характерную для средневековья форму спора по тому или иному богословскому вопросу, внешне далекому от злобы дня; задача историка — за этой формой вскрыть ее подлинное, объективное содержание, подчас не менее злободневное, чем в произведении светского писателя. В XI—XII вв. церковное красноречие старалось, впрочем, не отставать от светского: здесь нередко дебатировались те же вопросы, раздавались гневные обвинения по адресу князей, забывающих о своем долге «стеречь» Русскую землю, призывы к единению князей перед лицом врага, полные патриотического пафоса и гражданского мужества.

Родина эпидиктического красноречия — античная Греция. В Греции этот тип красноречия возник почти одновременно с красноречием судебным и дидактическим («совещательным», как называли его греки): уже в V в. до н. э. Горгий из Леонтин в Сицилии (около 483—375 до н. э.) и Исократ (436—338 до н. э.), основоположники аттического красноречия, деятельно культивировали эпидиктическую речь.

Чрезвычайно интересна ее судьба. Развиваясь из века в век, эпидиктическое красноречие стало постепенно вытеснять из литературного обихода не только красноречие совещательное и судебное, но и все остальные виды литературного творчества — поэзию и драматургию. Уже в III—II вв. до н. э., в эллинистическую эпоху, эпидиктическая речь обнаруживает явную тенденцию занять ведущее место в литературе; зенита своей популярности этот род красноречия достигает в III—IV вв. н. э., в эпоху так называемой «второй софистики»: эпидиктическая речь окончательно завоевывает господствующее положение в литературе; она с торжеством оттесняет на второй план все остальные виды литературного творчества (за исключением разве романа); драматургия и поэзия влачат жалкое существование; как раньше спешили в театр на представление трагедии или комедии, так теперь в центре общественного внимания

выступление того или иного софиста-оратора, профессионального мастера эпидиктической речи. Некоторые наиболее прославленные софисты, например Дион Хризостом (Златоуст), Эллий Аристид, Либаний, Гимерий, пользовались известностью не только в Греции, но и далеко за ее пределами. Каждое выступление такого софиста — праздник, общественно-литературное событие. Встречали его бурей аплодисментов, рукоплескали каждому удачному слову, метафоре, эпитету. Речь, распространяемая в многочисленных рукописных копиях, затем детально обсуждалась. Разгорались страсти, поклонники одного софиста и поклонники другого спорили до иступления, отстаивая каждый своего «кумира». Это всеобщее увлечение красноречием, эпидиктическим в частности, это торжество живой человеческой речи, этот победоносный триумф ораторского мастерства — явление уникальное в истории культуры. «Вторая софистика» — целая своеобразная эпоха в истории мировой литературы: ни до, ни после культура ораторской речи не стояла так предельно высоко. Носителями этой культуры были софисты; как и всякое искусство, искусство живого ораторского слова требовало не только глубины содержания, но и мастерства, требовало школы; эту школу софисты обычно и проходили под руководством того или иного прославленного мастера: ни один из них не рассчитывал на вдохновение: всякий софист понимал, что публика, — а она была очень требовательная: красноречие в Греции к тому времени уже насчитывало семь-восемь веков своего исторического развития, — не простила бы ему отсутствия мастерства, даже при удачно произнесенной речи; неопытного софиста немедленно освистали бы или забросали гнилыми апельсинами; репутация его была бы надолго, если не навсегда, испорчена. Эта высокая требовательность к себе, к своему мастерству — черта, свойственная всем, без исключения, софистам, наиболее прославленным из них в особенности. Они несли в народ свое нелегкое искусство с полным сознанием взятой на себя ответственности. Не только содержание, но и форма, речь в целом, малейшие детали ее построения, отбор слов, стечение гласных и согласных, модуляции голоса, жестикуляция, даже поза, даже складки тоги, в которую софисты по римскому обычаю драпировались перед выступлением, — все было заранее предусмотрено, взвешено, обдумано. Эпидиктическая речь предполагала серьезную творческую подготовку. Она требовала не только «пафоса» (πάθος — «подъем духа»), остроты идейного замысла, но и предельного художественного совершенства. В эпоху «второй софистики» завершился процесс, начало которого восходит еще к V в. до н. э.: поэзия, которая к этому времени почти исчезла из литературного обихода, окончательно растворилась в красноречии; отдельные жанры, поэтическая фразеология, ритм — все было усвоено и переработано красноречием, даже номенклатура названий: терминами, которыми раньше поэты

обозначали тот или иной поэтический жанр — допустим, ода, гимн; эпиникий (песнь в честь героя-победителя), плач и т. п., — софисты теперь стали обозначать свои речи. Осложненная элементами поэзии, эпидиктическая речь в устах и под пером софистов приобрела форму своеобразного стихотворения в прозе. Некоторые речи Эллия Аристида, Либания, Гимерия — классические образцы эпидиктического красноречия той эпохи.

В III—IV вв. н. э., уже на закате античной культуры, софисты передали свое замечательное искусство, закрепленное теорией — риторикой, в наследство христианским мастерам ораторского «слова». В IV—V вв. все наиболее прославленные мастера христианского эпидиктического красноречия эпохи его расцвета: Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Василий Великий, Григорий Нисский, Епифаний Кипрский — были учениками софистов, под их руководством изучали теорию и практику красноречия, под их наблюдением пробовали свои силы в новом для них искусстве. Иоанн Златоуст, наиболее известный из великих основоположников христианского эпидиктического красноречия, учился, например, у Либания, Григорий Назианзин — у Либания и у Гимерия. Опыт своих учителей они усвоили в совершенстве. Это не отрицали даже язычники; когда ученики однажды спросили Либания, кого бы он охотнее всего оставил своим преемником, он ответил: «Иоанна, если бы не украли его у нас христиане». В IV в. н. э. Антиохия и Константинополь, где нередко выступал публично с церковной кафедры Иоанн Златоуст, стали столь же популярными, как незадолго перед тем Афины. Послушать Иоанна охотно приходили не только христиане, но и язычники, и церковь — это любопытная деталь, — когда Иоанн Златоуст заканчивал речь, нередко сотрясалась от грома рукоплесканий: традиции античного мира были еще живы. Речи Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия Великого напоминают во многом речи софистов: тут и там одна и та же культура — и по форме, и в какой-то степени по содержанию. Иоанн Златоуст, обличая пороки своих современников, нередко, следуя примеру Либания, поднимал в своих проповедях серьезные политические и даже социальные вопросы — о семье, о воспитании детей, о труде как основе общественного благосостояния, об уничтожении рабства, об отмене кровавых цирковых зрелищ, развивал планы разного рода социальных реформ, рисовал картины идеального общественного устройства, основанного на братстве всех перед богом.

Усвоенную ими от софистов традицию христианские мастера эпидиктического красноречия в свою очередь передали в наследство в X—XI вв. сперва болгарам, а затем и русским.

У нас на Руси уже в XI в. получили широкое распространение избранные произведения почти всех наиболее известных авторов «золотого века» христианского красноречия — в оригинале (среди тех, кто знал греческий язык) и в переводе.

По приблизительному подсчету, в XI—XII вв. на Руси было известно в старославянском переводе более двухсот речей Иоанна Златоуста. Речи Иоанна Златоуста были собраны в особые сборники, носившие разнообразные и нередко причудливые названия: «Златоструй», «Златоуст». Один из сборников, а именно «Златоструй», в отрывке дошел до нас в списке XI в.— несомненно русского происхождения; в списке XII в. известен нам сборник избранных произведений этого автора, по составу своему напоминающий «Златоструй».

Очень рано становятся известны в Киевской Руси речи и другого знаменитого греческого церковного оратора IV в.— Григория Назианзина. Древнейший список славянского перевода сочинений Григория относится к XI в. (хранится в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Список этот, со следами работы одного или нескольких русских переписчиков, содержит тринадцать избранных речей Григория: здесь мы находим и его «слово» на погребение Василия Великого — образец патетической надгробной речи, и обличительную речь против императора Юлиана Отступника, и ряд других его эпидиктических речей.

Известны были Киевской Руси в переводе и речи Василия Великого, Григория Нисского, Епифания Кипрского.

Как видите, эпидиктическое красноречие Киевской Руси возникло и развивалось в XI—XII вв. не на «голой» почве: оно опиралось на многовековую традицию греческого эпидиктического красноречия, византийского и античного. Писатели Киевской Руси, мастера эпидиктической ораторской прозы, получили в наследство богатый, веками накопленный опыт, и опытом этим они не могли, разумеется, не воспользоваться — таков закон исторического движения литературы. Они взяли у своих учителей все, что уже давно вошло в практику красноречия этого типа, что было узаконено даже теорией (риторикой): и терминологию, и композицию, и наиболее употребительные риторические фигуры, и даже наследие античной поэзии — ритмический строй речи. Усвоено было все, кроме одного: у нас на Руси не получила распространения практика устного публичного выступления. Красноречие Киевской Руси — и дидактическое, и эпидиктическое — красноречие литературное по преимуществу: речи у нас писались, затем — в отдельных случаях — читались вслух; такая практика, впрочем, была известна и античному миру (Исократ тяготился публичными выступлениями и предпочитал, жалуясь на болезнь горла, писать свои речи; так нередко поступали и другие, например Аристид).¹

Если рассматривать историю древнерусского эпидиктического красноречия XI—XII вв. на фоне греческого, византийского и античного, — а только так его и можно рассматривать, — становятся понятны и его природа, и его новое качество: на долю писателей Киевской Руси выпала честь не

только продолжить в новом направлении (в каком — увидим из разбора отдельных памятников) традицию греческого эпидиктического красноречия, одну из самых мощных традиций античного мира, но и в какой-то степени завершить ее. Эпидиктическое красноречие Киевской Руси XI—XII вв. — последнее звено той цепи, древность которой исчисляется в пятнадцать столетий и которая уцелела до XI—XII вв. н. э. только потому, что одному из «варварских» народов, пришедших на смену античному миру, удалось вернуть ей — пусть ненадолго — прежний блеск.

«Слово о законе и благодати»

Древнейшим из дошедших до нас памятников торжественного (эпидиктического) красноречия Киевской Руси является «Слово», которое в рукописи носит такое заглавие (крайне длинное по обычаю того времени): «О законе, Моисеом даннем, и о благодати и истине, Иисус Христом бывшим, и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера во вся языки простресе и до нашего языка русьскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещени быхом, и молитва к богу от всея земли нашеа». Сокращенно в науке произведение это обычно называется так: «Слово о законе и благодати».

Время написания этого «Слова» определяется относительно точно. В «Слове» говорится о церкви Благовещения у Золотых ворот в Киеве, основанной Ярославом в 1037 г.: упоминается как живая жена Ярослава — великая княгиня Ирина, которая скончалась в 1050 г. «Слово», следовательно, было написано еще в первой половине XI в., в период между 1037 и 1050 гг.

Труднее ответить на вопрос, кто был автором «Слова»: ни одна из дошедших до нас рукописей «Слова» имени автора не сохранила.

Есть мнение (впервые обосновал его А. В. Горский еще в 1844 г.), что автором «Слова» был Иларион, священник придворной церкви в селе Берестове, летней резиденции князя Ярослава; «Повесть временных лет» сообщает, что в 1051 г. этот Иларион по воле князя Ярослава был поставлен собором русских епископов киевским митрополитом — вопреки обычаю, так как до тех пор митрополит назначался из Константинополя и был греком по национальности.

Приписывая это «Слово» митрополиту Илариону, Горский ссылается на его «Исповедание веры», которое в одной рукописи XVI в. читается вслед за «Словом» и подписано именем «мниха и прозвитера Илариона» и в котором киевский князь, так же как и в «Слове о законе и благодати», именуется хазарским титулом «кагана».

Начинается «Слово» обширным рассуждением на тему, в чем всемирно-исторический смысл крещения Руси? На вопрос этот автор отвечает так (перед нами целая философско-историческая концепция): бог в неусыпной заботе своей о человечестве, желая спасти его, не дать ему погибнуть во мраке языческого неверия, даровал сперва «закон» устами Моисея, а затем послал своего сына Иисуса Христа, чтобы обновить человечество евангелием и «крещением». Бог дал людям «закон», чтобы подготовить их к «благодати». «Закон» — предтеча «благодати», он был известен древним евреям и не получил распространения среди других народов; «благодать», т. е. христианство, в отличие от «закона» — достояние всего человечества; распространяясь по всей земле, среди народов, жаждущих «спасения», дошла «благодать» и до народа русского. «Все страны помиловал бог, — писал автор „Слова“, вспоминая крещение Руси, — не забыл и нас; томясь от жажды, пустая и высохшая лежала земля наша; внезапно полился источник евангельский и наполнил ее всю, от края до края».

В основе философско-исторической концепции Иларiona лежит идея равенства всех народов перед «благодатью»; она, «благодать», т. е. христианство, — не достояние какого-либо одного избранного народа, а достояние всего человечества в отличие от «закона», т. е. иудейской религии. «Закон» и «благодать» — две закономерные стадии в истории человечества; «закон» — начальный этап в истории постепенного перехода человечества от язычества, от многобожия к вере в единого бога. Крещение Руси — прямой результат божественного попечительства о русском народе.

Концепция эта, если рассматривать ее на фоне общественно-политической обстановки в Киевской Руси середины XI в., несомненно направлена против Византийской империи и ее притязаний на мировое господство. «Слово о законе и благодати» проникнуто духом протеста против этих притязаний, духом борьбы за независимость молодого Киевского государства от протектората Византии, церковного и политического.

Центральная часть «Слова о законе и благодати» — развернутая «похвала» князю Владимиру, главному виновнику крещения Руси. «Хвалит Римская страна, — писал Иларион, переходя к этой „похвале“, — Петра и Павла, которые научили ее верить в Иисуса Христа, сына божия, Азия и Ефес и Патм — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка; все страны, города и народы чтут и славят учителя своего, научившего их православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые в свое время владычествовали, мужеством своим и храбростью прослыли в многих странах и победами и крепостию поминаются

ныне и славятся: ибо не в худой и неведомой земле владычествовали они, но в Русской, которая ведома и слышима во всех четырех концах вселенной».

Проникнутая чувством патриотизма и гордости за свою родину, эта «похвала» замечательна образом князя Владимира. В изображении «Слова» Владимир выступает перед нами как идеальный равноапостольный князь—просветитель, утвердитель веры. Благородный потомок благородных предков, «друг правде», «разуму место», «милостыни гнездо», он мудро «пасет» свою землю. Озаренный божественным откровением, он сам убеждается в «суете идольского заблуждения» и познает истинного бога. Возгорев духом, он крестится сам и крестит всех жителей своей земли. Просветив «солнцем евангельским» землю Русскую, еще недавно покрытую «мраком языческим», он смиренно совещается с новыми советниками своими, епископами, о том, как «закон уставити» в своей новопросвещенной земле; строит и украшает церкви и монастыри, часто присутствует при богослужении, оказывает покровительство и помощь бедным, больным, заложникам и содержимым в рабстве. Даже по смерти продолжает он заботиться о родной земле: с высоты своего небесного жилища наблюдает он за делами своей земли и молится о том, чтобы бог сохранил ее «в мире и благоверии», избавил от «всякое рати и пленения, от глада и всякоя скорби».

В конце «похвалы» Владимиру автор в порыве ораторского воодушевления обращается к нему со следующими словами: «Встань, о честная глава, из гроба своего, встань, отряси сон! Ведь ты не умер, но спишь до общего всем воскресения. Встань, ты не умер, ибо тебе не надлежит умереть, так как ты уверовал в Христа, жизнь всего мира. Отряси сон, подними очи, чтобы увидеть, какой тебя чести бог там сподобил и на земле не оставил без памяти через твоего сына. Встань, посмотри на сына своего, на Георгия (Ярослава). Посмотри на чадо свое. Посмотри на милого своего. Посмотри на того, кого бог извел из чресл твоих. Посмотри на украшающего престол земли твоей, и возрадуйся, и возвеселись. Посмотри и на благоверную сноху свою Ирину. Посмотри на внуков твоих и правнуков, как они живут, хранимые богом, как держат благоверие по твоему завету, как святые церкви чтут, как славят Христа, как поклоняются имени его. Посмотри и на город, величием блистающий, посмотри на цветущую церковь, посмотри на растущее христианство. Посмотри на город, сияющий иконами святых, благоухающий фимнамом, хвалами и божественными песнями святыми оглашаемый. И все это увидев, возрадуйся и возвеселись и похвали благого бога, который все это сделал!».

Заканчивается «Слово о законе и благодати» молитвой к богу «от всея земли нашей»: «Пастырь добрый, душу свою положивший за овец своих! Не оставь нас, даже если мы впадем в заблуждение, не оставь нас, даже если мы согрешим

тебе, как рабы новокупленные, которые ни в чем не могут угодить своему господину... Пока благоволение твое на нас — благоденствуем; посмотришь с яростью на нас — исчезнем, как роса утренняя; пыль не может устоять против бури, так и мы против гнева твоего. Создание рук твоих, мы просим тебя, нашего создателя: помилуй нас по великой милости твоей... Пока мир стоит, не наводи на нас напасти искушения, не предай нас в руки иноплеменников, да не прозвется город твой городом плена, да не назовется стадо твое пришельцами в земли не своей; да не скажут о нас народы: „Где есть бог их!“ Не насылай на нас скорби, и глада, и напрасных смертей, огня, наводнений... Не опечаль, а возвесели нас, ибо не терпит естество наше гнева твоего, как трава сухая — огня...» Эта молитва — я привел вам только небольшой отрывок из нее — пользовалась у нас в старину большой популярностью и, переписанная нередко отдельно от «Слова», читалась во время богослужения: в 1555 г. архиепископу Гурию, которого отправляли из Москвы в новопокоренную Казань, дали наказ, предписывающий читать эту молитву во всех попутных городах.

Автор «Слова о законе и благодати», кто бы он ни был, митрополит Иларион или кто-либо другой, несомненно принадлежит к наиболее замечательным писателям нашей древности. Он сумел возвыситься до понимания одной из подлинно общенародных задач. Замечателен он не только как публицист, выразитель горделивого сознания политического могущества своей родины, которая «ведома и слышима во всех четырех концах вселенной», но и как художник, тонкий и опытный мастер эпидиктической речи.

В литературном отношении «Слово о законе и благодати» — классический образец эпидиктической речи. Оно безупречно с точки зрения требований этого жанра. Стройная композиция, парадная пышность стилистического оформления, ритмический строй речи — все это свидетельствует об очень высоком уровне литературной культуры на Руси уже в первой половине XI в.

«Слово» свое митрополит Иларион предназначал в первую очередь для людей «избранных», «преизлиха насытившихся сладою книжных». Это обстоятельство не помешало, однако, широкой популярности «Слова» среди древнерусских книжников. Его не только усердно переписывали, но им нередко пользовались и как литературным источником (см. «похвалу» Владимиру Васильковичу в Волынской летописи). Уже в XIII в. «Слово» становится известным и за границей: во второй половине века его использовал сербский писатель, монах Доментиан, составляя Жития Симеона и Саввы Сербских.²⁵

²⁵ Издание текста «Слова о законе и благодати»: А. В. Горский. Памятники духовной литературы времени великого князя Ярослава I. М., 1844. [Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — «Slavia», гоѣ. XXXII (1963), сеѣ. 2, str. 141—175].

«Похвала» Феодосию Печерскому

К древнейшим памятникам древнерусского эпидиктического красноречия относится также «Похвала» Феодосию Печерскому неизвестного автора, памятник конца XI в. «Похвала» эта — типичный образец эпидиктической похвальной речи в честь того или иного общественно-политического или церковного деятеля. Начинается «Похвала» характеристикой Феодосия Печерского. Автор сопоставляет его с князем Владимиром: тот крестил Русь, этот научил идти путем христовым. Биографический очерк переходит в похвалу, искусно составленную из чередующихся предложений, каждое из которых начинается словом «радуясь». Заканчивается «Похвала» молитвой Феодосию, чтобы сохранил он «ограду» свою от врагов «видимых и невидимых», «от языка незнаема, от языка немилостива», т. е. половцев, которые в конце XI в. действительно не раз нападали на Русь, а в 1096 г. разгромили Печерский монастырь. Древнерусские книжники весьма ценили эту «Похвалу» Феодосию Печерскому: она дошла не только в списках Киево-Печерского патерика, в состав которого ее включили, возможно, уже в XII—XIV вв., но и в ряде списков «Торжественника» — сборника эпидиктических речей греческих церковных писателей.²⁶

Автор «Слова о законе и благодати», составитель «Похвалы» Феодосию Печерскому и другие витии XI в., пока неизвестные нам, проложили путь крупнейшему представителю эпидиктического церковного красноречия XII в. — Кириллу Туровскому.

Сочинения Кирилла Туровского

Историческая заслуга Кирилла Туровского заключается прежде всего в том, что уже в середине XII в. он довел мастерство церковного торжественного красноречия до предельного совершенства, поднял древнерусское художественное слово на высоту, недостижимую для его предшественников. Только автор «Слова о законе и благодати» мог бы состязаться с ним в этом направлении. Некоторые речи Кирилла Туровского симметрией своих составных частей, поэтической фразеологией, ритмическим строем напоминают стихотворения в прозе. На них лежит печать не только высокой литературной культуры, не всегда обычной даже для греков — учителей Кирилла, но и подлинного таланта.

Его описание весеннего обновления природы в речи третьей, его «плачи», полные трогательного лиризма и теплоты, в речи четвертой, его знаменитое, вошедшее во все хрестоматии вступ-

²⁶ Издание текста «Похвалы» в составе Киево-Печерского патерика: Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик, стр. 86—94.

ление к речи восьмой (о «летописцах» и «песнотворцах») — это все страницы, которые по праву принадлежат к наиболее замечательным достижениям древнерусской художественной прозы.

Блестящий стилист, оратор и поэт-гимнограф, Кирилл Туровский уже у современников пользовался громкой славой «второго Златоуста», «воссиявшего паче всех на Руси». Основное направление творчества Кирилла — эпидиктическое красноречие. Эпидиктические речи Кирилла нередко вплоть до XVII в. переписывались в составе сборников-антологий «Златоуст» и «Торжественник» наряду с речами знаменитейших мастеров греческого церковного красноречия — честь, которой удостаивались у нас в старину немногие авторы. Факт этот чрезвычайно интересен: он говорит о том, что в сознании древнерусского человека творчество Кирилла Туровского служило наглядным свидетельством выдающихся успехов молодой русской литературы, не только догнавшей, но уже и опередившей в его лице современную греческую литературу; включая речи Кирилла в состав «Златоуста» и «Торжественника», древнерусские книжники утверждали право русских писателей на равное место с наиболее прославленными греческими церковными писателями древности.

Как писатель Кирилл Туровский был открыт К. Ф. Калайдовичем, одним из основоположников русской филологической науки, в 1821 г.

Год рождения Кирилла Туровского неизвестен, умер он не позже 1182 г. Сохранилось краткое житие Кирилла, по-видимому, древнее, но, к сожалению, о жизни и деятельности Кирилла мы узнаем из него немного; не вызывает сомнений только один факт, сообщаемый его биографом: Кирилл рано постригся в монахи и — когда именно неизвестно — был поставлен епископом города Турова по желанию местного князя.

До нас дошли далеко не все написанные Кириллом произведения. В его литературном наследии центральное место занимают речи («слова»). Ему бесспорно принадлежат восемь речей («слов»), «Притча о слепце и хромце» (или «о душе и теле»), «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике», «Сказание об иноческом образе», покаянный «канон» и молитвы (точное их количество в науке пока не установлено).

Есть основание думать, что дошедшие до нас речи Кирилла Туровского (наиболее эффектная часть его литературного наследия) привлекали внимание современников и потомства не столько содержанием, сколько пышным великолепием своего внешнего оформления. По содержанию они были малодоступны для рядового читателя; почти все они посвящены проблематике не общественно-политической, как «Слово о законе и благодати», а философско-богословской — комментированию того или иного, обычно библейского, текста. Как философ-богослов Кирилл Туровский принадлежит к тому направлению христианской богословской мысли, представители которого, комментируя тот

или иной библейский текст, задачу свою усматривали в том, чтобы вскрыть его «истинный», «сокровенный» смысл, его индизказательный подтекст; ту же цель ставил и Кирилл Туровский: следуя примеру своих учителей, он «переводил» не только текст в целом, но и каждую его часть из одного плана в другой — индизказательный, аллегорический. Этот «перевод» текста требовал изобретательности, больших познаний в богословской литературе, но оценить все это мог, разумеется, только специалист, только читатель, «преизлиха насытившийся сладости книжных». Рядового читателя несомненно привлекала не столько эта ученая схоластика Кирилла, сколько блестящая форма, в которую он обычно облакал свои мысли. Речи Кирилла Туровского с точки зрения своей художественной структуры действительно безупречны. Они замечательны прежде всего тем, что полностью соответствуют своему назначению: каждой строкой они создают атмосферу необыкновенного, праздничного ликования. Не случайно «веселие», «радость» — слова, в особенности часто употребляемые Кириллом. Речи свои сам он рассматривал как составную часть праздничной литургии, как «соло» в хоре, как «песнь» в честь праздника, как торжественный гимн. Показательны в этом отношении строки, которыми завершается «слово» «в неделю цветоносную»: Кирилл призывает слушателей присоединиться к нему — «песнями», как цветами, увенчать храм и праздник украсить.

Литературную свою задачу Кирилл обычно определял следующими словами: «прославити» (праздник), «воспети», «возвеличити», «украсити словесы», «похвалити». В словах этих — ключ к пониманию художественной природы его речей. Они — верный знак того, что Кирилл, составляя речь, решающее значение придавал ее стилистическому оформлению.

«Слова» Кирилла Туровского — произведения риторического искусства, очень сложного и тонкого, восходящего к праздничным декламациям античных софистов.

Основным художественным принципом стилистического строя «слов» Кирилла, подчиняющим себе все изложение, является риторическая амплификация. Та или иная тема у него всегда словесно варьируется, распространяется до тех пор, пока содержание ее не будет полностью исчерпано. Там, где в рядовой речи достаточно одного слова, одного словосочетания, у Кирилла их значительно больше — пять, десять, пятнадцать. Тема разворачивается до отказа, раскрывается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках.

В результате последовательного применения этого художественного принципа тема у Кирилла закономерно принимала форму более или менее замкнутого в стилистическом отношении фрагмента изложения — форму риторической тирады. От одной тирады к другой тираде — таково обычное для него движение речи.

Каждая тирада — целое словесное сооружение, часто очень изобретательное. Но в основе ее лежит — и в этом ее существенный признак — чередование близких по значению и однотипных по синтаксической структуре предложений.

Опытный вития, Кирилл Туровский всегда составлял свои речи по заранее обдуманному плану; каждая речь у него в строгом соответствии с правилами эпидиктического красноречия четко делится на три части: вступление, часть повествовательную, заключение.

Вступление, как уже указывалось, — обязательный элемент ораторской речи, давно узаконенный и теорией, и практикой эпидиктического красноречия; его назначение — «открыть» речь, привлечь к ней внимание, наметить задачу, которую ставит себе оратор. Вступлению Кирилл Туровский уделял большое внимание.

Позвольте привести в переводе на русский язык два-три примера. Очень эффектно у Кирилла Туровского вступление к речи пятой: «Неизмерима небесная высота, не испытана глубина преисподней, неведома тайна божественного промысла. Велика и неизреченна милость божия на роде человеческом, которою полюбил нас. Того ради хвалить и петь должны мы, братья, и прославлять господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, не забывать чудес его великих, поведать о которых бессилен язык человеческий...»

Еще пример. Речь седьмая начинается у Кирилла Туровского так: «Зову тебя, приди, пророк, священный Захария, начни ты речь мою от своих прорицаний — о вознесении на небеса господа бога, спасителя нашего Иисуса Христа! Приди и ты, Исая, ты, видевший серафимов, задолго до рождества спасителя нашего предсказавший нам его рождество. Зову вас, ибо немеют уста мои от страха, дрожит трость в руках моих, когда заговорю о чудеснейшем из чудес — о вознесении бога нашего на небо к престолу отца. Начните вы, прошу вас, слово мое...»

Во вступлении к речи восьмой в честь отцов Никейского собора он говорит: «Как историки и витии (т. е. летописцы и песнотворцы. — *И. Е.*) прислушиваются к рассказам о войнах и битвах, чтобы прославить в слове слышанное и воспеть мужественно бившихся за своего царя и не обратившихся в бегство во время боя с врагами, — так подобает и нам („лепо есть нам“) хвалу воздать храбрым и великим воеводам божьим... Начнем же, братья, все, едиными устами, песнь победную во славу отцов наших, поразивших нечестивого Ария...»

Широкое развитие получила у Кирилла Туровского повествовательная часть речи, так называемая «дизгеза». Она разработана детально (и в этом характерная особенность его ораторского стиля) и нередко перерастает под его пером в целую замкнутую лиро-эпическую повесть. Обычно это пересказ того или иного евангельского события, памяти которого посвящена

речь, но пересказ совсем особого типа, пересказ «вольный», расцвеченный разного рода добавлениями «от автора».

Скупой евангельский текст в передаче Кирилла Туровского часто приобретает неизвестную оригиналу художественную выразительность, чисто живописную экспрессию. Некоторые «повести» Кирилла Туровского («повести» в составе речи) напоминают старинные миниатюры своей живописностью: нет перспективы, фигуры условны, лица похожи одно на другое, но много «воздуха», света, золота. Типичным примером такой живописной трактовки сюжета может служить «повесть» Кирилла Туровского о вознесении на небо Иисуса Христа, вошедшая в состав его седьмой речи. В Евангелии об этом событии рассказывается совсем кратко: явился Иисус ученикам своим и сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие. Произнеся это, «господь вознесся на небо и воссел одесную бога» (Евангелие от Марка, гл. XVI, 19), или несколько подробнее: когда Иисус умер, ученики долго оплакивали смерть его. Сидели они однажды и беседовали об учителе своем. Вдруг вошел к ним Иисус и сказал: «Мир вам». Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но он сказал им: «Что смущаетесь и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки мои и на ноги мои; это—я сам; потрогайте меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у меня». И, произнеся это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, он спросил их: «Есть ли у вас здесь какая пицца?» Они подали ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел перед ними. Потом вывел их вон из города, до Вифании, и, подняв руки свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились ему и возвратились в Иерусалим (см.: Евангелие от Луки, гл. XXIV, 50—51).

У Кирилла Туровского этот евангельский сюжет расцвечен целым рядом живописных деталей. Приступая к своему рассказу, Кирилл Туровский прежде всего применил прием типично ораторский: событие давнопрошедшее перенес в современность. У Кирилла Туровского читатель становится непосредственным свидетелем вознесения Иисуса Христа на небо: «Братия, поспешим на гору Елеонскую: Христос уже там, уже все апостолы, мученики, святые собрались, уже силы небесные готовятся встретить спасителя нашего. Поспешим же и мы, братия, туда, на гору Елеонскую...»

Далее следует самый рассказ: на небе радостное смятение; серафимы, херувимы и архангелы ждут Христа; одни спешно воздвигают ему престол, другие собирают в стаи облака, которые поднимут Христа с земли и вознесут его на небо; светила небесные тоже готовятся к встрече; высыпают все звезды, чтобы украсить собою небо, — на небе ликование. Солнце и луна ослепительным блеском заливают гору Елеонскую. Христос благо-

словляет всех присутствующих на горе. На землю спускается облако; Христос встает на него и медленно начинает подниматься, покачиваясь на крыльях ветра. Ангелы сопровождают Христа: одни поддерживают его, другие готовят ему путь — все выше и выше. Группа ангелов спешит к вратам рая — врата эти охраняются стражами; ангелы просят стражей растворить врата, ибо Христос уже приближается. Но стражи отказываются: они не откроют, пока не услышат гласа господня. Ангелы настаивают, но стражи неумолимы. Тогда раздается глас Христа: он просит открыть ворота. Узнав Христа, стражи небесные падают ниц; врата раскрываются. Христос проходит в рай, где встречает его дух святой. В конце рассказа чисто иконописный по рисунку апофеоз: на престоле восседают бог-отец и в венце из драгоценных камней бог-сын в окружении серафимов, поющих им хвалу.

Приступая к повествовательной части речи, Кирилл обычно перебрасывал мост от прошедшего к настоящему, пытался сделать слушателей непосредственными свидетелями евангельского события. Он пользовался разными способами, чтобы поддержать эту иллюзию: глаголы систематически употреблял в настоящем времени, отдельные эпизоды повествования (тирады) начинал словами «днесь», «ныне», прямо приглашал слушателей в начале рассказа стать участниками излагаемого события. В результате все смещалось: далекое становилось близким, прошлое — сегодняшним днем.

Иллюзия становилась почти явью, когда Кирилл в тех же целях дополнял евангельский рассказ описанием весеннего расцвета природы. Дважды весна у него выступает соучастницей евангельских событий. И в этом нет ничего неожиданного: праздники, в честь которых Кирилл составлял «слова», отмечались церковью как раз в весеннюю пору года. В «слове» «на неделю цветоносную» описание того, что творится тут же рядом, за стенами храма, кратко завершает собой повествование, в «слове» «на неделю Фомину» — предшествует ему. В обоих случаях картина условна: указываются лишь самые общие, постоянные признаки, и все же весна в изображении Кирилла — настоящая весна: ярко светит солнце; зеленеют деревья; благоухают цветы; разливаются реки; сооружая соты, перелетают с цветка на цветок пчелы; на лугах пасутся стада; играет на свирели пастух, а на полях уже «ралом» бороздят землю пахари.

Картина весеннего обновления природы, вставленная в евангельский сюжет, предельно «приближала» его к слушателям. Между природой и евангельскими событиями устанавливалась зримая таинственная связь; ликующая весна должна была напомнить слушателям обновление человечества во Христе.

Иносказательное значение приобретали в обработке Кирилла Туровского и другие евангельские сюжеты. В научной литературе даже высказывалось мнение, что сюжет интересовал Кирил-

ла не сам по себе, а преимущественно как материал для аллегорического иносказания. Это, однако, не так. Разного рода аллегории действительно сопровождают его пересказы евангельских событий, но занимают в них сравнительно скромное место; есть «слова», где они вообще отсутствуют (четвертое «слово», восьмое). Аллегорическое иносказание никогда не было основной целью Кирилла.

Тот или иной евангельский сюжет в пересказе Кирилла Туровского иногда приобретал характер своеобразного лирического стихотворения в прозе, когда он от описания, от косвенной речи переходил к прямой. У Кирилла Туровского действующие лица его рассказа часто беседуют между собой (диалог занимает большое место в его «диэгезе»), часто изливают свои чувства в пространных монологах. Есть у Кирилла Туровского «повести», целиком распадающиеся на монологи действующих лиц повествования. Типичным примером такого повествования, где лирическая стихия преобладает над живописной, оттесняет ее на второй план, может служить «повесть» Кирилла Туровского о погребении Иисуса Христа Иосифом из Аримафеи, вошедшая в состав четвертой по счету его речи.

Начинается эта «повесть» с рассказа о том, как тайный ученик Иисуса Христа — некто Иосиф из Аримафеи — пришел в Иерусалим в надежде повидать учителя, но пришел слишком поздно: казнь свершилась; распятый на кресте Иисус уже скончался. Иосиф поднялся на Голгофу, к месту казни. У креста никого не было; у ног распятого Иисуса сидела одна богоматерь и горько плакала. Здесь у Кирилла Туровского рассказ временно обрывается, его сменяет «плач» богоматери. «Плач» богоматери построен у Кирилла по всем правилам лирики книжной, риторической: одна риторическая фигура сменяет другую. Но сделано это талантливо, чувствуется подлинный лирический подъем. По мере чтения все более и более отчетливо выступает перед нами под пером Кирилла трогательный образ скорбящей богоматери (*Mater dolorosa*). Дальше действие развивается так: богоматерь, горько рыдая, просит Иосифа Аримафейского пойти к Понтию Пилату и испросить разрешение снять с креста тело Иисуса. Следует монолог Иосифа — речь его к Пилату. Заканчивается «повесть» рассказом о погребении Христа и о приходе к гробу жен-мироносиц.

Древний биограф Кирилла утверждает, что он написал целый ряд речей и посланий, где резко обличал князя Андрея Боголюбского. Из этих произведений Кирилла, имеющих общественно-политическое содержание, до нас дошло только одно, как это мне удалось установить в 1925 г., а именно его речь-памфлет «Притча о слепце и хромце» (или «о душе и теле»)²⁷. Памфлет этот направлен против князя Андрея Боголюбского.

²⁷ [И. П. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 323—352].

Позвольте сделать небольшой исторический экскурс, прежде чем перейти к характеристике этого произведения.

Когда в XII в. значение Киева как политического центра Русской земли стало постепенно падать, одновременно начали возникать новые политические центры, прежде всего на северо-востоке Руси, где с каждым годом все большее и большее политическое влияние приобретало княжество Владимиро-Суздальское.

В первой половине XII в. владими́ро-суздальские князья еще не играли заметной роли; когда же в 1157 г., после смерти своего отца Юрия Долгорукого, на владими́ро-суздальском столе сел его сын Андрей Боголюбский, положение изменилось: энергичный и предприимчивый, Андрей Боголюбский очень скоро стал едва ли не самым влиятельным на Руси князем, с мнением которого князьям южнорусского феодального союза — хотели они этого или не хотели — уже нельзя было не считаться.

Крепко осев у себя во Владимире, на северо-востоке Руси, Андрей Боголюбский и не думал о переезде в Киев даже тогда, когда представилась к тому полная возможность. Практика до тех пор была такова: как только освобождался «золотой» киевский стол, его занимал очередной кандидат, обычно старший в роде. Андрей Боголюбский — первый из князей своего рода — не стал добиваться Киева. Он рассчитывал стать «самовластцем» всей Русской земли, сидя у себя во Владимире. Это был смелый и исторически прогрессивный план: Киев терял свое бывшее значение, на смену ему выдвигались новые, более жизнеспособные в экономическом и политическом отношениях центры.

В какой-то степени Андрей Боголюбский добился осуществления своего плана. Добился, однако, так, как мог это сделать только типичный феодал XII в.: придравшись по какому-то мелкому поводу к киевскому князю Мстиславу Изяславичу, он объявил ему войну; пошел на него походом, прямо на Киев. К Андрею присоединились некоторые южнорусские князья, недовольные Мстиславом, — черниговские Ольговичи, смоленские Ростиславичи; присоединились и половцы, которых сам Андрей пригласил принять участие в походе.

Войска Андрея и его союзников подошли к Вышгороду — пригороду Киева — и стали его громить. Когда Вышгород был взят, началась осада Киева. Длилась она три дня. После кровопролитной битвы Киев был взят (8 марта 1169). Взяв Киев, Андрей Боголюбский через несколько дней вернулся к себе во Владимир, бросив разоренный и разграбленный город на произвол судьбы.

Этот поступок Андрея вызвал всеобщее возмущение — прежде всего в слоях трудового народа, ремесленников города и смердов.

Есть все основания думать, что Кирилл Туровский, отражая эту всеобщую «скорбь» и «печаль», именно тогда и отправил

ему те свои обличительные послания, о которых упоминает биограф Кирилла. Вероятность этого предположения косвенно подтверждает дошедший до нас памфлет Кирилла «Притча о слепце и хромце», несмотря на то, что «Притча» была написана до 1169 г., следовательно, до этого события и по другому поводу.

Памфлет этот в изложении Кирилла Туровского наиболее близок к той версии его, которая читается в Вавилонском Талмуде (беседа императора Антонина с раввином), т. е. к древне-еврейской версии.

Некий домовитый человек насадил виноградник. Он оградил его «оплотом», сделал ворота и приставил к ним двух сторожей: одного хромого, другого слепого. Поручая стеречь виноградник этим сторожам, хозяин руководствовался следующими соображениями: хромой не войдет в виноградник, слепой же если и войдет, то заблудится, упадет в яму и разобьется; вместе они вполне могут устеречь виноградник: хромой увидит вора, слепой почует его. Сторожа, однако, перехитрили своего господина: слепой посадил на себя хромого, который указывал первую дорогу; они пробрались в виноградник и ограбили своего господина, за что и поплатились жестоко.

«Притча о слепце и хромце» снабжена толкованиями; анализ этих толкований убедил меня в том, что эта «Притча» занимает несколько особое место в ряду произведений Кирилла Туровского.

Это единственное из дошедших до нас произведений Кирилла, написанных им на «злобу дня», обличительный памфлет, направленный против его современников — Феодора, епископа Ростовского, и князя Андрея Боголюбского. Толкуя «Притчу», Кирилл Туровский недвусмысленно дал понять, что хромец и слепец — Андрей Боголюбский и епископ Феодор; на Феодора в тексте «Притчи» имеются прямые намеки. Выступить с обличительным памфлетом против того и другого побудило Кирилла Туровского следующее событие, взволновавшее многих: в начале 60-х годов XII в. князь Андрей Боголюбский, который уже давно тяготился зависимостью своего княжества в церковном отношении от Киева, стал добиваться юридической независимости своего епископа от киевского митрополита; он отправил посольство к константинопольскому патриарху с просьбой посвятить в епископы своей столицы — города Владимира — некоего Феодора. Когда патриарх спросил Феодора, почему он вопреки обычаю решил принять посвящение в Константинополе, а не в Киеве, Феодор его обманул: сказал, что в Киеве в данный момент митрополита нет, он скончался. Вернувшись домой, Феодор — теперь уже в сане епископа — с согласия князя Андрея объявил себя автокефальным, т. е. юридически независимым от киевского митрополита. Этот его и князя Андрея поступок, это «самозванство» Феодора вызвали ожесточенную борьбу его с киевской митрополией и общественным мнением: «сепаратист-

ская» политика князя Андрея была осуждена, а Феодор объявлен «захватчиком» святительского престола и отлучен киевским митрополитом от церкви.

В борьбу эту вмешался и не мог не вмешаться Кирилл Туровский, епископ южнорусского Туровского княжества. «Притча о слепце и хромце» дала Кириллу благодарный материал для язвительного памфлета, направленного против героев этой нашумевшей истории. Кирилл Туровский сурово осудил попытку Андрея Боголюбского отмежеваться от Русской земли, от Киева.

Сюжет другой притчи Кирилла Туровского — «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» — таков: в некоем городе жил кроткий и милостивый царь, который имел один недостаток: полагая, что никто не пойдет на него войной, он не заботился об охране города и не держал «ратного оружия». Среди приближенных царя был мудрый и благоразумный советник, который очень горевал об этом недостатке царя и ждал случая, чтобы напомнить царю о необходимости готовиться «на рать». Такой случай скоро представился. Однажды в городе вспыхнул мятеж, царь перепугался, вышел к народу со своими советниками, но не мог узнать причину волнения. Тогда благоразумный советник царя повел его с дочерью к большой горе, в которой была пещера, где лежало оружие. Пригнувшись к окну пещеры, царь увидел внутри пещеры человека, одетого в рубище, а рядом с ним женщину, которая пела песню. Перед ними стоял на камне высокий и красивый юноша, который подносил одетому в рубище чашу с вином «и похвалами венчал». Царь был поражен этим зрелищем. Он не мог понять, почему этот одетый в рубище человек живет в веселье и окружен такой славой.

«Повесть» снабжена у Кирилла Туровского такими толкованиями: город — тело человеческое, люди — пять чувств человека, царь — ум, мудрый советник — житейские помыслы, мятеж в городе — нечаянная напасть на человека, гора — монастырь, оружие — иноческие добродетели, человек, одетый в рубище, — инок, женщина, поющая песню, — неотлучная смертная память, юноша — Христос.

Откуда Кирилл Туровский заимствовал этот сюжет, пока не установлено; по мнению акад. М. И. Сухомлинова — из популярного греческого романа об индийском царевиче Иосафе; по мнению Ивана Франко — из устного пересказа с древнееврейского.

Последнее произведение этого жанра — «Сказание об иноческом образе» — типичная средневековая «аллегореза», раскрывающая символическое значение иноческой одежды.²⁸

²⁸ [Издание «слов» Кирилла Туровского: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 342—367; т. XII, 1956, стр. 340—361; т. XIII, 1957, стр. 409—426; т. XV, 1958, стр. 331—348. [См. также: И. П. Еремин: 1) Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 323—352; 2) Ораторское искусство Кирилла Туровского. — В его кн.: Литература древней Руси, стр. 132—143].

«Слово о князьях»

«Слово о князьях» в рукописи иногда называется и так: «Слово похвальное на пренесение мощей святых стростотерпец Бориса и Глеба». Это памятник второй половины XII в.; есть мнение, что написано оно было в 1175 г. по поводу конфликта между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и князем новгород-северским Олегом Святославичем, старшим братом Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве». Автор «Слова о князьях» неизвестен.

«Слово» приурочено ко 2 мая, дню церковной памяти князей Бориса и Глеба; по форме своей представляет собой типичную торжественную речь в честь и похвалу святых, память которых чтит церковь; значительно интереснее оно по содержанию: «похвала» Борису и Глебу под пером автора перерастает в страстный обличительный выпад, инвективу против современных ему князей.

Воздав должное Борису и Глебу, автор обращается к современным ему князьям — Святославу Всеволодовичу и Олегу Святославичу — с призывом бросить распрю, не накликать половцев на Русь в своих корыстных расчетах, подумать не только о себе, но и о благе всей Русской земли.

«Опомнитесь, князья, вы, которые старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братию свою призываете! — пишет автор „Слова“, обращаясь к князьям. — Опомнитесь, пока не обличил вас бог на страшном своем суде! Вспомните святых Бориса и Глеба: они брату своему старшему пожертвовали не только власть свою, но и жизнь. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию».

Сходные мысли высказывает автор и несколькими строками ниже: «Познайте, князья, свое величество и честь. Князя-деда имеете святого Владимира, который к богу привел тысячи тысяч и тьмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете — великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подражайте, их примеру поревнуйте! Когда сатана посеет вражду между вами, вспомните этих святых, — как предпочли они лучше смерть принять, чем удержать в себе вражду против брата. Кто из вас стерпит и мира будет искать, тот равную с ними мзду от бога примет».

Желая указать современным ему князьям на пример, достойный подражания, автор «Слова», переходя от вступления к части повествовательной, рассказывает следующую притчу о покойном князе черниговском Давиде Святославиче (умер в 1123 г.).

Князь этот ни с кем не имел вражды. Если кому-либо целовал крест, никогда не нарушал клятвы. Никого не обидел, ни-

кому не сотворил зла. В великой тишине княжил он в Чернигове. За это и прославил его бог. Когда приблизилось время кончины князя, епископ Феокист, видя, что князь уже при смерти, повелел петь «канон» на исход его души. Вдруг верх терема, в котором лежал князь, «расседся», и все ужаснулись: в терем влетел белый голубь, сел князю на грудь и клювом коснулся его уст. Князь испустил душу, голубь стал невидим, а терем наполнился благоуханием. И понесли тело князя в соборную церковь, «в Спас святой». Под вечер над церковью появилась звезда и стала над крестом. Когда тело князя отсюда перенесли в построенную им церковь Бориса и Глеба, звезда переменяла свое положение: передвинулась к церкви Бориса и Глеба. Приблизилось время захода солнца, а гроб еще не был готов. Епископ сказал: «Се уж солнце заходить, завтра похороним ѱ». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходить, но во единомъ месте стоять». Епископ удивился и восхвалял бога. Когда приготовили гроб и положили в него князя, солнце зашло, и наступила ночь.

Показав на примере князя Давида Святославича, что можно «заповедь господню исправить» и в миру, «с женою и с чады спастись», автор еще раз напоминает современным ему князьям: «Постыдитесь, враждующие между собою, вострепещите, восплачьте перед богом; не забывает бог злопамятства».

Заканчивается «Слово» новым упоминанием о Борисе и Глебе и повторным призывом всегда и во всем подражать этим «страстотерпцам», дабы не «отпасть» от общей с ними славы.

Обращает на себя внимание своеобразная переключка этого «Слова» по содержанию со «Словом о полку Игореве»: та же обличительная критика княжеских междоусобий, тот же призыв к объединению для защиты Русской земли от половецких нашествий. Разница только в том, что в «Слове о полку Игореве» те же мысли выражены с неизмеримо большей страстью, силой и художественной выразительностью.²⁹

«Слово о Лазаревом воскресении»

Одно из наиболее замечательных созданий русской литературы XII в. — «Слово о Лазаревом воскресении» — было впервые опубликовано в 1862 г.,³⁰ но до сих пор не стало предметом специального изучения. Ему посвящена только работа извест-

²⁹ Издание «Слова о князьях»: Слово похвальное на перенесение мощей святых Бориса и Глеба. Незданный памятник литературы XII века. Сообщение Х. Лопарева. — ПДП, т. ХСVIII. СПб., 1894. [Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 235—239 (пер. И. П. Еремина)].

³⁰ Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. М., 1862, стр. 11—12; см. также: И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — СОРЯС, т. LII, № 4, 1890, стр. 36—49, 228—231.

ного украинского поэта, прозаика и ученого Ивана Франко.³¹

«Слово» — это церковная эпидиктическая проповедь, приуроченная к шестой субботе великого поста, так называемой «лазаревой». В основу «Слова» лег известный евангельский рассказ о воскресении Христом Лазаря (Евангелие от Иоанна, гл. XI); рассказ этот, как известно, приобрел широчайшую популярность и в литературе, и в искусстве; сюжет его не раз перерабатывался художниками, поэтами, драматургами и у нас, и на Западе.

Начинается «Слово» небольшим вступлением: автор приглашает и небо, и землю прислушаться к словам господя; господь объявляет свое решение избавить людей «от лести сотиныны», послать сына своего на землю.

За вступлением следует обширная «повесть» о Лазаре. Место действия «повести» — ад. В аду в ожидании избавления томятся ветхозаветные праведники. Царь Давид берет гусли и, перебирая пальцами струны («накладая очитыя персты на живыя струны»),³² объявляет всем радостную весть: на земле родился Христос. «Воспоем песнь веселия, дружина, а плач отложим и утешимся! Настало светлое время, пришел день спасения. Уже слышу: пастухи играют на свирели; глас ее уже достиг врат ада, уже проник в уши мои. Уже слышу топот коней персидских: уже несут волхвы дары свои от царей своих небесному царю, ныне родившемуся на земле. Его ждали мы, дружина, много дней, того, кому небо — престол, а земля — подножие; того, кому мать-дева, повивая в пелены повивающего небо облаками и землю мглою, ласково говорила: „О царь небесный и великий, почему захотел ты к нам, нищим, на землю сойти? Этой ли пещеры возжелал или яслей этих, в них же ныне лежишь! А Ирод-царь, от безумия шатаясь, уже острит на тебя меч, уже убить тебя хочет”». Выслушав это извещение Давида, праотец Адам обращается ко всем «сущим во аде» с таким предложением: «Придите, пророки и все праведные, пошлем весть о себе владыке на землю, спросим его со слезами, хочет ли он и нас избавить от муки этой». Пророки Исайя и Иеремия спрашивают Давида: «А кто же передаст эту просьбу нашу? Кто может выйти отсюда?» Давид успокаивает их: «завтра» Лазарь — он уже четыре дня лежит во гробе, но по слову Христа воскреснет и вернется на землю; он и передаст ему просьбу. Услышав это, Адам первоначальный стал бить себя руками по лицу и, «тяжко стояя», обратился к Лазарю с просьбой напомнить Христу о том, что он и «дружина» его уже давно мучаются в аду и ждут избавле-

³¹ И. Франко. «Слово о Лазареве воскресении». Староруська поема на апокрифічні теми. — Записки Наукового товариства ім. Шевченка, тт. XXXV—XXXVI, кн. III—IV. Львів, 1900, стр. 1—56.

³² Ср. «Слово о полку Игореве»: Боян... «своя вѣща прѣсты на живая струны въскладаше».

ний: «Поведай обо мне владыке, светлый друг Христов Лазарь! Скажи ему: вот зовет тебя, господи, первозданный твой Адам! Того ли ради ты меня создал, чтобы здесь я многие годы мучился! Того ли ради людьми наполнил землю, чтобы возлюбленные твои внуки здесь в аду, во тьме, сидели, мучимые сатанюю, тешили сердце свое скорбью и печалью („тугою“), слезами умывали лицо свое!.. Еще вчера был я царь надо всем на земле, а ныне — раб здесь в аду, пленник („полоняник“) у бегов. Еще вчера видел я свет твой, ныне уже многие годы не вижу солнца твоего пресветлого, ни бури, ветрами вздымаемой, не слышу...» Адам далее горько упрекает Христа за то, что он осудил ни в чем неповинных: он напоминает Христу об Аврааме, Ное, Моисее, Давиде, которые в свое время немало послужили богу, и спрашивает Христа, за что он осудил их так сурово — сидеть «во тьме адове» и мучиться. Лазарь выполняет поручение Адама. Заканчивается «Слово» описанием торжественного сожжения Христа в ад с множеством небесных воинов и освобождения пленников.

Кем было написано «Слово» — неизвестно; неизвестно, когда оно было написано; дошло оно до нас в рукописных копиях не ранее XV в.;³³ к памятникам Киевской Руси его относят по языку и по стилистическим признакам — по сходству с речами Кирилла Туровского и «Словом о полку Игореве», поэтическую фразеологию которого оно напоминает. Вопрос об источниках «Слова» еще ждет своего исследователя: установить их до сих пор не удалось; не исключена возможность, что «Слово» соткано из целого ряда апокрифических мотивов, комбинация которых является оригинальной и принадлежит автору.

Ближайшая задача нашей науки — прежде всего подготовить к печати текст этого замечательного памятника, подготовить его научное критическое издание. Задача эта нелегкая: дело в том, что дошедшие до нас списки «Слова» разноречивы, почти все не совпадают между собой; текст «Слова», очевидно, пережил длительную и сложную историю.³⁴

«Слово о князьях», «Слово о Лазаревом воскресении», первое по содержанию, второе по форме, вплотную подводят нас к величайшему памятнику всей древнерусской литературы — «Слову о полку Игореве».

³³ Кроме печатных текстов «Слова», мне известны списки в собрании Центрального государственного исторического архива СССР, ф. 834, оп. 2, д. 1857, лл. 143 об. — 147 (сборник XIV—XV вв.); в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ф. 310 (собр. Ундольского), № 575, лл. 91 об. — 94 (сборник начала XVI в.); в Библиотеке Академии наук СССР, 32.2.22, л. 151 об. (сборник XVIII в.).

³⁴ [См. об этом «Слове» и об ораторской прозе XI—XII вв.: И. П. Еремин. Учительная литература. — В кн.: История русской литературы, т. I, стр. 347—364].

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» было открыто в начале 90-х годов XVIII в. при следующих обстоятельствах. В 1791 г. царским правительством был издан указ, по которому святейшему Синоду разрешалось собрать и изъять из монастырских архивов и библиотек старинные рукописи, представляющие интерес для русской истории. В августе 1792 г. в Синод из Ярославля поступило небольшое собрание рукописей.

Все рукояиси, поступающие в Синод, обычно просматривал сам начальник Синода, обер-прокурор граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, историк и археолог, знаток старинной рукописной книги. Среди рукописей ярославского собрания оказался под № 323 сборник, в состав которого входили следующие произведения: «Книга, глаголемая Хронограф», «Сказание об Индии богатой», «Сказание о премудром Акире», «Слово о полку Игореве», византийский роман «Девгениево деяние».

Так было обнаружено «Слово о полку Игореве». А. И. Мусин-Пушкин заинтересовался находкой, забрал рукопись к себе, принялся изучать текст «Слова». Затем увез рукопись в Москву, куда вскоре и сам переехал. «Словом о полку Игореве» заинтересовались также друзья А. И. Мусина-Пушкина — директор Московского архива Коллегии иностранных дел историк Н. Н. Бантыш-Каменский и помощник последнего А. Ф. Малиновский. По совету Малиновского и Бантыш-Каменского Мусин-Пушкин решил опубликовать текст «Слова». Прошло, однако, немало времени, прежде чем текст «Слова» был подготовлен к печати. Над подготовкой к изданию в особенности много потрудился А. Ф. Малиновский, главный редактор издания, имевший опыт в чтении старинных рукописей. Мусин-Пушкин долго не решался издавать «Слово о полку Игореве», хотя и много работал над ним, — боялся ошибок. А между тем о «Слове» узнали и у нас, и за рубежом. В октябрьской книжке за 1797 г. гамбургского журнала «Spectateur du Nord» Н. М. Карамзин напечатал заметку на французском языке; сообщая об открытии «Слова», он назвал его «отрывком поэмы» неизвестного автора XII в.: «Вас удивит, быть может, что два года тому назад в наших архивах открыли отрывок поэмы, сочиненный неизвестным автором XII столетия, под названием „Песнь Игоревых воинов“, — который может сравниться с самыми прекрасными местами поэм Оссиана. Слог, исполненный энергии, чувства величайшего героизма, поражающие образы, почерпнутые из ужасов природы, составляют достоинство этого отрывка...» «Песни Оссиана», древнего шотландского певца-барда, о которых упоминает Карамзин, появились в свет в 1762 г. и пользовались исключительной популярностью, были переведены они и на русский язык. В конце XVIII в. в западноевропейской литературе уже намечался литературный перелом: классицизм уступал свои

позиции сентиментализму и преромантизму. «Песни Оссиана» и были восприняты как литературный манифест преромантизма. Тогда еще никто не знал, что они подделка Дж. Макферсона, талантливая литературная мистификация мнимого переводчика этих поэм, сочинившего их в стиле древних шотландских сказаний. Интересно, что Карамзин воспринял «Слово» через призму «Песен Оссиана» и характерных черт «Оссиановой» поэтики («чувства величайшего героизма, поражающие образы, почерпнутые из ужасов природы...»).

Подготавливая к печати текст первого издания «Слова о полку Игореве», издатели хорошо понимали, какой резонанс вызовет в широких кругах «любителей российской словесности» появление этой неизвестной ранее древнерусской «поэмы» XII в. Издатели потратили немало труда, сличая подготавливаемый к печати текст с рукописью, выясняя «темный» для них во многих случаях смысл тех или иных слов и словосочетаний, наводя разного рода исторические и археологические справки; учитывая, что оригинальный текст будет не всем понятен и нуждается в переводе на современный русский язык, они добивались его максимальной точности.

Наконец, в 1800 г. «Слово о полку Игореве» увидело свет: издание вышло в Москве отдельной книгой под названием «Историческая песнь о походе на половцов удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». Изданию было предпослано предисловие, содержащее краткую характеристику эпохи и обстоятельства похода князя Игоря. В конце предисловия издатели сообщали о трудностях толкования отдельных выражений памятника, о том, что некоторые места остались «невразумительными», и просили «всех благонамеренных читателей» сообщить «свои примечания для объяснения сего древнего отрывка российской словесности». Древнерусский текст был напечатан параллельно с русским переводом и сопровождался обстоятельными примечаниями — историческими, географическими и лингвистическими комментариями. Заканчивалось издание памятника генеалогической таблицей русских князей, упоминаемых в «Слове».

Книга имела успех, на который издатели не без оснований и рассчитывали. Издание «Слова» было большим событием в литературной и культурной жизни русского общества начала XIX в. С 1800 г. начинается интенсивное изучение и «освоение» памятника, появляются новые переводы древнерусского текста. Но сама рукопись «Слова» вскоре трагически погибла во время московского пожара 1812 г. вместе со всем собранием рукописей А. И. Мусина-Пушкина, его библиотекой и музейными коллекциями. Второго списка «Слова о полку Игореве» до сих пор обнаружить не удалось и, вероятно, не удастся. Поэтому в основе наших сведений о тексте «Слова» лежит первое издание,

сохранившееся в очень небольшом количестве экземпляров. Позже прибавился еще кое-какой материал. После 1795 г. Мусин-Пушкин сделал копию «Слова» для императрицы Екатерины II; копия списка долго лежала в бумагах Екатерины, в архиве. Только в 1864 г. акад. П. П. Пекарский нашел и опубликовал этот текст.³⁵ Оказалось, что между первым изданием «Слова» и копией, хранившейся в архиве Екатерины II, есть существенные разночтения. Иногда екатерининская копия помогает исправить ошибки первого издания. Был разобран также архив А. Ф. Малиновского, но там найдены только редакторские записки. Однако и эти записки отчасти помогают в изучении текста «Слова».

Когда рукопись, содержащая «Слово о полку Игореве», сгорела, возник особый интерес к ней; Мусин-Пушкин и Малиновский оставили ряд воспоминаний о рукописи, о тексте ее. В 1813 г. Мусин-Пушкин сообщал К. Ф. Калайдовичу в ответ на его запрос о рукописи «Слова»: «...во время службы моей в Санкт-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оной песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была написана, но разобрав ее было весьма трудно, потому что не было правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решался, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки... По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века».³⁶ Уверенно относил к концу XIV в. рукопись и А. Ф. Малиновский.

Однако уже тогда эта датировка вызывала у некоторых ученых сомнения. Эти сомнения подтвердились, когда весь сохранившийся до нас материал был подвергнут детальному изучению. В настоящее время палеографы убеждены в том, что рукопись по времени своего создания относится к XVI в., к первой его половине. Мнения расходятся только по вопросу о том, где примерно была она написана. Одни утверждают, что в Пскове (Н. М. Каринский),³⁷ другие — что в Новгороде (С. П. Обнорский).³⁸

³⁵ П. П. Пекарский. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864.

³⁶ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, отд. II, Труды, стр. 36, 35.

³⁷ Н. М. Каринский. Мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве», как памятник псковской письменности XV—XVI вв. — ЖМНП, ч. LXVI, 1916, декабрь, стр. 199—214.

³⁸ С. П. Обнорский. Очерки по истории литературного языка старшего периода. М.—Л., Изд. АН СССР, 1946, стр. 194.

После гибели рукописи «Слова» стали раздаваться голоса скептиков, подвергших сомнению открытие Мусина-Пушкина, утверждавших даже, что это мистификация. Говорили, что «Слово» создано в конце XVIII в. в подражание Оссиану; автором его, быть может, был даже сам А. И. Мусин-Пушкин; П. М. Строев и митрополит Евгений (Болховитинов) полагали, что памятник возник не ранее XVI в.³⁹ А. С. Пушкин считал памятник подлинным.⁴⁰

В 1818 г. К. Ф. Калайдович сделал замечательное открытие: в собрании псковских рукописей он обнаружил пергаменный Апостол, на последней странице которого была запись: «Сего же лета (6815 г., т. е. 1307 г. по нашему летосчислению. — И. Е.) бысть бой на Руськой земли, Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князех сеяшется и роставше усобицами, гныяше жизнь наша, в князех кóторы и вечи скоротисаша человеком».⁴¹

Запись оказалась переделанной цитатой из «Слова о полку Игореве». Ср. «Слово»: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и роставше усобицами, погибашеть жизнь Дажьдбожа внука, в княжих крамолах вечи человекомь скратишась» («Тогда при Олеге Гориславиче заседалась и росла усобицами, погибала отчина Дажьдбожьего внука, в крамолах княжих век человекый сокращался»).

Эта приписка к псковскому Апостолу 1307 г. снимала всякое сомнение в подлинности «Слова». «Слово» — подлинник, так как оно цитировалось уже в 1307 г.

В 1938 г. французский ученый Андре Мазон напечатал серию статей о «Слове о полку Игореве», которые он выпустил в 1940 г. в Париже отдельной книгой.⁴² Мазон оповестил о том, что «Слово» — явная подделка, принадлежащая Н. Н. Бантыш-Каменскому: оно написано в подражание «Задонщине». Но Мазон ни словом не обмолвился о записи Апостола. Критика показала необоснованность теории Мазона.⁴³

³⁹ П. М. Строев. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815; Евгений, митрополит. Игорев песнопевец. — «Сын отечества», 1821, т. LXXI, № 27, стр. 34—37.

⁴⁰ А. С. Пушкин. Замечания на «Песнь о полку Игореве». — Полн. собр. соч. в 6 томах, т. V. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 390—395.

⁴¹ [К. Ф. Калайдович. Биографические сведения... — Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, отд. II, Труды, стр. 36].

⁴² A. Mazon. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.

⁴³ [См.: Н. К. Гудзий. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. — Уч. зап. МГУ, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, кн. 1. М., 1946, стр. 153—187; В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина». — «Радьянське літературознавство». Київ, 1947, № 7-8, стр. 135—186; см. также статьи Д. С. Лихачева, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц, Н. М. Дылевского и др. в сб.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962; см. также сб. статей: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., «Наука», 1966].

Научное изучение «Слова о полку Игореве» началось в первые годы XIX в., оно не закончилось и сейчас. Вся история изучения «Слова» в миниатюре воспроизводит историю нашей науки. Один библиографический список литературы о «Слове» составляет большую книгу.

При изучении «Слова о полку Игореве» выдвигается ряд проблем, и важнейшая из них — проблема текста «Слова». Дошедший до нас текст, так же как и древние иконы, требует реставрации. Наука и поставила перед собой задачу реставрации текста «Слова» и прежде всего прочтения его «темных» мест, т. е. мест или вообще непонятных, или требующих дополнительного толкования.

Реставрация текста «Слова» началась с анализа текста первого издания. Оказалось, что первые издатели допустили ряд ошибок. Ошибки, вероятно, были и в рукописи. Таким образом, к ошибкам рукописи прибавились еще ошибки издателей. Сначала реставрация велась с помощью палеографии, причем палеографию для этого надо было знать в таком же совершенстве, как и древнерусский язык. Затем пришлось восстанавливать текст «Слова» методом конъектуральной критики его, т. е. путем поправок, сделанных по научно обоснованным догадкам. Это самый сложный метод текстологии: применяется он лишь тогда, когда текст дошел до нас всего в одном списке. Метод требует от ученого основательнейшей филологической подготовки.

Приведу некоторые примеры неверных чтений и «темных мест» в первом издании «Слова».

1. В первом издании читаем: «... а мои ти куряни свѣдоми къ мети...» (так говорит «буй-тур» Всеволод, обращаясь к Игорю перед выступлением в поход); это место понимали так: «Мои курчане в цель стрелять знаючи...» Оказывается, первые издатели неверно разделили слова в строке; уже Карамзин указал на их ошибку: следует читать слитно «къмети», что значит «воины, дружинники», а не раздельно: «къ мети» — «в цель». Правильное чтение этого места такое: «...а мои ти куряни свѣдоми къмети» («а мои куряне — опытные воины...»).

2. В первом издании читаем: «...свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа...» (описание дурных предзнаменований природы, предвещающих несчастье Игорю и неудачу его «полка»); переводили это место так: «...ревут звери стадами, кричит филин на вершине дерева...» Непонятное слово «въ стазби» первые издатели пытались осмыслить и дали свой произвольный перевод «стадами» (древнерусский язык этого слова не знает).

Многие ученые предлагали свои конъектуры, свои чтения этого «темного» места. Карамзин понимал это слово как «стезя» и переводил «по дорогам», другие думали, что «стазба» — «пастбище», Д. Н. Дубенский дал перевод «по степям» и т. д. Наибольшего доверия заслуживает конъектура акад. В. Н. Пе-

ретца. В его прочтении в текст «Слова» надо внести лишь два очень простых исправления: 1) иначе разделить слова в строке («въста зби»); 2) предположить, что слово «зби» утратило в результате переписки надстрочную букву «с» (надстрочное «с» изображалось маленькой точкой под дужкой — титлом), а первоначально в рукописи было «збися». Текст в исправлении В. Н. Перетца принял следующий вид: «...свисть звѣрнѣ въста; збися дивѣ, кличетъ врѣху древа...»⁴⁴ Предельно ясным стал смысл его: поднялся рев зверей («въста» — прошедшее время от глагола «вѣстати» — «начаться»), встрепенулся див («збися» — прошедшее время от глагола «збитися» — «встрепенуться»), кличет на вершине дерева. Это конъектура принята большинством ученых.

Некоторые конъектуры «Слова» менее бесспорны. Так, относительно слова «папорзи» мнения исследователей разделились. В первом издании «Слова о полку Игореве» читаем обращение автора к воинственным волынским князьям: «А ты буй Романе и Мстиславе... Суть бо у ваю железны папорзи под шеломи латинскими» («А ты, славный Роман, и ты, Мстислав!.. У вас железные папорзи под шлемами латинскими...»). Что значит «папорзи»? Первые издатели перевели словом «латы», но словарям древнерусского языка это слово незнакомо. По поводу понимания этого слова развернулась целая дискуссия. Было предложено много поправок, но считаться можно только с тремя. Акад. А. С. Орлов считал, что здесь в тексте ошибка (первых издателей или писцов рукописи), первоначальная форма слова была «паропци» (или «паробци»), что означало в XI—XIII вв. «младший член дружины» (=отроци, кмети) или «слуга князя»,⁴⁵ и переводил: «Ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими».⁴⁶ Мое сомнение в этой конъектуре вызывает сочетание «железные паропци». В древнерусских текстах не встречается такой эпитет применительно к воину.

В 1958 г. было предложено новое чтение: Ю. М. Лотман предлагает конъектуру «паворозы», что значит «ремешок, прикрепляющий шлем к подбородку».⁴⁷ Палеографически эта конъектура проста и приемлема (буквы «в» и «п» имели сходное начертание в полууставе), с точки зрения поэтического смысла — мало вероятна (автор «Слова» воспевае доблесть волынских князей и говорит о застежках у шлемов их воинов!..).

Я принимаю поправку акад. Перетца, указавшего на существование в памятниках, в частности в «Хронике Георгия Амартола», слово «поперсыци», что по-гречески означает «кольчуга,

⁴⁴ В. Н. Перетц. «Слово о полку Игоревѣ». Киев, 1926, стр. 172—173.

⁴⁵ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.—Л., Изд. АН СССР, 1946, стр. 126—127.

⁴⁶ Там же, стр. 84.

⁴⁷ Ю. М. Лотман. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 37—40.

панцырь».⁴⁸ Если вспомнить, что кольчуга одевалась и под шлем, то следует признать закономерность этого словоупотребления. Говоря «железные поперсьци», автор «Слова» имел в виду не только материал, здесь это и поэтический эпитет, характеризующий силу воинов-волынян.

В дошедшем до нас тексте «Слова» есть и перестановка отдельных фрагментов авторского текста памятника.

Одна из этих перестановок, а именно в начале «Слова», где говорится об Игоре и о затмении, может теперь рассматриваться, с моей точки зрения, как прочно установленный научный факт: писец мусин-пушкинского сборника или его предшественник несомненно держал в руках рукопись, в которой были перепутаны листы, и отрывок: «Тогда Игорь възре на светлое солнце. . .» — необходимо, конечно, несколько передвинуть, чтобы восстановить первоначальный порядок, читать его надо после слов: «. . .сами скачють, акы серьи вльци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Перестановка эта обосновывается не только содержанием «Слова» в его начальной части, анализом его композиционного строения, но и непосредственно текстом. Я имею в виду первую строку обращения автора к Бояну: «О, Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плькы ущекотал. . .» Фраза: «Абы ты сиа плькы. . .» (какие «pliedы»?) становится понятной и закономерной, если читать ее после слов «. . .наплъннвся ратнаго духа. . . наведе своя храбрыя плькы на землю Половецкую за землю Русскую».

Несмотря на интенсивное изучение текста «Слова» и обилие все новых и новых чтений, в исследованиях последнего времени четко намечился поворот «назад», к тексту первого издания «Слова». Поворот этот можно только приветствовать. Это здоровая и плодотворная тенденция. «Ближе к тексту первого издания!» — вот лозунг, которым должны, как мне кажется, руководствоваться и издатели «Слова», и его переводчики. «Возможно меньше отступлений от этого текста!» Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы понять этот текст в том виде, в каком он лежит перед нами. К нему надо подходить бережно, исправляя только те чтения, которые действительно нуждаются в конъектурной поправке.

Следует положить конец конъектурным поправкам там, где это не вызывается необходимостью, т. е. где текст первого издания понятен и сам по себе, без какого-либо вмешательства с нашей стороны.

Обилие поправок, часто ненужных, недостаточно обоснованных, — серьезная угроза «Слову о полку Игореве». Мы должны выработать и у издателей «Слова», и у переводчиков максимально бережное отношение к его тексту.

⁴⁸ В. Н. Петц. «Слово о полку Игоревим», стр. 280.

Есть в «Слове о полку Игореве» и такие места, которые не поддаются прочтению. До сих пор они остаются «темными» местами «Слова».

1. «...У Плѣсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлоу къ синему морю» (в эпизоде сна князя Святослава).

2. «...И схоти ю на кровать, и рекъ...» (при описании смерти Изяслава Васильковича).

3. «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти...» (в заключении памятника).

Эти фразы не поддаются исправлению; ни одно из предложенных чтений не может считаться удовлетворительным. Поэтому и не следует переводить такие места «Слова»; в знак того, что места эти реставрации не поддаются, я бы здесь поставил многоточие, приведя это испорченное место в подстрочном примечании по первому изданию.

Подведем итоги качеству дошедшего до нас текста «Слова о полку Игореве». Прошло свыше 160 лет со дня выхода в свет первого издания «Слова». Текст «Слова» по первому изданию нуждается примерно в шестидесяти поправках, двух перестановках. Три места безнадежно испорчены, два места поддаются только приблизительному осмыслению.

Параллельно с реставрацией текста «Слова» велась работа и по его комментированию — комментированию географических названий, имен исторических деятелей, названий народов, некоторых предметов древнего княжеско-дружинного обихода и пр. и, наконец, устаревших слов и словосочетаний, смысл которых теперь для нас не вполне ясен.

Комментирование шло в двух направлениях: реального комментирования («реалии») и истолкования отдельных слов и словосочетаний. Первая задача легче и теперь в основном более или менее удовлетворительно решена. Совместными усилиями историков, археологов, искусствоведов, этнографов и других ученых имена, географические названия, слова, обозначающие некоторые предметы княжеско-дружинного обихода древней Руси XII в., расшифрованы. Но этого нельзя сказать о второй задаче. Почему? Наука зашла в тупик в изучении лексики «Слова»: все комментаторы опираются на один и тот же источник — словарь древнерусского языка И. И. Срезневского.⁴⁹ Данные Срезневского уже давно исчерпаны, а новых словарей древнерусского языка нет. В настоящее время на основании картотеки древнерусского словаря, существующей в Институте русского языка АН СССР, составляется словарь «Слова о полку

⁴⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. 1—3. СПб., 1893—1912.

Игоре́ве», его выхода в свет с нетерпением ждут все специалисты по древней русской литературе.⁵⁰

Изучение лексики «Слова» открывает блестящие перспективы для толкования его текста, позволяет по-новому прочесть места, давно кажущиеся ясными.

Так, в плаче Ярославны мы встречаемся с двумя словами — «зегзица» и «бобрян», известными и по другим памятникам древнерусской письменности. «Зегзица» переводится словом «кукушка», «бобрян» — «бобровый». Контекст, где они употребляются, следующий: «На Дунаи Ярославнынь гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бобрянъ рукавъ въ Каялъ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Обычно этот отрывок переводят так: «На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкою безвестною рано кукует: „Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на могучем теле”».

Или «...Полечу, — сказала, — кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на крепком его теле».

Но возможен иной перевод, более близкий к оригиналу. Вызывает сомнение перевод слова «зегзица» — кукушка. Зоолог Н. В. Шарлемань напомнил, что кукушка не летает вдоль рек, и указал, что на Десне, между Коропом и Новгород-Северским, встречаются слова «гігічка», «зігічка», «зігічка», обозначающие чайку, а не кукушку.⁵¹ Слово «бобрян» — прилагательное от «бобръ», «бобр», а это слово, оказывается, имело в древнерусском языке не одно, а два значения: 1) известное пушное животное и 2) белая шелковая ткань.⁵² В свете этих данных есть основание «бобрян рукав» перевести как «белый рукав» (сшитый из белой шелковой ткани) и в целом перевод этого отрывка следующий: «На Дунае Ярославны голос слышится, чайкою неведомой утром рано стонет: „Полечу я чайкою по Дунаю, омочу рукав я белый во Каяле-реке, утру князю кровавые раны на могучем его теле”».

Другой пример иного понимания текста «Слова» в результате нового комментария: «Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли съяше...» Испуганный громом и «звоном» военных приготовлений Олега Святославича, князь Владимир Мономах (он княжил тогда в Чернигове) «по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ».

⁵⁰ [В настоящее время вышли первые выпуски этого словаря: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1 (А—Г): Сост. В. Л. Виноградова. М.—Л., «Наука», 1965; вып. 2. (Д—Копье). Л., «Наука», 1967].

⁵¹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 115.

⁵² Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Уч. зап. ЛГУ, № 198, серия филолог. наук, вып. 24, 1956, стр. 5—6.

Первые издатели перевели так: «Владимир затыкал себе уши всякое утро в Чернигове». Так же переводит и А. С. Орлов: «Владимир каждое утро уши себе затыкал в Чернигове».⁵³

В 1959 г. Д. Д. Мальсагов в статье «О некоторых непонятных местах в „Слове о полку Игореве”» установил, что слово «уши» в древнерусском языке имело два значения: общее — «уши» и частное, специальное — «запоры» (запоры городских ворот). Перевод Д. Д. Мальсагова: «Владимир каждое утро закладывал (запирал) ворота (городские)», т. е. не только ночью, но даже днем, опасаясь нападения, держал городские ворота на запоре.⁵⁴ Этот комментарий меняет наши представления об отношении автора «Слова» к Владимиру Мономаху.

Перейдем теперь к самому «Слову», к анализу его содержания и художественной формы.

«Слово о полку Игореве» было написано в конце XII в., накануне татаро-монгольского нашествия, накануне окончательного распада Киевской Руси, когда война была не исключением, а правилом, когда Русская земля напоминала большой военный лагерь: всюду горели сторожевые огни, люди не снимали оружия, даже ложась спать; когда со дня на день можно было ждать нашествия — оттуда, со стороны «дикого поля», где зловеще чернела степь, где уже давно бродили степные кочевники-половцы, готовые в любой момент напасть на Русскую землю, принести с собой смерть, разорение, пепел пожарищ, позорный полон.

На территории Руси половцы (или куманы) — кочевники тюрского происхождения — впервые появились еще в 1055 г. С половцами Русь упорно боролась вплоть до начала XIII в. В особенности ожесточенная борьба с половцами приняла во второй половине XII в., когда половцы окончательно захватили обширную степь, прилегающую к северным берегам Черного и Азовского морей, и тем самым отрезали Русь от ее восточных рынков.

Один из эпизодов этой борьбы и отражает «Слово о полку Игореве».

Дело было так. В 1184 г. к юго-восточной границе Русской земли подступила большая орда половцев. Навстречу им вышел сам великий князь киевский Святослав Всеволодович; к нему присоединились и некоторые другие князья. На реке Орели, левом притоке Днепра, Святослав, неожиданно напав на половцев, не только нанес им тяжелое поражение, но даже взял в плен самого половецкого хана Кобяка с сыновьями. С торжеством вернулся Святослав в Киев. Ранней весной 1185 г. Свя-

⁵³ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 80.

⁵⁴ Д. Д. Мальсагов. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. 1, вып. 2. Языковедение. Грозный, 1959, стр. 159—162.

тослав стал готовиться к новому походу в степь. Но накануне этого задуманного им похода произошло событие, которое перевернуло все его планы и расчеты: в конце апреля 1185 г. двоюродные братья Святослава — новгород-северский князь Игорь Святославич с сыном и племянником и князь трубчевский и курский Всеволод Святославич пошли на половцев, рассчитывая только на свои собственные силы, в надежде, очевидно, опередить Святослава Киевского.

До нас дошли два летописных рассказа об этом походе Игоря Святославича: в летописи Суздальской (Лаврентьевский список) и в летописи Киевской (Ипатьевский список). Киевская летопись рассказывает о походе Игоря особенно подробно. Выехал Игорь из Новгорода-Северского во вторник 23 апреля 1185 г. Вместе с Игорем в поход выступили сын его Владимир Путивльский и племянник Святослав Ольгович Рыльский. Поехали по направлению к Дону, не торопясь, «тихо», собирая дружину, «бяхуть бо и у них кони тучни велми». У реки Донца Игорь, «возрев на небо», увидел «солнце стояще яко месяц». Игорь спросил бояр своих и дружину, видят ли они это знамение. Те поникли головами и ответили князю, что знамение это не к добру. Игорь успокоил их. Дружина переправилась через Донец, подошла к реке Осколу, и здесь Игорь два дня поджидал брата Всеволода Трубчевского, который должен был прибыть из Курска. У реки Сальницы «сторожа» сообщили Игорю и его спутникам, что половцы уже недалеко. «Сторожа» советовали вернуться домой, так как половцев много, но Игорь не согласился с ними: «Если нам, не бившеся, возвратиться, то срам нам будет хуже смерти». Князья двинулись дальше. В пятницу у реки Сюрulia полк Игоря столкнулся с небольшим отрядом половцев. Игорь выстроил свои войска. «Братья! Сего есмы искале, а потягнемь!» — сказал Игорь дружине и пошел на половцев. Половцы не ожидали нападения, выпустили по стреле и бросились бежать. Игорь погнался за ними и захватил богатую добычу. Между тем наступил вечер; Игорь предложил князьям двинуться назад ночью, пока на них «честь и слава» победы. Но князья не согласились с ним, сославшись на то, что коням и людям надо дать отдых; посоветовавшись, они решили остаться ночевать тут же в открытом поле — недалеко от половецкого кочевья. Это беспечное решение и погубило «полк» Игоря. На рассвете следующего дня, в субботу, лагерь Игоря был окружен половцами. Пытаясь выйти из окружения, Игорь стал пробираться к реке Донцу. Завязалась сеча. Игорь был ранен в руку. До позднего вечера отбивалась дружина Игоря от половцев, на утро следующего дня она не выдержала половецкого натиска и побежала. Игорь поскакал остановить бегущих, даже снял шлем, чтобы дружина могла его узнать, но ничего не добился. Возвращаясь назад, — на «един перестрел одале от полку своего» — он был схвачен

половцами. В плен попали все князья, а дружина Игоря частью успела бежать, частью была перебита. Так бесславно кончился «полк» Игоря. Произошло то, чего так опасался князь Святослав: Игорь отворил «ворота» половцам на Русскую землю. Земля Русская стала жертвой нового половецкого погрома: половцы осадили Переяславль, дотла сожгли город Римов на Суле, опустошили окрестности Путивля, разрушив часть его укреплений. О беде, постигшей «полк» Игоря, князь Святослав Киевский узнал под Новгородом-Северским: он здесь собирал дружину для задуманного им летнего похода против половцев. «Не любо бысть ему», что Игорь поторопился, пошел на половцев, не сказав ему ни слова, тайно; горько вздохнул Святослав и сказал со слезами: «Милая моя братия, сынове и мужи земли Русской!. Не сдержали вы юности своей, отворили вы ворота половцам на землю Русскую». «И бысть скорбь и туга люта, яко же николи же не бывала во всем Посемьи, и в Новгороде Северьском, и по всей волости Черниговьской». С трудом удалось Святославу и другим русским князьям исправить дело: отбросить половцев назад, обратно в степь. Игорь между тем томился в плену, каялся, считая, что не вражеская, а божья сила за грехи «обломила» его дружину. Плен, однако, не был ему в тягость: половцы уважали в нем храброго воина, не стесняли его, даже разрешали ему ездить на охоту со своими слугами. Князь вызвал к себе из Руси священника, полагая, что долго останется в плену. Но «бог судил иначе»: некий половчин, по имени Лавор, предложил Игорю бежать вместе с ним. Игорь сначала ему не поверил и отказался от побега: «Аз славы дела не бежах тогда от дружины и ныне неславным путем не имам поити». Но сын тысяцкого и конюший, бывшие с ним в плену, понуждали его бежать. Игорь склонился на убеждения и стал выжидать удобного времени. Однажды под вечер, когда половцы напились кумыса, конюший сообщил Игорю, что по ту сторону реки Тора ждет его Лавор с конем поводным. Помолившись, князь вылез из палатки. Стража веселилась и играла, думая, что князь спит. Игорь перешел вброд реку, сел на коня, и миновали они половецкие вежи. Одиннадцать дней пешком — конь его пал в пути — шел Игорь к Донцу и наконец прибыл в свой Новгород-Северский. Затем отправился к брату Ярославу в Чернигов, прося помощи, а оттуда в Киев к Святославу. Под 1187 г. летопись сообщает, что бежал из половецкого плена и сын Игоря Владимир, но не один, а с Кончаковною, дочерью хана Кончака, и «с детятем».

Вот это событие, картинно описанное в Киевской летописи под 1185 г., и дало автору «Слова о полку Игореве» сюжет для его произведения. «Слово» во многом напоминает этот летописный рассказ: те же мотивы поступков героев, та же последовательность в их чередовании. Близки Киевской летописи и некоторые выражения «Слова». Вряд ли мы здесь имеем дело

со случайным совпадением. Не исключена возможность, что автору летописного рассказа было известно «Слово о полку Игореве».

Скорбь автора о постигшей родину беде, горькое раздумье о судьбах Русской земли, терзаемой степными кочевниками-завоевателями, страстное желание найти выход из создавшегося положения — такова основная тема «Слова».

Игорь, Всеволод, все «Ольгово хороброе гнездо» пользуются у автора нескрываемой симпатией; все они показаны у него как лучшие представители современного им поколения князей, как храбрые воины, посвятившие себя борьбе с «погаными» и защите родины.

Игорь в изображении автора «Слова» наделен всеми возможными качествами доблестного воина, готового на любые жертвы для блага земли Русской; перед выступлением в поход он воодушевляет дружину словами, полными мужества и беззаветной храбрости, смерть он предпочитает плену. Описывая победу, одержанную Игорем над половцами, автор в подчеркнуто гиперболических очертаниях рисует ее результаты: храбрые «русичи» Игоря стали по болотам и топким местам мосты мостить всяким ценным «узорочьем» половецким. Во время битвы Игорь обнаруживает благородство: в разгар боя «заворачивает» полки, чтобы поспешить на помощь брату Всеволоду. Он «сокол», он «солнце». Рассказывая о беде, постигшей Игоря, автор глубоко скорбит, вместе с ним скорбит вся природа, вся Русь. Описывая бегство Игоря из плена, автор полон ликования, ибо как тяжело «телу, кроме головы», так тяжело и Русской земле «без Игоря». В плаче Ярославны образ Игоря овеян нежностью и теплотой, горячим сочувствием.

Во всем подобен Игорю и «буй-тур» Всеволод. Он — первый, о ком вспоминает автор «Слова», переходя к рассказу о битве, завязавшейся на реке Каяле.

Наделяя своих героев всеми доблестями храбрых воинов, автор даже иногда изображает их как богатырей народного эпоса, в устно-песенном ладе излагая их поведение и поступки. Игорь отправляется в поход (о дружине здесь не упоминается), садится на коня и едет «по чистому полю». Всеволод, где только ни появится, своим «златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганы головы половецкыя».

Военную неудачу Игоря автор объясняет не столько личным поведением Игоря и Всеволода, сколько исторической и политической обстановкой, сложившейся на Руси за последнее время.

Виновниками создавшегося положения являются не Игорь и Всеволод, а все князья в целом. Это они своими братоубийственными войнами довели страну до того, что теперь на полях «ратаеве» (пахари) уже редко покрикивают за сохой и только голодные вороны каркают в поле, «трупиа себе деляче». Князья только и делают, что говорят друг другу: «Се мое, а то мое же»,

о малом говорят, как о великом, забывая, что эти их переборы и распри, мелкие и ничтожные перед лицом нависшей над страной опасностью, на руку лишь врагам. Спасение автор «Слова» видит в единении.

Призыв князей к единению для совместной защиты Русской земли от кочевников — так можно кратко сформулировать идею произведения. Наиболее ярко эта идея раскрывается в так называемом «золотом слове» князя Святослава. Князьям надлежит забыть о своих личных корыстных счетах, прекратить усобицы, подумать о благе родины, не дать в обиду своего «гнезда», смело вступить ногою в «золотое стремя» и раз навсегда затворить «ворота» степи «своими острыми стрелами», общими усилиями, грудью постоять «за землю Русскую, за раны Игоревы».

Недвусмысленно обвиняя князей в бездействии, в равнодушии к судьбе Игоря, к судьбе Русской земли, автор не пощадил и одного из представителей «Ольгова хороброго гнезда» — Ярослава Всеволодовича Черниговского. Князьям, которые в его время пользовались наибольшим политическим влиянием и авторитетом: великому князю владими́ро-суздальскому Всеволоду Юрьевичу, соправителю киевского князя Святослава Рюрику Ростиславичу, галицкому Ярославу Осмомыслу, — он напомнил, что они в первую очередь несут ответственность за охрану рубежей Русской земли, за спокойствие страны.

Идейное содержание «Слова» может быть сформулировано в нескольких словах, но значение произведения этим не исчерпывается: «Слово» обладает богатым эмоциональным содержанием. «Слово о полку Игореве» — великое произведение искусства не только потому, что высказывает великие патриотические идеи, но и потому, что излагает их в совершенной художественной форме, обогащающей содержание.

Общественно-политическое содержание своего произведения автор «Слова» — выразитель общенародных чаяний и надежд — раскрыл в рамках высокохудожественного повествования о походе Игоря Святославича на половцев.

Композиционно «Слово» делится на три части: вступление, «повесть» и заключение. Остановимся на каждой из трех частей.

Небольшое по объему вступление занимает в составе «Слова» вполне самостоятельное место и легко выделяется даже при беглом просмотре текста.

Посвятил его автор не Игорю, не его походу на половцев, а своему собственному произведению — его содержанию, его художественной форме. Как вести речь, какого принципа изложения придерживаться — вот вопрос, который здесь занимает автора. Должен ли он вести речь «старыми словесы» — «по замышлению» Бояна, песнотворца «старого времени», или «по былинамь сего времени»?

Задавая этот вопрос в самом начале читателю («братин»), автор, однако, не ждет ответа: вопрос для него уже предreshен. «Замышлению» Бояна он предпочитает изложение «по былинамь сего времени». В тексте вступления нет ни прямого, ни косвенного указания на причины, побудившие автора «Слова» принять именно это решение. Но одно, во всяком случае, не подлежит сомнению: решение это автор принял отнюдь не потому, что в принципе осуждал всякое «замышление», в том числе и «замышление» Бояна: Боян в изображении автора «Слова» наделен всеми признаками идеального «песнотворца». Образ его дан в подчеркнuto гиперболических очертаниях: он «вещий», он бога Велеса внул, он «соловей». Свое вступление автор «Слова» даже закончил, переходя к «повести» о походе Игоря, прямым обращением к Бояну; автору кажется, что Боян, если бы он взялся прославить поход Игоря, так начал бы петь (автор в данном случае пытается подражать Бояну и предлагает два зачина в манере Бояна): «Не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому!.. Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Это не цитаты из Бояна, а уже начало «повести» о походе Игоря, написанное, однако, «по замышлению» Бояна.

Риторический характер этого вступления не подлежит сомнению. Перед нами своеобразный диалог автора с читателем: как написать предлагаемое произведение? Диалог условный, ибо ставится вопрос, уже предreshенный, намечается задача, в сознании автора уже выполненная. Предпосылая вступление своему произведению, автор «Слова» поступил как опытный мастер, писатель большой литературной культуры. Вступление у него преследует вполне определенную цель: подчеркнуть «торжественную» направленность своего произведения, настроить читателя на «высокий» строй мыслей.

За вступлением в «Слове о полку Игореве» идет рассказ о походе Игоря на половцев — часть повествовательная, «повесть», употребляя термин самого автора: выступление Игоря в поход, первое его столкновение с половцами, битва, в результате которой Игорь попал в плен, сон князя Святослава, его «злато слово», плач Ярославны, бегство Игоря из плена.

«Повесть» эта — она занимает центральное место в составе «Слова» — особого типа и по форме существенно отличается от летописных рассказов о том же походе (в Ипатьевской летописи и в летописи Лаврентьевской). Она не ставит каких-либо информационных задач: в ней отсутствует подробный рассказ о всех обстоятельствах похода. «Повесть» распадается на ряд эпизодов, представляющих относительно замкнутое целое; не все из них даже связаны между собой строгой последовательностью изложения.

От летописного типа повествования «повесть» автора

«Слова» резко отличается и тем, что вопреки летописному правилу всегда отмечать время события она никогда этого не делает: ни одной даты в «Слове о полку Игореве» нет.

Отсутствие в «Слове» точной локализации событий во времени — факт не случайный. Это одно из проявлений характерного вообще для автора «Слова» правила: не описывать подробно события, а только напоминать о них читателю. Отсюда недомолвки, глухие намеки, пропуски, явно рассчитанные на то, что канва событий читателю превосходно известна и он сам без труда восполнит то, о чем в рассказе умалчивается.

В этом отношении обращают на себя внимание уже первые строки «повести»: «Игорь ждет мила брата Всеволода...» Где «ждет», откуда «ждет», почему «ждет» — неясно. Полную противоположность летописному рассказу представляет собой по способу повествования и эпизод выступления Игоря в поход: автор «Слова» не только не указывает, когда это имело место и откуда выступил Игорь, но даже ничего не говорит о его спутниках, допуская возможность предположения, что в поход Игорь отправился один («вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю»).

Заканчивая рассказ о битве, автор «Слова» даже не сообщил о том факте, что Игорь и другие князья попали в плен; читатель узнает об этом из отступления, в конце которого глухо говорится: «...тут Игорь князь пересел из седла золотого (т. е. княжеского) в седло невольничье».

Все эти факты свидетельствуют о том, что автор «Слова» менее всего чувствовал себя летописцем, обязанным сохранить возможно точнее исторические факты для будущих поколений в назидание потомству. Он преследовал совсем иную задачу, более близкую: вооружить современных ему князей для борьбы с половцами, призвать их к защите Русской земли, к немедленному объединению.

За рассказом в «Слове» отчетливо вырисовывается образ самого автора — горячего патриота, глубоко взволнованного положением в Русской земле. Голос его не раз прорывается сквозь рассказ. Именно он, автор, вносит в «Слово» и ту страстную лиричность, и тот высокий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения.

Неоднократно автор «Слова» заявляет о себе в прямых отступлениях от повествования. Это или элегические размышления по поводу того или иного факта, или непосредственные обращения к своим современникам («злато слово» князя Святослава, перерастающее в призыв автора к князьям, — типичный пример такого отступления), или многочисленные экскурсы в прошлое — разного рода исторические примеры и припоминания (обещая вести повествование «от старого Владимира до нынешняго Игоря», автор вспоминает многих князей XI и начала

XII вв. — Всеслава Полоцкого, Владимира Мономаха, Олега Святославича и др.).

Голос автора, то скорбный, то гневный, то ликующий, звучит в «Слове» часто даже там, где его могло бы и не быть, — в чисто повествовательных эпизодах. Эти эпизоды замечательны тем, что здесь автор обнаруживает себя, свое отношение к событиям, не выходя за рамки повествования, не в порядке отступления от рассказа, а одновременно с ним, в уже проложенном для него русле. Сюда прежде всего относятся те эпизоды, где автор втягивает в свой рассказ животный и растительный мир, стихии природы, делая их непосредственными участниками событий. Природа скорбит, когда «полк» Игоря терпит беду, и радуется, когда Игорю удается бежать из плена. И в том и в другом случае она служит своеобразным рупором авторского отношения к событиям.

Стилистический строй «Слова» также свидетельствует, что автор прежде всего стремился утвердить в сознании читателя свое понимание событий, свою печаль и радость, свою взволнованность темой. С помощью одних стилистических средств автор не раз обогащал и дополнял дорогие и важные для него мысли и убеждения ярким эмоциональным содержанием.

Гениальный художник, писатель большой литературной культуры, автор «Слова», работая над своим произведением, не только широко воспользовался возможностями избранного им литературного жанра — едва ли не всеми изобразительными средствами художественной ораторской прозы своего времени,⁵⁵ но и щедро, как никто другой в литературе древней Руси, черпал эти средства и краски из устного народно-песенного творчества.

Наиболее показательными особенностями стилистического строя «Слова» являются его подчеркнутая метафоричность и разного рода риторические повторы.

«Слово о полку Игореве» — ярчайший образец произведения, насквозь пронизанного образными сближениями одного рода явлений действительности с другими. Военный и домашний обиход княжеско-дружинных слоев населения, соколиная охота — любимое развлечение князей той эпохи, земледельческий быт Руси XII в., кузнечное и даже ювелирное ремесло, природа, весь богатый животный и пернатый мир «дикого поля» — все находит и свое отражение, и свои отзвуки не только в прямом, но и в переносном, метафорическом плане в «Слове о полку Игореве». И в этом сказалась глубокая, органическая любовь автора к своей земле, ощущение своего неразрывного единства с ней: потоком своих образных сближений автор углублял это ощущение и у читателя, тем самым заставляя его с особой болью переживать в 1187 г. печальные события 1185 г. Наблюдательность ав-

⁵⁵ [Выводы И. П. Еремина о связи «Слова» с ораторской прозой см. далее, стр. 118—120].

тора «Слова» и точность его зарисовок не раз отмечались в специальной литературе. Приведу один только факт, характеризующий стилистический строй «Слова о полку Игореве»: ту или иную метафору автор «Слова» нередко разворачивал до целого описания, до эпизода. Замечательны в этом отношении его описания битвы на Каяле и на Немиге, где автор использует картины земледельческого труда — образы посева, жатвы, молотбы: «Черная земля под копытами костью была засеяна, а кровью полита; горем вошли они по Русской земле». В рассказе о битве XI в. на реке Немиге (в повествовании о Всеславе Полоцком) в метафорическом плане воспроизводится весь процесс уборки хлеба на поле: «На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела».

В образной системе «Слова» действительность часто отражается сквозь призму народно-песенной поэзии. Народная лирика подсказала автору и отбор отдельных конкретных сравнений и символов, и их словесное воплощение; ей же обязано «Слово» и некоторыми образами — рудиментами языческих верований и представлений; упоминаемые в «Слове» языческие божества древней Руси — несомненно песенного происхождения.

Большое место в стилистическом строе «Слова» занимают разного рода риторические повторы, и это понятно: повтор — стилистический прием, при помощи которого автор уже самим построением своей речи подчинял читателя своему замыслу. Наиболее типичная для «Слова» форма повтора — чередование предложений одной и той же синтаксической конструкции, иногда с анафорическим повторением первого слова («Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста: ту пир докончаша храбрии русичи»).

Завершается «Слово о полку Игореве» небольшим заключением — «славой» князьям и дружине: «Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравы будут князья и дружина, поборая за христиан против поганых полков. Князьям слава и дружине! Аминь». Заключение это — интересное свидетельство своеобразия художественной структуры произведения: автор «Слова», рассказывая о поражении Игоря и его войска, поет здесь славу Игорю; в его представлении князь Игорь — высокий идеал князя, чья главная цель — борьба с врагами родины. Таким образом, «Слово» не только произведение агитационное, посвященное острейшей политической проблеме своего времени — обороне границ Русской земли, обличительной критике княжеских «катор»; но одновременно и «похвала», написанная во славу князей и дружины, борющихся «за христьяны на поганяя плъки». Автор «Слова» — выразитель подлинно народных устремлений и чаяний — слил в одно неразрывное целое и свою «песнь» в честь «Ольгова хороброго гнезда», и свой горячий, полный высокого патриотического пафоса

«призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».⁵⁶

Факт такого перерастания хвалебной песни в агитационный призыв не представляет собой чего-либо неожиданного. Похвальное «слово» не раз под пером того или иного автора переходило в обсуждение вопросов текущей современности. Судя по дошедшим до нас памятникам, даже церковное «похвальное» красноречие Киевской Руси в этом отношении старалось в лице своих наиболее передовых представителей не отставать от требований жизни; достаточно указать на «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, на «Слово о князьях».

Высокая идейность «Слова», связь с насущнейшими запросами народной жизни, неповторимая лаконичность речи, великолепное мастерство, проявляющееся в отделке каждой детали текста, — все это уже давно обеспечило «Слову» одно из первых мест в ряду тех великих произведений мировой литературы, которые и по сегодняшней день не утратили для нас своей непреходящей ценности.

Когда было написано «Слово о полку Игореве»?

Поход Игоря на половцев имел место в 1185 г.; «Слово», следовательно, не могло быть написано ранее этого года. Но нет ли в тексте данных, которые позволили бы точнее определить время написания «Слова»? Такие данные есть. Вот они:

1. Автор, призывая всех князей Русской земли к единению в «золотом слове» Святослава, обращается и к галицкому князю Ярославу Владимировичу, отцу Ярославны: «Галицкий Осмомysl Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованном столе, подпираешь горы угорские своими железными полками, королю загораживаешь путь, затворяешь Дунаю ворота... Грозы твоей земли страшатся; Киеву отворяешь ворота, за дальними странами в салтанов стреляешь с отчего золотого стола. Стреляй же, господине, и в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!»

Ярослав Галицкий умер 1 октября 1187 г. «Слово», следовательно, не могло быть написано много позже осени 1187 г. Итак, не ранее 1185 г., не позже 1187 г.

2. В конце «Слова» есть такой эпизод — беседа ханов Гзак и Кончака: «Молвит Гзак Кончаку: „Коли сокол к гнезду летит, соколенка расстреляем своими золочеными стрелами“. Сказал Кончак Гзе: „Коли сокол к гнезду летит, а мы соколенка опутаем красною девицею“. И сказал Гзак Кончаку: „Коли опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы“...» Этот разговор ханов в «Слове» указывает, что автору было известно о бегстве сына Игоря Владимира Игоревича из плена вместе с Кончаковой в 1187 г. Ср. сообщение Киевской летописи под 1187 г.: «Тогда же приде Володимерь

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 16.

ис Половецъ с Кончаковною, и створи свадьбу Игорьъ сынови своему, и венча его и с делятемь».

Таким образом, «Слово» не могло быть написано ранее 1187 г. Вывод этот очень важен для нас; он свидетельствует о том, что «Слово» было написано по свежим следам событий, до известия о смерти Ярослава Галицкого, после возвращения из половецкого плена Владимира Игоревича с Кончаковною, еще при жизни Игоря (умер в 1202 г.), т. е. в конце 1187 г. или в самом начале 1188 г.

Кто был автором «Слова о полку Игореве»? Существует мнение, что автором «Слова» был сын тысяцкого, один из дружинников Игоря, вместе с ним попавший в плен к половцам (И. А. Новиков);⁵⁷ по мнению А. Югова, автором «Слова» был упоминаемый Галицко-Волынской летописью в середине XIII в. певец Митус;⁵⁸ В. Ф. Ржига считает, что «Слово» создано народным певцом, жившим при дворе князя Святослава.⁵⁹

По поводу всех предположений могу сказать только одно: жаль времени, потраченного на их обоснование, ибо для решения вопроса об авторе «Слова» у нас нет никаких данных, — пока что, во всяком случае.

В каком жанре написано «Слово о полку Игореве»? Какова его художественная природа? В каком литературном ряду надлежит его рассматривать? Вопросы эти не раз ставились в обширной научной литературе, посвященной «Слову», но пока не получили окончательного разрешения. Мнения исследователей по этим вопросам расходятся. Одни утверждают, что «Слово о полку Игореве» — «песнь», поэма (лиро-эпическая или героическая), памятник древнерусского героического эпоса (т. е. произведение, по природе своей стихотворное). Другие, наоборот, отрицают стихотворную природу «Слова». «Слово» — не «песнь» и не поэма, а повесть, воинская повесть, памятник древнерусской исторической повествовательной прозы. Первые сближают «Слово» с французскими *chansons de geste*, «Песнью о Роланде», в последнее время — с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и т. п. Другие предпочитают рассматривать «Слово» в ряду древнерусских оригинальных и переводных воинских повестей, «Девгениева деяния», «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия и т. п.

Наряду с этими двумя точками зрения на «Слово», взаимноисключающими, казалось бы, одна другую, существует еще и третья, получившая широкое распространение в учебных ру-

⁵⁷ И. Новиков. Сын тысяцкого. Повесть об авторе «Слова о полку Игореве». — Новый журнал. М., 1938, № 5, стр. 113—140.

⁵⁸ А. Югов. Историческое разыскание об авторе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Пер. и комментарий А. Югова. Л., 1945, стр. 171—179.

⁵⁹ В. Ф. Ржига. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. XI, вып. 5, 1952, стр. 428—438.

ководствах по истории литературы и в научно-популярной литературе, посвященной «Слову», — эклектическая, объединяющая с перевесом, то в одну, то в другую сторону два предыдущих решения вопроса. В 1955 г. киевский литературовед А. А. Назаревский так определял жанровую природу «Слова»: «Мы должны видеть в „Слове“ не художественные особенности какого-либо одного жанра, а гармоническое слияние приемов и особенностей всех жанров, существовавших в устной и книжной традициях Киевской Руси XI—XII вв.»⁶⁰

Каждая из указанных точек зрения на «Слово» уже имеет свою историю в нашей науке.

Убеждение в том, что «Слово о полку Игореве» — поэма, впервые высказал Н. М. Карамзин; в заметке, сообщавшей западноевропейским читателям об открытии «Слова о полку Игореве», Карамзин назвал «Слово» «отрывком поэмы» неизвестного автора XII в. и высказал убеждение, что отрывок этот по своим художественным достоинствам «может сравниться с самыми прекрасными местами поэм Оссиана». К мнению Карамзина примкнули и первые издатели «Слова». И для них «Слово» — древнерусская поэма. Издавая текст «Слова», они, как известно, даже озаглавили его так: «Ироническая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича...» Мысль о том, что «Слово о полку Игореве» — поэма, «ироническая песнь», окончательно утвердилась, когда один за другим стали появляться стихотворные переводы «Слова». Прозаический перевод на современный русский язык, который первые издатели «Слова» в 1800 г. напечатали параллельно с текстом оригинала, никого не удовлетворил: специалисты нашли его недостаточно точным (А. С. Шишков); «любители российской словесности», для которых он в первую очередь и предназначался, — недостаточно поэтическим.

Параллельно с продвижением «Слова» в поэзию, с первыми опытами его стихотворных переложений и отчасти даже под прямым влиянием этих переложений в науке и критике все чаще делаются попытки научно обосновать стихотворную сущность ритмики «Слова»; доказать его стихотворную природу. Это казалось вполне возможным и с методологической точки зрения вполне закономерным: в том, что «Слово о полку Игореве» — поэма, песнь и, следовательно, произведение стихотворное по самой своей природе, никто, за исключением одного А. Востокова, тогда не сомневался.⁶¹ Попытки эти относятся уже к 20-м годам прошлого века. В 1828 г. Д. Н. Дубенский в

⁶⁰ А. А. Назаревский. О жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, т. XIV, вип. I. Збірник філологічного факультету, № 7. Київ, 1955, стр. 113—144.

⁶¹ А. Востоков. Есть ли какой размер в «Слове о полку Игореве»? В его кн.: Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.

своим «Опыте о народном русском стихосложении»⁶² попробовал в порядке эксперимента применить к ритмике «Слова» стопы современного ему литературного стихосложения. Еще в 1822 г. Н. Ф. Грамматин,⁶³ а позже Н. А. Полевой⁶⁴ и М. А. Максимович⁶⁵ попытались определить стих «Слова» как стих народный, фольклорный, опираясь на учение А. Востокова о «прозодических периодах» народного стихосложения. Дальнейшим развитием этой же теории о «народном» характере ритмики «Слова» явилась мысль, впервые высказанная М. Максимовичем, о родстве ритма «Слова о полку Игореве» с ритмикой украинских народных дум. В 1906 г. профессор Бреславльского университета Р. Абихт⁶⁶ сделал попытку сблизить «Слово» в ритмическом отношении с поэзией скандинавских скальдов, указать в «Слове» несомненные, с его точки зрения, признаки северогерманского аллитерационного стиха. В 1910 г. галицийский ученый В. Бирчак⁶⁷ выступил с теорией, по которой все характерные структурные особенности «Слова» восходят к ритмике и строфике византийских церковных песнопений («канонов»). Были, наконец, попытки восстановить стихотворную структуру «Слова» и при помощи тактовых схем западноевропейской музыки (Ф. Е. Корш).⁶⁸

Ни одна из этих попыток обосновать стихотворную природу «Слова» не увенчалась успехом. Детальный критический разбор всех этих высказываний мы находим в превосходной статье М. П. Штокмара «Ритмика „Слова о полку Игореве“ в свете исследований XIX—XX вв.»⁶⁹ «В „Слове о полку Игореве“ в том виде, как мы его знаем, — пишет М. П. Штокмар, — невозможно проследить единую систему звуковой организации какого бы то ни было типа. Такой организации в нем нет. Исследователи, правильно аргументирующие звуковую организацию

⁶² Д. Н. Дубенский. Опыт о народном русском стихосложении. М., 1828.

⁶³ Н. Ф. Грамматин. Критическое рассуждение о «Слове о полку Игореве». — Вестник Европы, 1822, № 18, стр. 113—139.

⁶⁴ Н. Полевой: 1) Рецензия на книгу А. Ф. Вельтмана «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского». М., 1833. — «Московский телеграф», 1833, № 7, апрель, стр. 419—442; 2) История русской литературы. СПб., 1872, стр. 42—48.

⁶⁵ М. А. Максимович: 1) Песнь о полку Игореве (из лекций о русской словесности). — ЖМНП, т. X, 1836, № 4, стр. 1—22; № 6, стр. 439—470; т. XIII, 1837, № 1, стр. 29—58; 2) О народной исторической поэзии в древней Руси. — «Москвитянин», 1845, ч. III, № 3, март, отд. «Наука», стр. 1—7; № 7-8, стр. 47—57.

⁶⁶ R. Abicht. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung. Breslau, 1906.

⁶⁷ В. Бирчак. Візантійська церковна пісня і «Слово о полку Ігореві». — Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1910, т. ХСV, стр. 5—29; т. ХСVІ, стр. 5—32.

⁶⁸ Ф. Е. Корш. «Слово о полку Игореве». СПб., 1909.

⁶⁹ М. П. Штокмар. Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования под ред. Н. К. Гудзя. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 64—82.

„Слова” от различных систем, от многосистемности, тем самым вопреки предвзятому заданию доказать стихотворную основу „Слова” подтверждают прозаическую природу его звуковой организации». ⁷⁰ Предвзятая мысль о стихотворном характере ритма «Слова о полку Игореве» неизбежно приводила исследователей к ряду натяжек и прямых ошибок. Примером таких натяжек служит и появившаяся в 1963 г. статья Л. Тимофеева. ⁷¹ Нельзя отстаивать стихотворную природу ритмики «Слова», не имея в запасе ни одного научно обоснованного довода в пользу этого утверждения.

«Слово» написано не стихами, а прозой. В результате повторов того или иного типа и, в частности, чередования предложений одного и того же синтаксического строя в «Слове» возникает подчас не только ритм, но в отдельных случаях и морфологическая рифма. Отсюда, однако, не следует, что «Слово» написано стихами: характерная для «Слова» временная инерция ритма еще отнюдь не доказывает и не может доказать стихотворной его природы. Временная инерция ритма, то возникающая, то исчезающая, — синтаксического происхождения; не упорядоченная в некую систему, она свидетельствует о том, что перед нами — особая ритмическая проза, прихотливый неровный узор которой отражает движение поэтической мысли автора.

Невозможность доказать стихотворную основу «Слова о полку Игореве» уже в 60-х годах прошлого века побудила некоторых исследователей пойти совсем иным путем: «Слово» стало рассматриваться как повесть (ведь так два раза сам автор называет свое «Слово»), т. е. как произведение не стихотворное, а прозаическое по своей природе. Возник вопрос о связи «Слова» с памятниками переводной и оригинальной древнерусской прозы XI—XII в., — в первую очередь, разумеется, с аналогичными ему по содержанию памятниками исторической повествовательной прозы. Изучение «Слова» и пошло по этой линии. Работу эту начал еще в 1863 г. Н. С. Тихонравов, ⁷² продолжили В. Ф. Миллер, ⁷³ Е. В. Барсов ⁷⁴ и др. В особенности много сделал в этом направлении акад. В. Н. Перетц, автор обширного исследования о «Слове», напечатанного в 1926 г. на украинском языке Академией наук УССР. ⁷⁵

В результате была установлена книжность «Слова о полку Игореве». Выяснилось, что поэтическая фразеология «Слова» находит параллели в целом ряде произведений оригинальной и

⁷⁰ Там же, стр. 82.

⁷¹ Л. Тимофеев. Ритмика «Слова о полку Игореве». — «Русская литература», 1963, № 1, стр. 88—104.

⁷² Н. С. Тихонравов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е. М., 1868.

⁷³ В. Ф. Миллер. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1867.

⁷⁴ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, тт. I—III. М., 1887—1890.

⁷⁵ В. Н. Перетц. «Слово о полку Игоревім». Київ, 1926.

переводной прозы Киевской Руси. Обнаружилась даже прямая связь отдельных поэтических формул «Слова» с формулами в летописях Киевской, Галицко-Волынской и главным образом переведенной на русский язык еще в XI в. «Историей иудейской войны» Иосифа Флавия.

Но и повествовательная природа «Слова» все же осталась недоказанной. Такой анализ — без учета всех элементов художественной структуры сопоставляемых произведений — может установить только один факт: родство этих произведений в формально-речевом отношении, принадлежность их к одной и той же речевой культуре, и ни на шаг, однако, не приближает нас к пониманию художественной природы «Слова о полку Игореве», к решению проблемы его жанровой принадлежности.

Эклектическую позицию в вопросе о художественной природе «Слова о полку Игореве» впервые занял Е. В. Барсов, автор известного трехтомного исследования о «Слове о полку Игореве». Правильно отметив в стилистике, в поэтической фразеологии «Слова» две струи — книжную и устно-поэтическую, «Боянову», Барсов в дальнейшем пошел по линии наименьшего сопротивления: стал рассматривать «Слово» и как повесть, и как поэму одновременно, подменив вопрос о генезисе тех или иных поэтических формул «Слова» вопросом о природе «Слова» как «художественного памятника Киевской дружинной Руси».

Работа Барсова положила начало традиции, развившейся преимущественно в научно-популярной литературе, посвященной «Слову»: термины «воинская повесть», «героическая поэма» здесь стали употребляться почти как синонимы. Эта попытка примирить два различных решения проблемы жанра «Слова» в научном отношении совершенно бесплодна. Сказать, что «Слово о полку Игореве» одновременно и воинская повесть, и героическая поэма, — значит ничего не сказать. Такая формулировка противоречит всему, что нам известно о мировом историко-литературном процессе: ни в одной литературе георический эпос и историческая повесть не вступали в соединение.

Нельзя определять художественную природу «Слова о полку Игореве», опираясь только на один признак, сближающий его с тем или иным жанром. Жанр есть некая исторически сложившаяся и относительно устойчивая система взаимосвязанных элементов художественной структуры произведений искусства; следовательно, определяя жанровую природу произведения, необходимо учитывать все жанрообразующие элементы его художественной структуры в их единстве.

Четвертая точка зрения на жанр «Слова» была высказана в моих работах. Я рассматриваю «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси.⁷⁶

⁷⁶ [См.: И. П. Еремин: 1) Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой структуре). — Уч. зап. ЛГУ, № 72, серия филолог. наук, вып. 9, 1944, стр. 3—18; переиздано в кн.: И. П. Еремин. Литература древней

Как известно, автор «Слова о полку Игореве», говоря о своем произведении, сам называет его различно: не только «словом», как значится в заглавии, но и «песнью», и «повестью».

«Песнью» он называет его несколько раз. Во вступлении: «Начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню». И в конце: «Певше песнь старым князем, а потом молодым пети». Сюда же должен быть отнесен и отрывок: «Пети было песнь Игореву того внуку».

«Повестью» он называет его в самом начале: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестий о плъку Игореве...» А также несколько ниже, переходя от вступления к рассказу о походе Игоря: «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря».

В литературе Киевской Руси эта тройная терминология («слово», «песнь», «повесть») для обозначения одного и того же произведения не употреблялась. Только в художественной ораторской прозе произведение торжественного красноречия автор мог бы назвать одновременно «словом», «песнью», «повестью».

В каком значении используется каждый из этих трех терминов? «Слово» — термин, получивший широкое употребление в древнерусской литературе и применявшийся иногда даже для обозначения произведений, не имеющих прямого отношения к красноречию (ср. термин «слово» в названии отдельных книг в славяно-русском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия). Но в ораторской прозе этот термин уже в XI в. приобрел значение специального номенклатурного термина, указывающего на принадлежность произведения к определенному роду красноречия, а именно к торжественному, в отличие от красноречия дидактического. Поэтому термин «слово» в произведениях торжественного красноречия стал в обязательном порядке ставиться в заглавии.

Термин «песнь» в древнерусском торжественном красноречии не столько обозначал литературную принадлежность произведения, сколько указывал на его содержание, а потому употреблялся не в прямом, а в переносном значении: «песнь», т. е. «хвала», «похвала», «слава». Отсюда и глагол «пети» приобрел тот же смысловой оттенок: «сказать, написать кому-либо нечто в похвалу, во славу». Именно так употреблял термин «песнь» и глагол «пети» автор «Слова о полку Игореве», говоря о собственном произведении. Заключение «Слова» не оставляет в этом сомнения: «Певше песнь старым князем, а потом

Руси, стр. 144—163; 2) Слово о полку Игореве как памятник политического красноречия Киевской Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 93—129; 3) К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 28—34].

молодым пети. Слава Игорю Святъславличю...» Петь песнь кому-нибудь — петь песнь ему во славу.

Наиболее употребительный смысл слова «повесть» в древнерусском языке — «сказание», «рассказ», «известие», «сообщение». В торжественном красноречии Киевской Руси слово это стало термином, обозначающим центральную, повествовательную часть речи, и в этом именно смысле употреблялось при переходе от вступления к повествовательной части. Так, автор «Слова о полку Игореве» применил термин «повесть», переходя от вступления к рассказу о походе Игоря, т. е. к повествовательной части своего произведения: «Почнем же, братие, повесть сию...»

Все сказанное дает нам полное право рассматривать «Слово о полку Игореве» так, как рассматривал его сам автор, т. е. как «слово», как образец светского художественного красноречия. Анализ произведения в целом, в единстве его содержания и формы подтвердил правильность этого вывода. «Слово о полку Игореве» — не поэма, не историческая повесть. Это памятник политического красноречия Киевской Руси.

Произведение высокой литературной культуры, «Слово о полку Игореве», несомненно, никогда и никем не было произнесено в порядке устной импровизации, и в этом его коренное отличие от тех речей, которыми в свое время обменивались князья и их дружинники и которые, надо полагать, относительно точно воспроизводились летописцами. Речь такого литературного совершенства, как «Слово о полку Игореве», могла быть только написана.

В литературе Киевской Руси торжественное красноречие — область литературного творчества в не меньшей степени, чем летописание или агиография. Есть все основания думать, что и дошедшие до нас произведения церковного красноречия этой эпохи предназначались не столько для произнесения в церкви в качестве очередной проповеди, сколько специально для чтения — даже «слова» Кирилла Туровского; то обстоятельство, что они вошли в состав «Златоуста» и «Торжественника», говорит о том, что и они в свое время рассматривались как материал прежде всего для чтения, в данном случае «уставного», т. е. регламентированного церковью.

О том, что произведения торжественного красноречия в литературном обиходе Киевской Руси культивировались на равных основаниях со всеми остальными произведениями книжного происхождения, наглядно свидетельствует факт, в этой связи до сих пор почему-то не обращавший на себя внимания. До нас дошло в составе Ипатьевской летописи под 1200 г. похвальное «слово» игумена Выдубицкого монастыря Моисея в честь князя Рюрика Ростиславича, «слово», относительно которого нам достоверно известно, что оно было произнесено публично, в присутствии князя Рюрика и его семьи. В «слове», текст кото-

рого летописец приводит, имеется фраза (обращение к Рюрику), уясняющая действительное происхождение «слова»: «...наша грубости писание прими, акы дар словесен».

Таким «писанием», т. е. произведением, составленным в письменной форме, несомненно было и «Слово о полку Игореве» — величайший известный нам памятник политического красноречия Киевской Руси и всей древнерусской литературы в целом.

Какова судьба «Слова о полку Игореве» в русской литературе?

Судя по тем данным, которыми мы располагаем, «Слово» в древнерусской литературе не пользовалось большой популярностью. Не случайно сохранилось оно в единственном списке. Читателям XV, XVI, XVII вв. оно, несомненно, было уже малопонятно и по художественной структуре, и по языку. Но все же оно переписывалось, и не только переписывалось, а даже оказало некоторое влияние на русскую литературу XV в.

Первый случай прямого заимствования из «Слова» относится к началу XIV в. Я имею в виду цитату из псковского Апостола 1307 г. В XV в. «Слово» оказало большое воздействие на цикл сказаний о Куликовской битве 1380 г., о Мамаевом побоище, в особенности на так называемую «Задонщину». Автор «Задонщины» знал «Слово» и использовал его как образец для своего произведения. Использовали «Слово» и некоторые редакции «Сказания о Мамаевом побоище».

Были попытки указать следы заимствований из «Слова» и в памятниках XVII в., в частности в повестях об Азове, но все эти случаи спорны.

Интересна судьба «Слова о полку Игореве» в новой русской литературе.

Уже в самом начале XIX в. стали появляться переводы «Слова», прозаические и стихотворные. Первым опытом стихотворного переложения «Слова о полку Игореве» на современный русский язык был вышедший в Петербурге в 1803 г. отдельным изданием перевод Ивана Серякова,⁷⁷ который переложил «Слово» так называемыми «русскими стихами». Такие «русские стихи» с легкой руки Н. М. Карамзина⁷⁸ «в рассуждении меры» были признаны исконно «русскими», свойственными «почти всем нашим старинным песням», — четырехстопный хорей с дактилическим окончанием. И. Серяков ввел этим переводом «Слово» в круг популярных у нас в конце XVIII и первой четверти XIX в. псевдонародных эпических «повестей о старинных русских происшествиях», в жанре которых написано, например, произведение Н. М. Карамзина «Илья Муромец».

⁷⁷ Поход Игоря противу половцев. Стихотворное переложение Серякова. СПб., 1803.

⁷⁸ Н. М. Карамзин. Илья Муромец. Богатырская сказка. — Соч., т. I. Пг., 1917, стр. 113, прим.

мец». Сентиментальная трактовка героической темы, характерная для поэм этого жанра, свойственна и переводу И. Серякова. В особенности наглядно сказалось это в его переложении плача Ярославны. Поэтикой сентиментализма несомненно навеяны и нередко встречающиеся в переложении И. Серякова «аханья», которыми изобилует его произведение.

В 1812 г. вышел сокращенный перевод «Слова о полку Игореве» Н. Язвицкого;⁷⁹ в 1813 г. — перевод И. Левитского.⁸⁰ Оба перевода во многом напоминают перевод И. Серякова: те же «русские дактило-хорейские, древние наши стихи», та же имитация народного «склада» речи, тот же характерный налет сентиментализма, особенно ясно видный у И. Левитского. У последнего обильные «слезы» колоритно дополняют «аханья» И. Серякова. Переложения И. Серякова и Н. Язвицкого относительно точно воспроизводят текст оригинала. У И. Левитского заметна тенденция дополнять оригинал вставками собственного изобретения, которые направлены на углубление патриотизма «Слова». Это и понятно, так как Левитский был свидетелем событий 1812 г.

В 1807 г. в Харькове вышел перевод «Слова о полку Игореве» А. Палицына,⁸¹ перепечатанный в 1808 г. в Петербурге. У Палицына «Слово» — типичный монолог из трагедии В. А. Озерова. С точки зрения поэтов «озеровской» школы, Палицын хорошо справился со своей задачей, лучше всего удалась ему батальные сцены. Менее удачны те места, где шестистопный ямб вступал у него в противоречие с эгегическим содержанием (сон Святослава, плач Ярославны и др.).

Среди переложений и перепевов «Слова» первой четверти XIX в. особое место занимает перевод В. А. Жуковского.⁸² Это была первая попытка в истории нашей поэзии бережного отношения к переводимому материалу. Перевод выполнен с замечательным тактом, учетом своеобразия художественного стиля «Слова». В отличие от предшествующих переложений «Слова», перевод Жуковского был сделан мерной, ритмической прозой, несмотря на то, что сам Жуковский тоже считал «Слово» поэмой. Пример Жуковского, однако, не оказал никакого влияния на ближайшее поколение переводчиков, так как рукопись его перевода, над которым он работал с 1817 по 1819 г., впервые была опубликована только в 1882 г.

⁷⁹ Н. Язвицкий. Игорь Святославович. Ироическая песнь. Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. V. СПб., 1812, стр. 32—54.

⁸⁰ Ироическая песнь о походе Игоря на половцев, писанная на славянском языке в XII столетии, ныне переложенная в стихи старинной русской мерой Иваном Левитским. СПб., 1813.

⁸¹ Игорь, героическая песнь, с древней славенской песни, писанной в XII веке, переложенная стихами Александром Палицыным. — Сочинения и переводы, издаваемые Росийскою Академиею, ч. 3. СПб., 1808.

⁸² См. издание его: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1882, кн. 2, отд. 1, стр. 1—16. [См. также: Слово о полку Игореве. Пер. В. А. Жуковского (Прим. И. П. Еремина). М.—Л., Гослитиздат, 1963].

Н. Грамматин, прозаический перевод которого вместе с текстом «Слова» и комментариями вышел в 1823 г.,⁸³ попытался примирить мерную прозу подлинника со стихами «древнейшего русского размера».

В 1819 г. появился в печати отрывок из «Слова» под названием «Ярославна» в переводе Н. Белюстина.⁸⁴ Этот отрывок, переведенный «русскими стихами», заслуживает внимания потому, что переводчик его впервые ввел в нашу поэзию плач-закливание Ярославны как тему для лирического стихотворения. Тема эта действительно породила целый ряд стихотворений. Глубокий лирический пафос обращения Ярославны к стихиям природы оказался, однако, не по плечу большинству поэтов, бравшихся за этот сюжет. Под их пером плач Ярославны превратился в «жестокий» романс, особенно у В. А. Загорского.⁸⁵

В 1839 г. вышел в свет новый перевод «Слова о полку Игореве» М. Деларю.⁸⁶ Перевод представляет собой смелую попытку придать «Слову о полку Игореве» античный колорит. Он сделан размером, который Деларю назвал «русским» гекзаметром, противопоставляя этот свой «русский» гекзаметр «правильному» гекзаметру античной поэзии. Перевод М. Деларю не имел успеха: гекзаметры его были найдены слишком «хитрыми и искусственными для передачи неподражаемой простоты певца Игорева».⁸⁷

Таким образом, «Слово о полку Игореве» к середине XIX в. снова оказалось в своем первоначальном «грубом и темном» виде. Старые переводы устарели. Придать «Слову» недостающую ему поэтическую форму, соответствующую уровню современной поэзии, взялся Д. И. Минаев. Когда в 1846 г. «Слово о полку Игореве» в обработке Минаева⁸⁸ увидело свет, оно поразило всех своей необычайностью, своим сходством с «романтическими» поэмами и балладами Пушкина, Лермонтова и их многочисленных подражателей. Переводя «Слово о полку Игореве» в план «романтической» поэмы, Минаев существенно переработал текст оригинала. «Сжатые мысли» оригинала он последовательно развертывал в целые картины. Переработка коснулась не только мыслей оригинала, но и его сюжета. Так, в корне были переработаны тема сна князя Святослава, «золо-

⁸³ Н. Грамматин. Слово о полку Игореве, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозою и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера. М., 1823.

⁸⁴ Н. Белюстин. Ярославна. — «Благонамеренный», 1819, ч. VI, стр. 141—142.

⁸⁵ В. А. Загорский. Ярославна. Романс. — «Новости литературы», 1825, ч. XIV, стр. 69—70.

⁸⁶ Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова. Переложение Михайла Деларю. Одесса, 1839.

⁸⁷ «Сын отечества», 1839, т. XI, № 4, стр. 114.

⁸⁸ Слово о полку Игореве. Пер. Д. Минаева. СПб., 1846.

тое слово» Святослава, плач Ярославны. Этой переработкой Минаев стремился усилить «романтический» колорит «Слова о полку Игореве».

Перевод Минаева вызвал целый ряд хвалебных и даже восторженных рецензий. Необычность поэтической интерпретации «Слова» заставила простить и перепевы популярных поэтов, и некоторые стилистические недочеты. Один только В. Г. Белинский⁸⁹ сурово осудил и замысел, и исполнение перевода Минаева и был, разумеется, прав.

Пример Д. И. Минаева побудил и других поэтов взяться за «Слово о полку Игореве». В 1850 г. был опубликован перевод Л. Мея,⁹⁰ выраженный в ритмах народных исторических песен. В 1854 г. в роскошном издании, с иллюстрациями, вышел перевод «Слова о полку Игореве» Н. Гербеля.⁹¹ Он разделил «Слово» на двенадцать «песен» и каждой из них подобрал соответствующий ее «духу» стихотворный размер. При этом Гербель поступал так, точно собирался составлять хрестоматию из всех предшествующих переводов «Слова». Скачущий хорей, напоминающий «русский стих» первых переводчиков «Слова», сменяется у него «балладным» амфибрахийем, а этот последний — торжественным гекзаметром, чтобы затем снова уступить место хорею или ямбу или даже «народному сказочному размеру» Л. Мея.

Судьба «Слова о полку Игореве» в нашей поэзии второй половины XIX в. связана с именем поэта А. Н. Майкова. Появление в печати в 1870 г. перевода Майкова⁹² было значительным событием в истории освоения «Слова о полку Игореве» нашей поэзией XIX в. Стараясь привести свой перевод «Слова» в соответствие с последними данными современной ему филологической науки, Майков изучил относящуюся к «Слову» научную и художественную литературу, даже обратился к Ипатьевской летописи. В своем переводе «Слова» Майков старался по возможности сохранить слова и выражения подлинника. Близость к тексту оригинала — одно из основных достоинств перевода. Перевод сделан белыми стихами, так называемым «сербским» эпическим пятистопным хореем с женским окончанием. Весь свой перевод Майков выдержал в одной и той же тональности, в одних и тех же ритмах. Мерное, всегда спокойное и невозмутимое течение стихов Майкова придает его переводу «Слова» несвойственный оригиналу величаво-эпический характер. Сложный и прихотливый рисунок ритмической прозы оригинала не нашел своего воспроизведения в переводе. В излишне спокой-

⁸⁹ В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 г. — «Современник», 1847, № 1, стр. 29.

⁹⁰ Слово о полку Игореве, сына Святослава, внука Ольгова. Пер. Л. Мея. М., 1850.

⁹¹ Игорь князь Северский. Поэма. Пер. Н. Гербеля. СПб., 1854.

⁹² См.: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1893, стр. 507—534.

ном, эпическом переводе Майкова несколько потускнела лирическая стихия «Слова», притупилась и его политическая заостренность. Во многих отношениях правильно наметив проблему поэтического перевода «Слова о полку Игореве», Майков этой проблемы не решил.

Не решили ее и ближайшие продолжатели Майкова, переводчики «Слова» 70-х годов XIX в.: Н. Алябьев,⁹³ А. Скульский⁹⁴ и др. Алябьев в своем переводе попытался «проголодать» «Слово о полку Игореве» в стиле «Причитаний Северного края» Е. Барсова; некоторые отрывки его перевода довольно отчетливо воспроизводят интонацию причитаний знаменитой вопленицы Ирины Федосовой. А. Скульский пошел по следам Л. Мея: «Слово» передано в ритмах «Песни про купца Калашникова» М. Лермонтова, а иногда и в ритмах «песен» А. Кольцова. Стремясь усилить «народный» колорит своего перевода, Скульский испестрил его уменьшительно-ласкательными словами и синонимическими повторами: *травушка, веточка, времечко, племечко* и т. п. Показателен в этом отношении и его Боян, который «десять перстиков на живыя струны складывал».

В дореволюционной поэзии XX в. «Слово о полку Игореве» не оставило заметного следа. Никаких новых горизонтов перевода, ряда провинциальных поэтов не открывали. Такие направления нашей поэзии первого и второго десятилетий XX в., как символизм и акмеизм, прошли мимо «Слова»: новых переводов «Слова» они не дали. Исключение представляют футуристы, в поэтическом наследии которых числится один перевод «Слова о полку Игореве». Перевод этот принадлежит поэту Николаю Гейнрихсену. В жанровом отношении этот перевод, вышедший под заглавием «Русь» (в скобках «Слово о полку Игореве»), без указания года и места издания (по-видимому, в 1914 г.), представляет собой род инсценировки на сюжет «Слова» в рамках лиро-эпической поэмы. Ломающиеся ритмы, метафоры, построенные по принципу «отдаленных аналогий», не соответствующие синтаксическим нормам словосочетания, неологизмы — всеми этими приемами футуристической поэтики Н. Гейнрихсен злоупотребляет в достаточной степени.

Сейчас мы уже располагаем рядом поэтических переводов «Слова» на русский язык, сделанных советскими поэтами. По тому, как эти поэты решают проблему поэтического перевода «Слова о полку Игореве», все они могут быть подразделены на четыре группы: одни переводят «Слово» в плане той или иной поэтической системы XIX—XX вв., под того или иного поэта, обычно «любимого»; другие считают своим долгом придать

⁹³ Слово о полку Игореве (Новейший буквальный перевод в стихах Н. Алябьева) и Слово о Мамаевом побоище. М., 1873.

⁹⁴ Слово о полку Игореве. Переложение в стихах А. Скульского, с историческими примечаниями. Ярославль, 1876.

«Слову» недостающий ему «народный» колорит и переводят его в народно-песенном ритме; третьи не столько переводят, сколько создают свои собственные вольные композиции на текст «Слова»; четвертые экспериментируют, ищут путей к такому переводу «Слова», который наиболее адекватно оригиналу передавал бы не только его текст, но и поэтический стиль.

Типичным представителем переводчиков первой группы является Д. Семеновский.⁹⁵ Переводчик разделил текст на песни, которым дал особые заглавия: «Запев», «Поход», «Роковая сеча» и т. п. «Слово» он перевел разными русскими классическими размерами, специально подобранными для каждой песни. В своем переводе он идет вслед за Гербелем, но новинкой является попытка в одном случае переложить «Слово», используя типично некрасовские ритмические вариации.

К переводчикам второй группы прежде всего следует отнести А. И. Никифорова.⁹⁶ Его перевод выдержан в условном народно-песенном, былинном складе. Об этом свидетельствует пристрастие переводчика к дактилическим окончаниям и стремление усилить «народный» колорит «Слова» ассортиментом синонимических повторов и ласкательно-уменьшительных слов: *путь-дороженька, стремечко, обидушка, зорюшка* и т. п. Перевод нередко выпадает из стиля. В нем немало слов и словосочетаний, которые на фоне его условной народно-песенной лексики звучат резкими диссонансами, разрушающими стилистическое единство этого фона. Эти модернизмы, сочетающиеся с «народными» словами и словосочетаниями, часто звучат антихудожественно.

Переводчики третьей группы дают вольные композиции на темы «Слова» — «свободное воспроизведение древнего памятника средствами современной поэтической речи». Сюда относятся переводы М. Тарловского⁹⁷ и Н. Заболоцкого.⁹⁸ Против вольных композиций на темы «Слова» можно и не возражать. «Слово» в свободном воспроизведении Н. Заболоцкого лишено настроения и своеобразной, суровой и сдержанной лирики. Есть места в его переводе, превосходно передающие воинственный, феодальный колорит эпохи. «Перевод» же М. Тарловского — типичный образец формалистического трюкачества, что и было отмечено нашей критикой.⁹⁹

⁹⁵ Д. Семеновский. «Слово о полку Игореве». Иваново, 1939.

⁹⁶ А. И. Никифоров. «Слово о полку Игореве». — «Народное творчество», 1938, № 5, стр. 11—16.

⁹⁷ Слово о полку Игореве. Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. М., «Сов. писатель», 1938, стр. 289—308.

⁹⁸ Слово о полку Игореве. Пер. Н. Заболоцкого. — «Октябрь», 1946, № 10-11, стр. 84—100.

⁹⁹ Е. Златова. «Ты зарвался, перепелятник!» — «Красная новь», 1939, № 1, стр. 267—268; Даниил Подстрочник. «С неизвестного языка...» — «Звезда», 1939, № 2, стр. 239—241.

Характерной особенностью переложений «Слова», принадлежащих переводчикам четвертой группы — Г. Шторму,¹⁰⁰ С. Шервинскому,¹⁰¹ И. Новикову¹⁰² и А. Югову,¹⁰³ — является прежде всего их относительная точность, близость к тексту подлинника. Переводчики перевели «Слова» ритмической прозой. Отказавшись от стилизации «Слова» под тот или иной жанр, они поставили себе трудную и ответственную задачу: воспроизвести с максимальной приближенностью к оригиналу не только его текст, но и его поэтический стиль. В какой-то степени это им удалось. Но, к сожалению, эти переводчики иногда грешат гиперкритикой текста. Последний упрек относится в первую очередь к А. Югову. Свой в сущности неплохой перевод он в значительной степени сам обесценил многочисленными малоубедительными, а подчас, с точки зрения специалиста, фантастическими конъектурными поправками.

Подводя итог, следует сказать, что пока, на сегодня, лучшим переводом можно считать перевод «Слова о полку Игореве», сделанный В. Жуковским.¹⁰⁴

¹⁰⁰ Слово о полку Игореве. М., 1938, стр. 220—239.

¹⁰¹ Там же, стр. 240—260.

¹⁰² Там же, стр. 309—340. Ср.: Слово о полку Игореве. Пер., предисл. и пояснения И. Новикова. М., 1938.

¹⁰³ Слово о полку Игореве. Пер. и комментарий А. Югова. М., 1945.

¹⁰⁴ Издания текста «Слова о полку Игореве»: Слово о полку Игореве. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950 (серия «Литературные памятники») (подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева); Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 241—250 (издание текста и пер. И. П. Еремина). Слово о полку Игореве. Л., «Сов. писатель», 1967 («Библиотека поэта». Большая серия) — составление и подготовка текста Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева; вступительная статья Д. С. Лихачева). — Работы И. П. Еремина о жанре «Слова» указаны выше (см. также: И. П. Еремин: 1) «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — Уч. зап. ЛГУ, № 90, серия филолог. наук, вып. 13, 1948, стр. 35—59; 2) «Слово о полку Игореве» в советском литературоведении. — ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 15—23].

ЛИТЕРАТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIII века

Феодалные войны XII в. привели к тому, что Киевское государство распалось. Владимиру Мономаху временно удалось приостановить процесс распада, но после смерти Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, распад государства стал еще более очевиден. Культурная жизнь перемещается на северо-восток (Владимиро-Суздальское княжество) и на юго-запад (Галицко-Волынское княжество). Перемена политической ситуации, разобщенность Русской земли не могли не сказаться на литературном движении. Единого литературного движения не было. Начиная с XIII в. складываются областные литературы. Это отразилось и на качестве, и на количестве литературных произведений, на их идейном содержании, на литературной культуре в целом. Так, например, резко падает значение красноречия.

В каждой области развиваются литературные жанры, которые были уже в XI—XII вв.

Одна из групп литературных памятников XIII—XIV вв. представляет собой непосредственное продолжение старой киевской традиции. Это литература, стадильно связанная с киевской литературой. Наибольшее значение среди дошедших до нас памятников этого периода имеют «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», Житие Александра Невского, повести о татарском нашествии.

«Моление» Даниила Заточника

«Моление» Даниила Заточника было открыто и впервые частично опубликовано Н. М. Карамзиным в примечаниях к его «Истории государства Российского». Это памятник, во многих отношениях загадочный. Изучение его сопряжено с большими трудностями, так как ни один из дошедших до нас списков этого памятника не воспроизводит его первоначального, ар-

хетипного текста. «Моление» дошло до нас в списках не ранее XVI—XVII вв., со следами позднейших вставок, интерполяций. Все известные нам списки «Моления» относительно четко делятся на две редакции, существенно отличающиеся одна от другой и по составу, и по тексту. Какая из этих редакций лучше воспроизводит оригинал, автограф Даниила — по этому вопросу в нашей литературе уже давно идет спор, который продолжается и по сегодняшний день.

«Моление» Даниила Заточника представляет собой просительное письмо, челобитную, с которой некий Даниил, судя по тексту «Моления», находящийся в заточении, обращается к князю (во всех списках князь носит имя Ярослава).

Даниил просит князя облегчить его горькую участь, взять к себе на службу в качестве советника, княжеского думца. Желая наглядно показать князю свой ум и образованность, Даниил приложил все усилия к тому, чтобы придать своей челобитной характер литературного произведения. Все «Моление» — в этом одна из характерных его особенностей — состоит из остроумных изречений и афоризмов, которыми автор искусно пользуется, чтобы, с одной стороны, обрисовать князю свое плачевное положение и нужду, с другой, — склонить князя к милости.

Характеризуя свою мудрость, Даниил говорит: «Я не в Афинах вырос и не у философов учился, но припадая, как пчела к различным цветам, к книгам, выбирал из них сладость словесную и совокуплял мудрость, как в мех воду морскую». Историко-литературный анализ «Моления» Даниила Заточника полностью подтверждает эту его автохарактеристику. Начитанный книжник Даниил, составляя свое «Моление», действительно уподобился пчеле, собирающей мед, перелетая с цветка на цветок.

«Моление» — искусная словесная мозаика, составленная из изречений и афоризмов, заимствованных из самых разнообразных источников. Список этих источников очень велик: Псалтырь, «Песнь песней», «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», «Притчи Соломона», «Повесть об Акире Премудром», сборники изречений. Начитанность Даниила в памятниках этого рода литературы поистине грандиозна. Многие изречения и афоризмы он цитирует на память, переплетая их с народными поговорками и пословицами. По жанру «Моление» напоминает современные ему шуточные послания византийских писателей XII в. Феодора Птохопродрома и Михаила Глики, известных своими своими просительными письмами из тюрьмы к византийскому императору.

Зная добросердечие князя, Даниил решил обратиться к нему с просьбой. Ибо, говорит святое писание, «просите и примете». «Княже, мой господине! Помяни меня во княжении своем», — просит Даниил. «Вижу, господине, что все люди, как

солнцем, согреваются милостию твоею, только я один, как трава, растущая в тени, над которой не сияет солнце и которую не поливает дождь. Хожу во тьме, отлученный день и ночь от света очей твоих. Приклони, господине, ухо твое к словам из уст моих и от всех скорбей моих избави меня».

Даниил уподобляет себя сухому дереву, стоящему «при пути» и посекаемому проходящими мимо: все его обижают, потому что он не огражден страхом грозы княжеской, как оградою твердою. «Богатого человека везде знают, даже в чужом городе, а убогий человек и в своем городе неведом ходит. Богатый заговорит — все молчат, и слово его до облаков вознесут, а убогий заговорит — все на него закричат», ибо, с грустью отмечает Даниил, «их же бо ризы светлы, тех и речи честны».

Но пусть князь обратит внимание не на его внешние, а на внутренние качества; «одеянием я скуден, но зато разумом обилен, — рекомендует себя Даниил князю, — возрастом юн, но смыслом стар». Даниил уверяет князя, что мыслию он парит, как орел по воздуху.

Чтобы расположить к себе князя, Даниил далее расточает ему хвалы, пользуясь цитатами из «Песни песней» царя Соломона: «...глас твой сладок, и уста твоя мед истачают... руже твои исполнены яко от злата аравийска; ланиты твоя яко сосуд араматы... очи твои яко источник воды живы; чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитая» и т. д.

Воздав хвалу князю, Даниил снова просит его о милости: «Княже мой, господине, не смотри на меня, как волк на ягненка, но посмотри на меня, как мать на младенца... Да не будет рука твоя согнута на подавание убогим. Ибо написано: „прорящему у тебя дай, толкущему отверзи“...».

Даниил откровенно признается князю, что он не слишком храбр на рати, но зато в словах крепок; умный советник, по его мнению, будет более полезен князю, чем храбрый, но глупый воин.

До сих пор он служил у бояр и испытал немало «зла» от них. Он не хочет больше находиться от них в зависимости. Он хочет служить князю. Лучше ему в доме князя носить лапти лыковые, чем сапоги сафьяновые во дворе боярском. Лучше воду пить в доме князя, нежели мед в боярском дворе. Лучше получить испеченного воробья из рук князя, чем баранье плечо из рук злых господ.

Когда-то он был богат, но богатство его давно исчезло. Теперь он живет в нищете. Плача и горя исполнена его жизнь. «Обрати тучю милости твоея на землю худости моея», — взывает Даниил к князю. «Земля плод дает обилия, дерева — овощь, а ты нам, княже, богатство и славу. Все бо притекают к тебе и обретают от печали избавление; сироты худые, от богатых потопляемы, аки к заступнику теплому, к тебе прибегают. Птенцы радуются под крылома матери своея, а мы ве-

селимся под державою твою». «Избави мя, господине, от нищеты, аки птицу от кляпцы, и исторгни мя от скудости моя, яко серну от тенета, аки утя, носимо в кохтях у сокола». «...Послушай гласа моего и постави сосуд сердечный под потоком языка моего, да ти накаплет сладости словесныя паче вод ароматских».

Автор уверен, что князь не останется глух к его просьбе, ибо князь благ и мудр: «Орел птица — царь надо всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не уstraшитcя; а ты, княже, речеши, кто не убоятся? Яко же бо змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже наш, грозен множеством вои. Злато красота женам, а ты, княже, людем своим. Тело крепится жилами, а мы, княже, твою державою. Птенцы радуются весне, а младенцы матери, а мы, княже, тебе. Гусли строятся персты, а град наш твою державою».

Умоляя князя взять его к себе на службу, Даниил еще раз напоминает ему о выгоде иметь при себе мудрого советника. «Пошлешь мудрого мужа в путь, он точно исполнит поручение; пошлешь глупого — не поленись, сам пойдй». «Мудрого поучи, он станет еще мудрее; глупого — хоть кнутом бей, не убавится у него глупости». «Когда поймает синица орла, тогда глупый ума наберется». «Глупых не сеют, не жнут, не прядут, не ткут — сами рождаются».

Князь может ему посоветовать жениться на богатой невесте и тем самым поправить свои материальные обстоятельства. Но мысль о женитьбе приводит Даниила в ужас. «Лучше лихорадкой заболеть; лихорадка потрясет и отпустит, а злая жена до смерти засушит». Перспектива оказаться в зависимости от собственной жены отнюдь не улыбается Даниилу, ибо «ни птица во птицах сычь; ни в зверех зверь еж, ни рыба в рыбах рак; ни скот в скотех коза; ни холопы в холопах, кто у холопа работает; ни муж в мужех, кто жены слушает, ни работа в работех под женами повозничати». «Лучше бы ми железо варити, нежели со злою женою быти». «Жена бо злообразна подобна перечесу: сюда свербит, сюда болит». «Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кошунница бесовская, мирской мятеж, ослепление уму, начальница всякой злобе, поборница греху, засада от спасения». «Лутче есть во утле лодие ездити, нежели злой жене тайны своя поведати: угла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лутче камень долбити, нежели злою жену учити; железо уваришь, а злой жены не научишь».

Немало, должно быть, насолили Даниилу женщины в жизни.

Предвидя, что князь может ему посоветовать постричься в монахи, Даниил спешит указать причины, по которым он ни-

как не может и не хочет принять это предложение. «Лучше мне так жизнь свою окончить, нежели, восприяв ангельский образ, солгать богу». Все монахи — обманщики. Многие из них, дав обет отречения от мира, затем снова возвращаются в мир («как пес на своя блевотины»). Где свадьбы и пиры, тут и монахи с монахинями, тут и беззаконие. Все монахи, по убеждению Даниила, — монахи только по внешнему виду: «...ангельский имея на себе образ, а блудной нрав; святительский имея на себе сан, а обычаем похабен».

Исчерпав все доводы, Даниил решает прекратить свою речь, чтобы во многословии не растрчивать зря свои умственные богатства: «И птица, если много поет, надоедает человеку». Заканчивается «Моление» Даниила «похвалой» и добрыми пожеланиями князю Ярославу.

Кто был по своему социальному положению Даниил? Большинство исследователей считает его членом младшей княжеской дружины. Один из исследователей этого вопроса проф. Н. К. Гудзий,¹ присоединяясь к мнению, высказанному еще в 1859 г. А. П. Шаповым,² думает, что Даниил — боярский холоп, горестно переносящий свою холопью службу у какого-то немилостивого боярина; он просится в холопы к князю в надежде выслужиться у него и со временем стать его свободным дружинником. В тексте «Моления» действительно имеются места, которые говорят в пользу гипотезы Гудзья. Неприемлем, с моей точки зрения, только вывод, который делает Гудзий отсюда: по его убеждению, Даниил — «выразитель холопских позиций, впервые заявленных в литературе и нашедших себе в „Молении“ очень яркое выражение». Это последнее утверждение Гудзья — скачок от происхождения автора к его идеологии.

Когда было написано «Моление»? На этот вопрос ответить не так легко. Вопрос о времени написания «Моления» упирается в другой: к какому князю обратился Даниил со своим «Молением», кого именно просил о помощи и милостыне?

Дело в том, что обе редакции «Моления» называют разных князей. Первая редакция озаглавлена так: «Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Владимировичу». Вторая редакция — «Моление [или „Послание“] Даниила Заточника к своему князю Ярославу Всеволодовичу». Итак, судя по заглавиям списков, Даниил обращался к Ярославу Владимировичу или Ярославу Всеволодовичу. К которому же из двух? Мнения исследователей расходятся. По мнению од-

¹ Н. К. Гудзий. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., Изд. АН СССР, 1933, стр. 477—485.

² А. П. Шапов. Голос древней русской церкви об улучшении быта неосвобожденных людей. — Соч., т. 1. СПб., 1906, стр. 1—15.

них, Даниил писал правнуку Владимира Мономаха князю Ярославу Владимировичу, княжившему в Новгороде с 1182 по 1199 г. По мнению других, — князю Ярославу Всеволодовичу, правнуку Владимира Мономаха, княжившему в Переяславле Северном с 1213 по 1236 г.

Таким образом, одни исследователи относят «Моление» к XII в., другие — к первой половине XIII в.

Какое же из этих предположений вероятнее?

Ответ на этот вопрос, очевидно, будет зависеть от того, какую редакцию «Моления» мы признаем первичной — первую или вторую, ту, в которой назван князь Ярослав Владимирович, или ту, в которой назван князь Ярослав Всеволодович.

В настоящее время мнение большинства исследователей «Моления» Даниила Заточника склоняется к тому, что вторая редакция ближе к оригиналу, первичнее. Вот что пишет Н. К. Гудзий, обобщая и развивая соображения своих предшественников: «С точки зрения конкретности, фактической наполненности и историчности, а также присутствия личного начала все преимущества на стороне так называемой „второй“ редакции. Из нее, и только из нее, уясняются конкретно те личные жизненные обстоятельства, которые побудили автора написать обращение к своему князю. Автор находится в экономической зависимости от бояр и хочет избавиться от нее при помощи князя. Эта зависимость и является источником всех тех бедствий и того морального унижения, о которых он столь энергично и настойчиво заявляет князю... Все эти конкретные черты, характеризующие авторскую индивидуальность, стираются в так называемой „первой“ редакции. Автор там предстает перед нами в обобщенном образе библейского бедняка, от которого отвернулись его ближние и который терпит напасти, точно неизвестно — от кого; социальная позиция его и его врагов неясна».³

Я целиком присоединяюсь к оценке обеих редакций, которую дал Н. К. Гудзий, и вслед за ним думаю, что «Моление» Даниила Заточника — памятник не XII, а первой половины XIII в. Относится он ко времени княжения в Переяславле Северном Ярослава Всеволодовича, т. е. ко времени между 1213 и 1236 гг., быть может, к 20-м годам XIII в., судя по заключительным словам: «Не дай же, господи, в полон земли нашей», — в которых можно видеть намек на татарское нашествие 1223—1224 гг.⁴

³ Н. К. Гудзий. К какой социальной среде... — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, стр. 479.

⁴ Издания текста «Моления»: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. [Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., Гослитиздат, 1957, стр. 227—234 (пер. Д. С. Лихачева)].

«Слово о погибели Русской земли»

В научной литературе уже не раз отмечалось сходство «Слова о полку Игореве» со «Словом о погибели Русской земли». Действительно, трудно указать другое произведение в древнерусской литературе, которое так близко напоминало бы нам «Слово» о походе Игоря. Оба произведения могут быть поставлены в один литературный ряд не только в силу высокого патриотизма своего содержания, но и в силу особенностей художественной формы: лирического восприятия природы, отчетливо ритмической прозы, некоторых общих деталей поэтической фразеологии.

«Слово о погибели Русской земли» впервые было опубликовано в 1892 г. и уже давно заняло место среди наиболее выдающихся произведений древнерусской литературы.

Время и обстоятельства его написания выясняются из строк, которыми в дошедшем до нас тексте «Слово» завершается: «А в ты дни болезн (быша?) крестияном, от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныншяго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго».

Из слов этих следует, что «Слово» было написано при «ныншнем» Ярославе, т. е. еще при жизни князя Ярослава Всеволодовича — до 1246 г.

О какой «болезни» идет речь в «Слове»? Указанная дата позволяет ответить на этот вопрос вполне точно. Нет сомнения, что речь здесь идет о татаро-монгольском нашествии 1237—1238 гг. на Северо-Восточную Русь, когда были взяты татарями, разорены и сожжены крупнейшие ее города: Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, столица Северо-Восточной Руси — Владимир, Переяславль. На это же указывает и само заглавие «Слова». Представление о «погибели» Русской земли могло родиться только под свежим впечатлением именно этих грозных событий.

Упоминание имени «ныншяго» Ярослава на первом месте — до упоминания имени «брата его Юрья, князя Володимерьскаго» — дает основание предполагать, что «Слово» было написано уже после битвы на реке Сити 4 марта 1238 г., когда погиб Юрий Всеволодович и когда владимирский стол после смерти брата занял Ярослав Всеволодович.

Центральная тема «Слова о погибели Русской земли» — скорбь о Русской земле, разоренной и поруганной иноземными захватчиками. Тема эта развернута автором на основе контрастного противопоставления: «болезни» переживаемого момента противопоставляется недавнее прошлое Русской земли. С острой болью за все понесенные утраты рисует автор природные богатства своей «светло светлой» и «украсно украшенной» родины, ее необъятные просторы, ее былое политическое могущество.

Обращает на себя внимание, как намечает автор «Слова» географические границы Русской земли: на западе они соприкасаются с землями «чехов», «угров» и «ляхов», на севере замыкаются «дышючим морем», на востоке тянутся далеко за «буртасами» и «мордвой». В изображении автора «Слова» Русская земля, уже давно разделенная на обособленные феодальные княжества, нередко враждующие между собой, едина. И это четкое сознание единства Русской земли — лучшее свидетельство того, что автор «Слова», оплакивая «погибель» своей родины, отражал народную оценку событий, народную скорбь о постигшей Русь беде.

Заглавие произведения («Слово о погибели Руския земли») дает основание отнести его по жанру к памятникам художественной ораторской прозы древней Руси. В содержании и в литературном оформлении «Слова» нет ничего, что противоречило бы этому утверждению.

Завершающая текст «Слова» фраза: «А в ты дни болезнь крестяном, от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынешняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго» — напоминает «Слово о полку Игореве»: «Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимира до нынешняго Игоря...» В «Слове о полку Игореве» фраза эта служит переходом к его центральной части — рассказу о походе Игоря на половцев. Не исключена возможность, что и в «Слове о погибели Русской земли» аналогичная фраза выполняет ту же композиционную функцию.

Если это так, то известный нам текст «Слова о погибели Русской земли» следует рассматривать как вступление к такому повествованию, как начало произведения, в полном своем объеме до нас не дошедшего.

О чем могла идти речь в этой не дошедшей до нас части «Слова»? Очевидно, о том, на что прямо указывают и заглавие «Слова», и его заключительные строки — о «погибели» Русской земли, о постигшей ее беде («болезни»). Нашествие татар и тот «пополох зол», который явился результатом этого нашествия, разорение Северо-Восточной Руси, взятие татарами стольного города Владимира, битва на реке Сити — вот, видимо, о чем рассказывала или кратко напоминала читателю эта часть «Слова» — возможно, с лирическими отступлениями в сторону, с экскурсами в далекое прошлое («от великаго Ярослава и до Володимера»). Вероятно, героем повествования был великий князь Юрий Всеволодович, трагическая судьба которого тогда была в центре взволнованного внимания современников.⁵

⁵ [Издание текста «Слова» и исследование см.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965. — Перевод «Слова» на современный русский язык см. в кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 251—253 (пер., статья и комментарии И. П. Еремина)].

Житие Александра Невского

Так называемое Житие Александра Невского (в рукописях оно не имеет устойчивого заглавия и называется иногда «житием», иногда «повестью» или «словом») принадлежит к наиболее замечательным произведениям древнерусской литературы XIII в. Небольшое по объему, оно дошло до нас и отдельно, и в составе некоторых летописей.

Житие не представляет полной и систематически изложенной биографии князя; в нем не находим многого, что известно о князе Александре Ярославиче из других источников. Перед нами ряд эпизодов из его жизни и деятельности, ряд отрывочных воспоминаний, вольный порядок которых только в самых общих чертах воспроизводит последовательность событий. В житии нет ни одной даты, ни одного более или менее подробного и обстоятельного рассказа: некоторые факты изложены так, что даже не всегда ясно, о чем идет речь. Нет сомнения, что полная биография Александра Невского и не входила в задачу автора жития.

Содержанием жития является не столько биография князя, сколько его образ, дорогой и близкий автору и уже опоэтизированный народной молвой.

Автор жития отбирал преимущественно такие факты из жизни князя, которые позволяли показать его во весь рост прежде всего как доблестного полководца, стоящего на страже рубежей Русской земли, как народного героя — защитника родины. Автору ясна и понятна основная историческая заслуга Александра Невского. Не успела Русская земля несколько оправиться от татаро-монгольского нашествия, как возникла новая грозная опасность, на этот раз надвигавшаяся с Запада, — опасность захвата русских земель немцами и шведами. Русские войска под предводительством Александра Ярославича нанесли сокрушительный удар немецким и шведским завоевателям и отбросили от границ Русской земли их наголову разбитые полчища. Не удивительно, что рассказ о блестящей победе над шведами у берегов Невы в 1240 г. и о битве на Чудском озере 1242 г. оказался в центре жития и принадлежит к самым патетическим его страницам. Повествуя о храбрости и мужестве Александра Невского, автор жития не забыл и его соратников, рядовых дружинников князя: в житии не только названы их имена, но и кратко описаны их воинские подвиги.

Наиболее характерная особенность литературного строя жития — подкупающая простота и искренность лирического одушевления, как светом пронизывающая изнутри все повествование и порой прорывающаяся в отступлениях «от автора» — то ликующих, то скорбных (при описании кончины князя).

Желая достойно прославить народного героя, автор сделал все, что было в его силах: привлек в помощь, говоря словами

В. О. Ключевского, писание и «божественное», и «человеческое».⁶ В житии налицо отзвуки и книг священного писания, и житий святых, и известных на Руси в то время переводных воинских повестей об Александре Македонском, о византийском народном герое Дигенисе Акрите (Девгении), и даже «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Каждое из этих произведений оставило свой след в житии. В окружении литературных аналогий и цитат Александр Невский предстает перед нами то в образе царя-военачальника библейской древности, то храброго витязя книжного эпоса, то иконописного «праведника». Этот несколько пестрый стилистический наряд, в который подчас облакает своего героя автор жития, еще одна с его стороны дань светлой памяти покойного князя.

Житие было написано уже после смерти Александра Невского (умер в 1263 г.) по воспоминаниям автора, лично знавшего князя, и со слов очевидцев (автор не раз на них ссылается), вероятно, в 70—80-х годах XIII в. Возможно, автор жития был родом из Галича и прибыл оттуда во Владимир в 1250 г. в свите митрополита Кирилла.⁷ Наличие в тексте жития некоторых характерных особенностей юго-западной, галицкой школы письма, во всяком случае, не подлежит сомнению.

В научной литературе существует предположение, что Житие Александра Невского якобы не дошло до нас в своем первоначальном виде и представляет собой церковную переработку первоначальной чисто светской повести дружинного происхождения об Александре.⁸ Странники этой точки зрения даже пытались приблизительно восстановить облик предполагаемой повести; фрагменты ее они усматривали в «светских» эпизодах дошедшего до нас текста жития, в одной из поздних переделок того же жития и в «Слове о погибели Рускыя земли»; в последнем произведении они склонны видеть вступление к повести, ссылаясь на тот факт, что в известных нам пока списках «Слово» читается непосредственно перед Житием Александра Невского. Предположение это и в частных своих утверждениях, и в целом лишено достаточных оснований и, на наш взгляд, принято быть не может. Оно не опирается на детальный текстологический анализ всего рукописного материала, относящегося

⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 69.

⁷ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 49—52.

⁸ [См.: Н. С. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, стр. 151—174; 210—213; С. Бугославский. К вопросу о первоначальном тексте Жития великого князя Александра Невского. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, 1914, стр. 261—290; ср.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1946, стр. 50—56 (статья В. Л. Комаровича); А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 141—143].

к Житию Александра Невского (такой анализ еще не проделан), исходит из ошибочной предпосылки, отрицающей в произведениях древнерусской литературы возможность соединения в одном повествовательном ряду различных стилистических систем изложения, «светского» и «церковного» начала.⁹

Повести о папарском нашествии

В 30-х годах XIII в. на Русь обрушилось бедствие — татаро-монгольское нашествие. Несколько раньше жертвами татаро-монгольских орд стали Северный Китай, Туркестан, Южный и Северный Кавказ и половецкая степь. Половцы, на которых напали татары, обратились за помощью к русским князьям. Киевский князь Мстислав, Мстислав Черниговский и другие князья южной Руси согласились выступить вместе с половцами против грозного, еще никогда не виданного противника, против «неслыханной рати». 16 июня 1223 г. произошла битва на реке Калке, первое сражение русских с татарами. Битва закончилась победой татар. Силы были слишком неравны. Русское войско было разбито: одних киевлян погибло больше десяти тысяч, пали в бою почти все князья.

Это нашествие не было долгим: татары опустошили русские города и ушли в Азию. Но в 1237 г. они снова появились. Зимой 1237 г. полки Батыея перешли правый берег Волги и подошли к Рязани. Рязань была взята штурмом, рязанский князь Юрий вместе с братьями был убит, перебито было почти все население города. Подступив далее к Владимиру, татары осадили его, а вскоре разорили и сожгли. 4 марта 1238 г. произошла битва на реке Сити, где разрозненные силы Северо-Восточной Руси тщетно пытались противостоять татарам. Великий князь владимирский Георгий Всеволодович был убит. Татары, захватив и другие города, вступили в южную Русь. В 1240 г. был взят Киев. Наступили годы татаро-монгольского ига, тяготевшего над Русской землей более двух веков. Только в 1480 г. московский князь Иван III смог отказать от уплаты ежегодной дани татарам.

Татарское иго отбросило Русь на несколько веков назад. В годы татарского владычества стали хиреть культурные центры, литература стала мельчать, терять свое былое значение. Только одна тема — освободительная борьба с татаро-монголами — воодушевляла древнерусских авторов. Первым из древнерусских писателей откликнулся на события, связанные с татар-

⁹ [Издание текста: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в., стр. 12—83, 158—180. — Перевод на современный русский язык см. в кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 255—263 (пер., статья и комментарий И. П. Еремина)].

ским игом, Серапион, епископ владимирский и суздальский. Большую часть жизни Серапион прожил в Киево-Печерском монастыре, иноком которого он был, а в 1274 г. стал епископом владимирским и суздальским. Епископскую кафедру Серапион занимал лишь один год, под 1275 г. в Лаврентьевской летописи сообщается, что Серапион «преставился».

До нас дошли пять поучений-«слов» Серапиона. Первое поучение было создано и произнесено в Киеве в 1230 г., остальные четыре — во Владимире. Написанные в форме развернутого обращения к народу, «слова» Серапиона ярко изображают картину разорения Руси. На Русскую землю пришел «народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий ни красоты юных, ни немощи старых, ни младости детей. . . Кровь отцов и братьев наших, как река обильная, землю напоила, князей наших воевод храбрость исчезла. . . братья и дети наши в плен отведены, села наши кустарником поросли. . . Красота наша погибла, труд наш поганые захватили. . .». Татарское нашествие, с точки зрения Серапиона, — казнь, ниспосланная богом за грехи, так как переполнилась чаша терпения бога. Серапион перечислял грехи и беззакония своих соотечественников и прежде всего сурово обличал современных ему князей, с горечью говорил об отсутствии единства, упрекал их за междоусобные распри. «Злоба одолела нас, — писал Серапион в „слове” третьем, — . . . ненависть к близким вселилась в сердца наши, ненасытная жажда богатства подчинила нас. . . как зверье алчет насытиться мясом, так и мы. . . хотим всех погубить, а горькое и кровавое то богатство себе захватить. Звери, поев, насыщаются, мы же насытиться не можем, добыв одно, другого желать начинаем».

Своими поучениями Серапион надеялся пробудить в князьях чувство солидарности, патриотизма, национальной чести, и в этом его поучения перекликаются со «Словом о полку Игореве». Серапион как публицист продолжал дело своих предшественников — писателей Киевской Руси, обсуждавших в своих поучениях и «словах» важнейшие проблемы общественной жизни Руси. В литературном отношении поучения Серапиона относятся к лучшим произведениям древней Руси. Простота изложения, ритмичность речи, возникающая благодаря чередованию предложений одинаковой синтаксической конструкции, — вот что характеризует его «слова».

Сочинения Серапиона относятся к жанру церковной ораторской прозы.¹⁰

В летописях рассказы о татаро-монгольском нашествии также занимают большое место. Особенно интересны два летопис-

¹⁰ Издание «слов» Серапиона Владимирского и исследование см. в кн.: Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.

ных сказания. Первое из них — «Повесть о битве на реке Калке» — по Лаврентьевской летописи является самым древним откликом на события 1223 г. В летописи рассказывается о том, как половецкий хан Котян обратился к черниговскому князю Мстиславу с просьбой о военной помощи и предупредил: «. . . аще не поможета нам, мы ныне исечени быхом, а вы наутрее исечени будете».¹¹ Это сказание о нашествии татар дошло до нас и в более поздних летописях, например в летописи Тверской, где прибавлен один эпизод к сказанию, описанному в Лаврентьевской летописи, а именно эпизод празднования татарами своей победы. В Тверской летописи говорится также о гибели семьдесятя русских богатырей во главе с Александром Поповичем, который, вероятно, был представителем городского ополчения.¹² Больше о нем ничего не известно, но память о нем сохранилась в целом цикле былин об Алеше Поповиче.

Второе сказание — «Повесть о разорении Рязани Батыем» в 1237 г. — типичная «воинская повесть». В ней налицо все характерные особенности этого жанра: батальная романтика, лиризм, идеализация рыцарских подвигов князей и дружины, их мужества и доблести. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в 1237 г. в этом отношении представляет собой прямую противоположность поучениям Серапиона Владимирского. Здесь нет и тени того скепсиса, который обнаружил Серапион, говоря о мужестве и доблести современных ему князей, того горького пессимизма, которым окрашены его проповеди. Автор «Повести» охвачен глубокой скорбью, но скорбь эта заглушается «воинской» музыкой батальных сцен, гамом и шумом битвы, оптимизмом его глубокой веры в рыцарские доблести князей и дружины, предпочитающих смерть на поле брани позорному игу злых насильников-татар. «Повесть» пронизана верой в моральную силу русских бойцов, в их удаль, отвагу, стойкость и преданность родине.

Эта «Повесть» не дошла до нас в первоначальном виде. Она известна в списках не ранее XVI в., где текст осложнен вставками, подвергся переработке. Филологический анализ позволяет реконструировать текст, но эта работа еще не проделана. Вероятно, «Повесть» существовала в следующем виде.

В лето 6745 пришел со многими воинами татарскими на землю Русскую безбожный царь Батый и стал на реке Воронже близ земли Рязанской. И послал рязанскому князю Юрию Ингоровичу послов с требованием «десятины» во всем: «во князех, и в людех, и в конех». Князь Юрий стал просить помощи у великого князя владимирского. Великий князь владимирский Георгий Всеволодович отказался помочь: и сам не пошел, и

¹¹ Издание текста «Повести о битве на реке Калке» см.: ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стлб. 445—447.

¹² ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 335—343.

воинов своих не послал, «хотя сотворити о себе брань з Батыем». Тогда князь Юрий Рязанский стал искать помощи у братьев своих — у Давида Муромского, Всеволода Пронского, Глеба Коломенского — и у других князей «местных». И решили князья умиловить нечестивого Батыя дарами многими. И послал князь Юрий сына своего Федора Юрьевича с другими князьями к безбожному царю Батыю с дарами и просьбой великой, чтобы не воевал Рязанский земли. Царь Батый — лъстив он был и немилосерден — дары принял и обещал не воевать земли Рязанской, если рязанские князья пришлют к нему своих дочерей и сестер. Один из рязанских вельмож из зависти и, вероятно, желая подслужиться Батыю, сообщил ему, что у Федора есть жена из царского рода, княгиня Евпраксия, необыкновенная красавица. Батый сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту». Князь Федор засмеялся и сказал царю: «Не полезно (т. е. недостойно) бо есть нам, християнам, тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд. Аще нас приодолеши, то и женами нашими владети начнеши». Батый разгневался. И повелел он убить князя Федора Юрьевича, а тело его приказал кинуть зверям и птицам на растерзание. Спутники Федора также были перебиты, кроме одного, который успел скрыться и доставить жене Федора, княгине Евпраксии, известие о происшедшем. Княгиня в это время находилась в «превысоком» тереме своем, держа на руках сына Ивана. Узнав, что муж ее погиб любви ее ради и красоты, она бросилась вместе с сыном своим Иваном с «превысокого» терема и разбилась насмерть: «И плакашася весь град резански на мног час». Едва отдохнув от «великого плача и рыдания», отец Федора, князь Юрий Ингоревич собрал «воинство» свое и обратился к нему с такой речью: «О, господия моя братья, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не стерпим? Лутши нам смертью живота себе купити, за святыа божиа церкви и за веру крестьянскую смерти вкусити, а неже в сего окаяннаго и безбожнаго царя воли быти. Изопием чашу смертнугу и за веру крестьянскую и за отчину отца нашего великого князя Игоря Святославича». И отправился князь Юрий вместе с братьями своими и дружиной против нечестивого царя Батыя. И встретили его близ пределов рязанских. И напали на него. И бились крепко и мужественно. И была сеча зла и ужасна. Татары стали одолевать русских. Увидя «убиение» брата своего, князя Давида Ингоревича, и других князей, родичей своих, князь Юрий воскликнул: «Братиа моя милая и дружина ласкова, узорочье и възпитание резанское, мужайтесь и крепитесь; наш брат Давид преже нас чашу испил, и мы ли ее не пьем!» И пересели русские на других коней и снова начали биться. И так крепко и нещадно «удальцы и резвцы резанские» биться стали, что застонала земля под ними. Долго бились они, и едва одолели их полки

татарские. В битве погибли все князья, погиб и сам Юрий Ингоревич. Одержав победу, татары кинулись разорять Рязанскую землю.

Эта часть «Повести», написанная ритмической прозой,—одно из самых замечательных мест памятника. Она звучит как траурный, заупокойный хорал.

«Повесть» следующим образом описывает разорение Рязани: «...и пожегоша весь град, и княгиню великую [Агриппину] со снохами и с прочими княгинями во церкви соборной мечи изсекоша». А епископа и священнический чин огню предали, а во граде многих людей, и жен, и детей мечами иссекли и иных в реке потопили, иереев и черноризцев «до останка» иссекли, и весь град сожгли, и все «узороchie нарочитое, богатство резанское и киевское и черниговское» схватили. «И храмы божиа разориша, и во святых алтарех многи крови проляша... и ини мнози в полон поведении быша. И не оста в живых ни един во граде: вси равно умроша и едину чашу смертнюю пиша. Несть убо стонюща — ни отцу, ни матери о чадах, ни чадом о отцех и о матерех, ни брату о брате... но вси вкупе мертвии лежаша... погибе... град и земля Резанская, изменися доброта ея... и не бе что в ней благо ведати, токмо дым и земля и пепел. А церкви вси погореша, а сама соборная церковь внутри погореша и почерне... Не бе бо во граде пенна, ни звона, а в радости место — плачь... и рыдание». Все «лежаше на земли пusti, на траве ковыле, никим брегомы, и от зверей телеса их снесаемо, и от множества птиц—разтерзаемо — вси бо купно умроша и едину чашу смертнюю пиша».

Заканчивается сказание рассказом о подвигах рязанского воина Евпатия Коловрата. Когда Рязань была взята и разграблена, Батый со своими полчищами двинулся дальше на Суздаль и Владимир. В это время в Чернигове находился собиравший там дань рязанский воевода Евпатий Коловрат. Узнав о нашествии Батыя, он поспешно вернулся в родной край. Увидев город в развалинах, убедившись, что князья перебиты, что много народу погибло, вскричал Евпатий в горести души своей и распалился сердцем своим. Он собрал 1700 человек дружины и погнался за Батыем, решив «пити смертнюю чашу с своими государи равно». И внезапно напал на «станы» Батыевы и стал «сечи без милости». Татары испугались, подумали, что воскресли мертвые. Послал Батый шурина своего Таврула на Евпатия. Таврул хвалился, что приведет к Батыю Евпатия живым. Съехавшись с Таврулом, Евпатий выхватил меч и рассек Таврула «на полы». Татары испугались. Не решаясь вступать с ним в единоборство, они стали бить по нему из стенобитных орудий и «едва» убили его. Когда принесли тело Евпатия к Батыю, он велел собраться всем мурзам своим, князьям ордынским и санчакбейам, и «начаша» все «дивитися храбрости и крепости и мужеству» его. И сказали они Батыю: «Мы со многими царя-

ми во многих землях и на многих бранях бывали, а таких удальцов не видали. Это люди крылатые и бессмертные, — так крепко и мужественно бились они: один с тысячей, а два — с тьмою». Царь Батый, смотря на тело Евпатиево, сказал: «О Коловрате Евпатие, крепко ты меня потрепал с малою своею дружиною, многих храбрых богатырей моих побил ты, многие полки мои пали от тебя. Если бы ты у меня служил, держал бы тебя против сердца своего». И отдал Батый Евпатия дружине его и отпустил дружинников его, не причинив им никакого вреда.

Такова эта великолепная повесть, которую по экспрессии, по художественной выразительности хочется сравнить со «Словом о полку Игореве». В литературном отношении замечательна «Повесть» и тем, что в состав ее вошли два народных устно-поэтических предания, две народные исторические песни.

Эпизод «Повести» о трагической гибели княгини Евпраксии — несомненно устно-поэтического происхождения. Он напоминает известную народную былинку о Даниле Ловчанине и его жене. Вот сюжет былинки: некий Мишутка Путятич сообщает князю Владимиру о красоте жены Данилы Ловчанина и соблазняет князя овладеть ею. Владимир посылает Данилу на охоту и дает ему невыполнимое поручение; выполняя это поручение, Данила гибнет. Но князю Владимиру его коварный план все же не удается; жена Данилы, узнав о смерти своего мужа, кончает жизнь самоубийством. Не исключена возможность, что былина о Даниле Ловчанине — поздняя устно-песенная переработка не дошедшей до нас былинки, более древней, о самоубийстве рязанской княгини Евпраксии. Во всяком случае, имя этой княгини хорошо известно народному героическому эпосу: имя Евпраксии, Опраксии, Апраксии, Опраксы носит былинная жена князя Владимира. В одной из своих статей, специально посвященных вопросу о происхождении имени былинной киевской княгини, акад. В. Ф. Миллер показывает, — с моей точки зрения очень убедительно, — в силу какого процесса в народном эпосе киевская княгиня, бессменная жена бессменного князя Владимира, получила имя рязанской княгини Евпраксии.¹³

Устно-поэтического происхождения и рассказ о Евпатии Коловрате. Перед нами переданная прозой народная песня, вставленная в «Повесть» о нашествии Батыя на Рязань. Черты народной песни отчетливо сквозят в книжной обработке: Евпатий со своей малой дружиной «проезжает сильные полки татарские» совсем как Илья Муромец или песенный Ермак; похвальба Таврула привести Евпатия к Батыю живым, бой Ева-

¹³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. М., 1897, стр. 316—324. [Ср. точку зрения В. Я. Проппа, отрицающего связь между «Повестью» и былинкой о Даниле Ловчанине, высказанную в его книге «Русский героический эпос» (М., Гослитиздат, 1958, стр. 587—588)].

тия с Таврулом, во время которого рязанский удалец, как эпические киевские богатыри, рассекает «нахвальщика» «на полы» до седла, — все это эпические черты, хорошо известные нашим былинам. Налет устно-песенной поэзии — характерная особенность «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 г., сближающая ее со «Словом о полку Игореве».

«Повесть» объединяет в себе две литературные традиции: книжную традицию воинских повестей и фольклорную традицию народного эпического искусства. По своим художественным достоинствам «Повесть» — одно из самых замечательных созданий древнерусской литературы.¹⁴

¹⁴ [Издания «Повести»: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском (тексты). — ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 257—406 (И. П. Еремин цитирует текст I редакции, стр. 308—321); Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 7—29 (подготовка текста Д. С. Лихачева). Там же см. статью Д. С. Лихачева (стр. 119—142); Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 267—275 (пер. Д. С. Лихачева). Там же см. его статью (стр. 358—366)].

МОСКОВСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА конца XV—первой половины XVI века

Вторая половина XV и первые десятилетия XVI в. — новый период в политической истории Московской Руси, период становления национального и многонационального Московского государства. До XIV в. Московское княжество не было самым крупным; в XIV в. оно выступает на первое место, а с конца XIV в. московские князья начинают «собирать» Русь. Объединение Руси было закончено при великом московском князе Иване III. В 1463 г. все князья ярославские били челом Ивану III и отказались от своей независимости. Новгород был покорен в 1470 г. Ростовские князья сдались в 1476 г.; в 1483 г. — Тверь, в 1489 г. — Вятка. Псков был присоединен в 1510 г., Смоленск — в 1514 г., Рязань — в 1515 г. Московские князья к концу XV в. сумели построить мощную державу.

В сфере литературы наблюдается то же самое явление — собирание областной литературы в единую московскую. Русская литература начинает развиваться отныне как единый мощный поток. Московские книжники получили в наследство старую литературную традицию Киевской Руси, от которой они не отказались. Наоборот, они хотели сберечь это наследие. Держаться в рамках традиций — вот принцип московских книжников. Они деятельно собирали памятники литературы, объездив для этого все провинции и области Московского государства. Весь материал литературного наследия московские книжники заново правили и издавали в качестве хрестоматий. Благодаря этой деятельности многие памятники сохранились до наших дней. Образцы таких сборников-хрестоматий — «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария и Никоновский летописный свод. «Четьи-Минеи» — полный свод всей древнерусской церковной проповеднической и житийной литературы. До нас дошли три экземпляра «Четий-Миней», один из них (двенадцать очень хорошо переписанных фолиантов) хранится в московском государственном Историческом музее. «Четьи-Минеи» близки к Никоновскому летописному своду, который также со-

держит многие областные памятники. Оба эти произведения являются доказательством культурного роста Москвы.

В XV и XVI вв. на Руси появляются две новые тенденции в развитии литературы: 1) публицистика, которая до XV в. не занимала значительного места в общем объеме литературного творчества, теперь достигает больших успехов, она вносит оживление в застывшее озеро московского академизма; 2) начинается литературное общение Москвы с Западной Европой.

Западное влияние на культуру Московской Руси становится заметным со второй половины XV в. Это сказалось в технике, быту, литературе и искусстве. Но московское правительство следило за тем, чтобы западное влияние не переходило границы дозволенного. В постановлении Стоглавого собора 1551 г. говорилось о новшествах в Западной Европе, которые были признаны вредными и ненужными, — среди них была и европейская книга. Несмотря на это, кое-что из западноевропейской литературы стало проникать в русскую литературу; проникли даже те книги, которые с точки зрения московского православия считались просто еретическими.

Большим успехом пользовался сборник вопросов и ответов, в русском переводе, сделанном в начале XVI в., получивший заглавие «Книга именуема Лусидариос, сиречь Златый бисер... Учитель и ученик глаголют вкупе...». Форма беседы ученика с учителем и окончательное заглавие книги были заимствованы составителями ее из популярного латинского средневекового вопросо-ответного сборника «*Elucidarius sive dialogus de summa totius christianae theologiae*», автором которого предполагают скорее всего писателя конца XI — начала XII в. Гонория Отенского или Ансельма Кентерберийского. Но этот сборник был сводом сведений по преимуществу богословского характера, тогда как «Луцидариус» был составлен для мирян как книга в основном общеобразовательная. Поэтому составители использовали еще не менее трех латинских сочинений, откуда в «Луцидариус» вошли сведения географические и естественно-исторические.

«Луцидариос», или «Луцидариус», представляет собой диалог между учителем и учеником; последний задает вопросы, первый отвечает на них. Это своеобразная энциклопедия по всем отраслям знания. Здесь даются сведения о небе и земле, о трех частях света — Азии, Европе и Африке, о морях и морских островах, о землетрясении, о солнце, звездах, кометах, о происхождении молнии, грома, града, дождя, снега, о строении человеческого тела; встречаем здесь баснословные рассказы о разных странах, зверях, птицах, рыбах, о чудовищных людях; разъяснения даются и по ряду богословских вопросов: где был бог до сотворения мира? Почему бог вместо падшего Адама не сотворил другого человека? Где находился Христос в продолжении 40 дней со времени воскресения до вознесения на

небо? и т. п. Книга в значительной степени основана на данных древней греко-римской языческой науки и литературы, греко-римской мифологии и легенды. Однако многие ответы соответствовали уровню современной переводу науки и давали русскому читателю XVI в. ряд совершенно новых для него сведений, нередко шедших вразрез с общепринятыми на Руси понятиями и представлениями. Смесь фантастики и науки сказывается в ответах учителя на вопросы: откуда ночь приходит? Почему луна иногда полная, иногда ущербная? и т. д. На вопрос ученика: «Откуда приходит ночь?» — учитель объясняет, что земля по своей форме представляет собой «округлость», подобную яблоку: «Егда бо солнце течет над землею, тогда есть день, а егда течет под землею округлостью, тогда на нас сияти не может, тогда бо закрывает его земная толстота, и то есть ночь». Особенно богата разными баснословными рассказами та часть «Луцидариуса», где говорится об Индии, ее жителях, богатствах, флоре и фауне.

В вопросах и ответах «Луцидариуса» местами отчетливо выступает своеобразный рационализм, который в особенности сказывается в решении богословских вопросов. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания московских книжников. «Луцидариус» вскоре после своего появления был подвергнут суровой критике, в частности со стороны Максима Грека. В одном из посланий, написанном около 1525 г., последний назвал «Луцидариус» «обтенебрариусом», т. е. «потемнителем», а не просветителем, за попытку внести в область богословия элементы греко-римской языческой науки, за рационалистический подход к решению вопросов, связанных с верой, превосходящей разум.

Строгая оценка, какую дал «Луцидариусу» Максим Грек, не помешала, однако, популярности этой книги в русской литературе. «Луцидариус» служил популярной энциклопедией по разным отраслям знания и, следовательно, выполнял у нас ту же роль, какую играл в Западе.

Из беллетристических переводных произведений конца XV—начала XVI в. наиболее замечательна «Троянская история» Гвидо де Колумна. Это образец первого рыцарского романа, попавшего в древнерусскую литературу. Гвидо де Колумна взял эпизод из Троянской войны, но подверг античный сюжет новой трактовке, приблизив его к феодальному миропониманию. Русский перевод «Троянской истории» был сделан с латинского оригинала. Этот перевод, по определению В. Н. Щепкина, «сохраняет синтаксическую конструкцию латинской фразы, латинский порядок слов, характерные латинские обороты речи».¹

Иван Грозный в переписке с князем А. М. Курбским, упрекая его в измене, ссылается в первом послании к нему на Анте-

¹ В. Н. Щепкин. Лицевой сборник Российского Исторического музея. — ИОРЯС, 1899, кн. 4, стр. 1367.

нора и Энея, предавших Троя грекам. Очевидно, «Троянская история» была в библиотеке Ивана Грозного.

Стилистически «Троянская история» повлияла на русскую литературу позднее, в XVII в.

В оригинальной литературе этого периода факт влияния Запада наблюдается в творчестве одного писателя XVI в. — боярина Федора Ивановича Карпова. Это колоритная фигура первого законченного западника в Московском государстве. Карпов был очень образованным человеком, но произведения его, к сожалению, до нас не дошли. Как писатель он был известен главным образом посланиями, письмами, которые он писал друзьям и знакомым. Карпов, по свидетельству Максима Грека, одно время увлекался идеей соединения церквей — православной и римско-католической — под верховной властью папы. До нас дошло одно письмо Карпова — его ответ на послание митрополита Даниила. В этом письме Карпов полемизирует с Даниилом по вопросам государственного устройства. Все зло, считал Карпов, заключается в том, что власть на Руси не ограничена законами. Письмо замечательно реминисценциями из античной литературы. Карпов цитирует Аристотеля, произведения которого, по-видимому, читал, в письме есть и собственный перевод Карпова нескольких строчек из «Метаморфоз» Овидия. Факт этот свидетельствует о том, что в русской литературе XVI в. назревали те тенденции, которые направляли ее по совершенно новым путям.

Для этого этапа древнерусской литературы характерен расцвет публицистики. В то время в Московском государстве не было ни журналов, ни газет. Основной формой публицистической литературы XVI в. были письма и послания, которые не выходили за пределы частной переписки. Но и частная переписка становилась тогда общественным достоянием.

Характеризуя московскую публицистику XV—XVI вв., В. О. Ключевский писал, что ни в одном из литературных памятников того времени не показан переход от новых фактов к новым идеям. Эта характеристика слишком сурова. Наоборот, московских публицистов можно упрекнуть в обратном: они нередко опережали действительность. Например, когда окрепла власть московского великого князя, публицисты создали его культ. Об этом свидетельствуют титулы, с которыми писатели-публицисты обращались к великому князю: «великодержавный», «богоуправляемый» и т. п. Многие даже именовали великого князя «святейшим», хотя этот термин обычно применялся только по отношению к вселенскому патриарху. Этот подбор титулов стал употребляться еще тогда, когда московский князь был данником золотоордынского хана. Иногда московские публицисты сравнивали великого князя с царем Соломоном, с Владимиром Крестителем и др. В изображении писателей начала XVI в. московский великий князь стилизовался под

византийского автократа, в руках которого была вся власть в стране. Это был не реальный князь, а воплощение идеи московского единодержавия.

Для московских писателей XVI в. характерно пристальное внимание к деяниям реального князя. Они очень внимательно следили за внешней и внутренней политикой московских князей. В тех случаях, когда поведение великого князя вступало в противоречие с уже сложившимся в умах представлением о нем как о «боговенчанном» царе всея Руси, живом воплощении идеи единодержавия, московские публицисты нередко осмеливались даже обличать его.

«Послание на Угру» Вассиана Рыло

Из московских публицистов первым, кто нашел в себе мужество выступить в защиту не личности великого князя, а тех принципов, которые он призван был воплощать, был архиепископ ростовский Вассиан, по прозвищу Рыло, автор «Послания на Угру» великому князю Ивану III. С 1466 г. игумен Троицко-Сергиевской лавры, Вассиан в 1468 или 1469 г. был избран архиепископом ростовским и ярославским. Умный и энергичный, он вскоре становится ближайшим сподвижником Ивана III, горячим сторонником его объединительной политики. В 1479 г. Вассиан оказал Ивану III важную политическую услугу, примирив его с братьями Андреем и Борисом в тот момент, когда они, тяготясь зависимостью от великого князя Ивана, решили искать поддержки у князя литовского Казимира.

В 1480 г. Вассиан Рыло написал «Послание на Угру» Ивану III. Поводом послужило следующее обстоятельство. Хан Золотой Орды Ахмат, узнав о ссоре Ивана III с братьями Андреем и Борисом, решил, по совету литовского князя Казимира, двинуться по направлению к Москве. Узнав об этом, Иван III пошел на Коломну и, став там, сам поехал в Москву «на совет и думу», а воевод своих отправил на Оку для охраны границ государства. В Москве ему посоветовали немедленно идти навстречу Ахмату. Иван III, следуя совету, отправился к границе — сперва на Угру, а затем в Кременец, откуда, по слуху, Ахмат должен был двинуться на Москву. Москва готовилась к осаде. Когда же узнали, что великий князь из Кременца отступил к Боровску и не принимает никаких мер против Ахмата, тогда, по летописному преданию, в дело решил вмешаться архиепископ Вассиан Рыло. Он написал укоризненное письмо великому князю Ивану Васильевичу, которого называл всякими титулами («благодарный», «христолюбивый», «благородный», «богом венчанный», «богом утвержденный» и т. п.) и просил не гневаться на него за это послание: все это Вассиан делает ради великого князя, во имя спасения Руси. Вассиан умоляет князя не слу-

шаться льстецов, злых советников, которые уговаривают великого князя не противиться окаянному супостату Ахмату, но «отступить и предати на расхищение волкам словесное стадо христовых овец». Они хотят сделать князя беглецом, предателем родины. Все это приводит Вассиана в негодование. Он умоляет великого князя прогнать их от себя, действовать по собственному усмотрению. Вассиан призывает Ивана III немедленно выступить против татар, постоять за отечество, указывает на пример лучших русских князей — Владимира Мономаха, Дмитрия Донского и др., которые не только обороняли Русскую землю от «поганых», но и «иные страны приимаху под себе». Вассиан советует Ивану III не смущаться тем, что пра-родителями его дана клятва не подымать руки против хана, против Золотой Орды. Ведь клятва эта была дана вынужденно. Быть данником татарского хана — несовместимо с достоинством великого князя. Князь должен смело идти навстречу Ахмату.

В литературном отношении очень искусно написанное послание Вассиана Рыло Ивану III украшено многочисленными цитатами из «писания» и в одном месте даже изречением Демокрита, выписанным, конечно, из «Пчелы».

Справедливы ли упреки Вассиана Ивану III? Мнения историков по этому вопросу расходятся. Одни, следуя летописи, полагают, что Вассиан был прав, так как Иван III, отступая, уклонялся от боя. По мнению этих историков, Москва обязана освобождением не таланту Ивана III, а счастливому стечению обстоятельств. Другие историки считают, что оборона Москвы с точки зрения стратегии была проведена блестяще.

Послание Вассиана Рыло может служить примером того, как московские публицисты ревниво оберегали принципы, а не личность отдельного князя.²

«Сказание о князьях владимирских»

«Сказание о князьях владимирских», — памятник, созданный во второй половине XV в., не ранее, по-видимому, 1480 г. «Сказание» представляет собой родословную всех наиболее известных в истории царей и властодержцев, осложненную в заключительной своей части заметками летописного характера. Начинается оно с рассказа о разделе земли между потомками Ноя. Центральное место в «Сказании» занимают сведения об императоре римском Августе, который после смерти своего брата Юлия Цезаря был провозглашен властителем вселенной. Унаследовав власть древних правителей, Август, по словам «Ска-

² Издание текста «Послания на Угру» Вассиана Рыло см.: ПСРЛ, т. 26. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 266—273. [См. также: И. П. Еремин. Послание на Угру Вассиана Рыло. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1946, стр. 302—304].

зания», поставил своих наместников повсюду: в Египте, в Сирии, там, где обитают угры, т. е. венгры, и на побережье реки Вислы. В конце родословной имеется заметка, из которой мы узнаем, что великие князья московские сродни самому основателю Римской империи Августу. Рюрик, который по приглашению русских послов вместе с братьями Синеусом и Трувором прибыл в Новгородскую землю с побережья Вислы, «суца от рода римска цесаря Августа». Таким образом, Рюрик положил основание русской династии, а от Рюрика ведут начало московские князья. В конце «Сказания» говорится о том, что русские великие князья получили знаки царского достоинства, символы власти.

«Сказание о князьях владимирских» представляет собой смелую попытку связать историю Московского царства с всемирной историей. В изображении автора «Сказания» великие князья московские являются прямыми наследниками власти римских кесарей, а царство Московское ведет свое происхождение от великих мировых монархий древности. Автор «Сказания» открывал «перед московскими князьями заманчивую даль, на горизонте которой рисовалось блестящее марево всемирной власти».³

Рассказ о Мономаховых драгоценностях, которым заканчивается «Сказание», — устно-поэтического происхождения: на это указывают прежде всего его анахронизмы и фактические неточности.

Несмотря на явное неправдоподобие фактов и хронологическую путаницу, «Сказание о князьях владимирских» пользовалось большой популярностью не только в XVI, но и в XVII в. В особенности широкую известность получило оно при Иване Грозном. Торжественное коронование Ивана IV обострило интерес к рассказу о Мономаховом венце. В 1552 г. устроено было «царское место, еже есть престол», на затворах престола искусной резьбой был выполнен рассказ о присылке шапки Мономаха из Византии.

Свое отражение «Сказание о князьях владимирских» нашло и в фольклоре:

Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
Есть чем царю мне похвастати,
Я повеюс царенье из Царя-града,
Царскую порфиру на себя надел,
Царский костыль себе в руки взял.⁴

Но родословной от Августа московским великим князьям показалось мало. С конца XV в. большую популярность приобретает цикл сказаний о Вавилонском царстве, в которых утвер-

³ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 85.

⁴ [Издание текстов «Сказания о князьях владимирских» и исследование см. в кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955].

ждалось, что московские князья (через посредство Византии) являются преемниками Вавилонского царства. Проблема московского единодержавия в этих произведениях не вышла, однако, за рамки беллетристической фантазии.⁵

Послания старца Филофея

Стройная теория единодержавия московских великих князей была выработана в XVI в. в публицистике. Теория эта возникла в Пскове и теснейшим образом связана с именем старца псковского Елеазарова монастыря Филофея.

Старец Филофей вошел в историю русской литературы прежде всего как писатель-публицист, как создатель знаменитой теории «Москвы — третьего Рима».

Теория «Москвы — третьего Рима» в том виде, в каком она сформулирована Филофеем, может быть сведена к следующим основным положениям. Все происходящее в жизни людей и народов определяется и совершается милостью божией: могуществом и промыслом Божиими возводятся на престолы цари, создаются и разрушаются царства, процветают и гибнут народы. В истории человечества нет и не может быть ничего случайного. Промысл Божий ведет человечество по особым путям, по заранее определенному плану. По свидетельству пророков, которым промысл Божий открыл этот план и которые записали его в своих пророческих книгах, история человечества — это история мировых царств. Круг исторических судеб человечества закончится торжеством и гибелью трех мировых царств, трех богом избранных народов. С гибелью последнего, третьего, царства наступит конец мира, последний страшный суд, в результате которого осужденные пойдут на вечную муку, а праведники обретут вечное блаженство. Два царства уже пали: пал Древний Рим, пал за ним и Рим новый, т. е. Константинополь, так как изменил православию и на восьмом Флорентийском соборе принял латинство. Единственным хранителем истинной «богооткровенной» веры осталось Русское царство. Это царство — последнее мировое царство, третий и последний Рим. Историческое бытие человечества этим царством закончится. Четвертому Риму не бывать. Ни в ветхом (древнем), ни в новом Риме церковь Христова «покою» себе не нашла. Все христианские царства пали и сошлись в одно царство Русское. Поэтому русский царь является единственным христианским царем во всей вселенной, единственным наследником власти повелителей ветхого и нового Рима. Чтобы полнее выразить величие власти князя московского, царя всея Руси, Филофей окружил

⁵ [См. подробнее: И. П. Еремин. Московские повести конца XV — начала XVI в. Повести о Вавилоне. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 337—340].

его имя ореолом эпитетов: «пресветлейший», «богоизбранный», «боговенчаный», «благочестивый», «святейший» и т. п. В изображении Филофея великий князь московский не только царь, которому вручена богом полнота гражданской власти, но и «браздодержатель святых божиих церквей», в руках которого сосредоточена и власть церковная. Единый православный царь во всем поднебесье, он несет бремя двойной ответственности: и как царь всея Руси, и как блюститель православия во всем мире.

Впервые теория «Москвы — третьего Рима» была сформулирована в послании старца Филофея к великому князю Василию Ивановичу. Этой теории нельзя отказать в стройности и широте «историсофского» размаха. Развивая свою теорию «Москвы — третьего Рима», Филофей обнаружил себя не только как мыслитель, но и как талантливый писатель. Не все в этой теории принадлежит Филофею; центральные идеи, лежащие в основе его «историсофской» концепции: идея богоизбранности народов и идея преемства царств, — находят соответствие в Библии и в памятниках византийской церковной письменности, откуда Филофей их, несомненно, и заимствовал. Не вполне оригинален Филофей и в той части своих рассуждений, где он применяет эти идеи к судьбам русского народа: представление о московском великом князе как преемнике византийских императоров, пышная фразеология царских титулов, убеждение в чистоте московского православия — все это было известно и до Филофея и успело проникнуть даже в литературу («Повесть о взятии Царьграда», московские летописи, послание Вассиана Рыло Ивану III и др.). Заслуга Филофея заключается в том, что он сумел все эти мысли, бродившие в литературе, объединить, привести в стройную систему. Теория Филофея в его литературном оформлении получила распространение в Москве XVI в., стала правительственной точкой зрения, официальной теорией Московского государства,⁶ вошла в государственные акты.

От беллетристики к теории — таково развитие русской публицистики на рубеже XV—XVI вв., в то время, когда Московское государство еще только строилось.

Сочинения Иосифа Волоцкого

Наиболее интересным писателем среди публицистов конца XV—начала XVI в. является Иосиф Волоцкий.

В истории общественно-политической борьбы Иосиф Волоцкий оставил глубокий след: он был основателем целого направления церковно-политической мысли — иосифлянства (осифлян-

⁶ Издание текстов и исследование см. в кн.: В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

ства), течения в Русском государстве конца XV — середины XVI в., поддерживавшего великокняжескую власть в процессе дальнейшего укрепления Русского централизованного государства (свое название иосифляне получили как последователи Иосифа Волоцкого).

Иосиф Волоцкий (до монашества Иван Санин; родился в 1439 г., умер в 1515 г.) — религиозно-политический деятель и церковный писатель, идеолог крепнущей централизованной власти.

Сын волоколамского боярина, двадцати лет от роду он принял пострижение у основателя Боровского монастыря игумена Пафнутия, под руководством которого прошел все ступени монастырского «искуса». Под прямым влиянием Пафнутия, известного своими московскими симпатиями, формировались политические убеждения Иосифа, будущего официального «богомольца» и советника великих князей московских Ивана и Василия. Энергичный, образованный, обладавший «твердым и крепким» умом, Иосиф завоевал себе почетное положение в монастыре. Он произвел очень хорошее впечатление на великого князя Ивана III, приехавшего молиться в монастырь. После смерти Пафнутия Боровского Иосиф был назначен игуменом Боровского монастыря. Иосиф задумал ввести в монастыре более суровый, чем при Пафнутии, монастырский устав, но натолкнулся на сопротивление братии, среди которой нашлось немало недовольных назначением Иосифа игуменом, избрание которого прошло без участия братии. Тогда Иосиф решил оставить Боровский монастырь и основать свой собственный в удельном княжестве Волоцком. Вместе со своими единомышленниками, старцами Боровского монастыря, Иосиф вскоре превратил основанную им «пустыньку» в благоустроенный и богатый монастырь, материальной базой которого явились многочисленные «дарственные» и вклады «по душе» землями и угодьями. С целью сделать свой монастырь не только образцовым хозяйственным предприятием, но и образцовым религиозно-культурным центром области Иосиф ввел в монастыре устав по типу древних восточных монастырей. По уставу Иосифа все монахи должны были подчиняться правилам строгого общежития: монастырское богатство принадлежало самому монастырю, а лично монахам — ничего. В основанном им монастыре Иосиф Волоцкий прожил почти безвыездно около сорока лет, до самой смерти. За ученость и политический такт его высоко ценили не только в пределах монастыря, но и в Москве.

Деятельность Иосифа Волоцкого как писателя-публициста — это борьба с областным сепаратизмом, за создание сильного объединенного Московского государства, возникновение и оформление которого происходило в ожесточенной борьбе. Областной сепаратизм, в борьбе с которым выросло и окрепло единое державное Московское государство, наряду с рецидивами откры-

того сопротивления новому политическому порядку стал принимать форму тех или иных оппозиционных по своей природе религиозно-идейных течений. Иосиф Волоцкий со всей решительностью вступил в борьбу с ним. Он с большим искусством вскрывал, не щадя ни имен, ни репутаций, идейно-политические корни этого течения, его оппозиционную сущность. Это вызывало порой явное неудовольствие даже покровителя Иосифа Волоцкого, великого князя Ивана III.

Начало публицистической деятельности Иосифа Волоцкого относится к 1493 г. Новгородским архиепископом Геннадием была открыта в Новгороде тайная ересь «жидовствующих», религиозная ересь. Проповедниками ереси были заезжие евреи из Украины и Литвы. Узнав о всех обстоятельствах дела, Иосиф Волоцкий решил немедленно вмешаться, поняв, что религиозный характер этой ереси — только форма. В историю современной ему общественной мысли Иосиф Волоцкий вошел прежде всего как ревнитель веры, страж господствующей церкви, суровый и непримиримый гонитель еретиков — «жидовствующих», по его терминологии. Подавляющее большинство произведений Иосифа Волоцкого посвящено этой теме. Таковы «Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков»; шестнадцать «слов», вошедших в состав «Просветителя»; послания Нифонту, епископу суздальскому, брату Вассиану Санину, архимандриту Митрофану, духовнику Ивана III, самому Ивану III. В литературном отношении наиболее интересны послания.

Происхождение ереси Иосиф связывал с приездом в Новгород в 1470 г. киевского князя Михаила Александровича, а также с деятельностью некоего «жидовина» Схарии, обратившего в «жидовство» многих новгородцев. Теперь установлено, что концепция эта крайне тенденциозна и неверно воспроизводит как самую историю ереси, так и ее содержание. Но антифеодальную природу ереси Иосиф Волоцкий уловил правильно. Этим несомненно объясняется страстно-непримиримый тон его антиеретических сочинений. Наиболее радикальное средство водворить в стране порядок, по мнению Иосифа Волоцкого, — полное физическое уничтожение всех участников ереси. Убить еретика — «руку освятити». Покаянию еретиков доверять нельзя, покаяние их лицемерно. Многие еретики каялись по нескольку раз, а затем снова продолжали свою преступную деятельность. Жалость в отношении еретиков неуместна, преступна. Есть только один надежный способ искоренить «еретическое семя» — «рать и нож».

Отстаивал Иосиф Волоцкий свою точку зрения настойчиво и требовательно, защищал ее властно и авторитетно как полномочный представитель воинствующей церкви, как верный блюститель ее преданий и заветов. Он даже к Ивану III обращался как равный к равному. Его послание великому князю по поводу еретика Кленова звучит почти как выговор. Он упрекает госу-

даря в отсутствии бдительности, с нескрываемым неудовольствием пишет о распоряжении Ивана III отправить Кленова в Волоколамский монастырь на покаяние. Место еретиков не в монастырях, а в темницах. По мнению Иосифа, еретик, если хочет покаяться, с успехом может сделать это и в темнице.

Убеждая в необходимости беспощадной расправы с еретиками, Иосиф приводил многочисленные цитаты из «писания» и канонических «правил», примеры из церковной и гражданской истории в доказательство того, что все древние благочестивые цари принимали против них самые крутые меры. Ересь он изображал как общенародную «беду». Покровитель еретиков и потатчик им митрополит Зосима в изображении Иосифа Волоцкого — «сатанин первенец», «змий тмоглавный», «антихристов предтеча» и т. п. Свои антиеретические писания Иосиф окружил атмосферой особой торжественности, насыщенной воинственным пафосом. В послании к брату Вассиану, призывая его выступить в защиту веры, он высказывал уверенность в том, что «подвигами» брата господь очистит «ниву» церковную от «пагубных жидовских плевел», всех еретиков порежет «серпом гнева своего». В «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф сравнивает архиепископа Геннадия с львом: в «чаше» божественных писаний он долго подстерегал еретиков, затем «от высоких и красных гор» пророческих и апостольских учений стремительно набрасывался, «разтерзая тех скверных утробы», «зубы же своими сокрушая и о камень разбивая». В 13-ом «слове» «Просветителя» он советует поступать, подобно пастухам, которые спокойно пасут стадо, играя на свирели, но, увидев крадущегося хищника, бросают свирель, вооружаются камнями и дрекольем, поднимают крик и шум и тем отгоняют хищника прочь.

«Просветитель» Иосифа Волоцкого — книга, над которой он работал более десяти лет, с 1494 по 1506 г. Книга состоит из шестнадцати глав, двенадцать из которых посвящены критике новгородских еретиков, а четыре главы — общей оценке ереси и рассуждению о немедленной ее ликвидации; в заключительной части «Просветителя» дан вариант той организации, которая на Западе носила название «святейшей инквизиции».

В декабре 1504 г. в Москве был созван собор, утвердивший предложение Иосифа Волоцкого о физическом истреблении еретиков: часть их была сожжена, часть сослана. Борьба Иосифа Волоцкого с еретиками переросла в борьбу политическую.

В 1503 г. ему пришлось выступить в новую борьбу по вопросу о монастырских вотчинах. Этот вопрос был поставлен на церковном соборе 1503 г. по инициативе «заволжских старцев», которую поддерживал великий князь Иван III. Споры о праве монастырей владеть селами начались в конце соборных заседаний, после отъезда Иосифа Волоцкого из Москвы. Отцы собора поспешили вернуть Иосифа в Москву для прений с «нестяжателя-

ми», так как знали его начитанность. Иосиф занял непримиримую позицию по отношению к «обидающим святых божии церкви». Собор решительно отказался пойти навстречу великому князю в вопросе о секуляризации церковных земель. Иван III должен был подчиниться решению собора, так как ссориться с церковью было и небезопасно, и невыгодно, и политически нецелесообразно. Вопрос о монастырских и церковных вотчинах упирался в проблему отношения церкви к государству. Иван III, при всем своем уважении к «нестяжателям», союзу с ними предпочел союз с осифлянами, верными сторонниками нового политического порядка, преданными защитниками единодержавия московского великого князя, которые в полном подчинении церкви государству усматривали лучшую гарантию неприкосновенности своих земельных владений.

Вернувшись в Волоколамский монастырь, Иосиф Волоцкий через несколько месяцев написал огромный трактат о церковном землевладении — «Яко не подобает святым Божиим церквам и монастырем обиды и насилие творити и восхищати имения и стяжания их». Он привел немало свидетельств в пользу неотъемлемости церковных имуществ — из церковно-канонических правил, а также из житий святых (Стефана Сербского, Леонтия Ростовского, Феодосия Печерского и др.). Каждое из этих свидетельств представляло грозный пример, грозное предостережение современникам Иосифа Волоцкого, готовым поднять руку на собственность церкви.

Из литературного наследия Иосифа Волоцкого интересны два его послания — И. И. Третьякову и Б. В. Кутузову. Оба послания были написаны почти одновременно — в 1509—1510 гг., когда переход Иосифа вместе с монастырем в державу великого князя и тесно связанное с этим переходом дело новгородского архиепископа Серапиона⁷ вызвали в некоторых общественных кругах явное неудовольствие и когда Иосифу предстояло оправдать в глазах общественного мнения линию своего поведения. Усмотрев в действиях Серапиона элемент ереси, Иосиф Волоцкий обратился в Москву к митрополиту с жалобой на крамолу Серапиона. Последний был осужден и заточен в темницу. Роль, которую сыграл Иосиф в деле архиепископа Серапиона, неприятно покоробила И. И. Третьякова, и он неоднократно через многих лиц просил Иосифа помириться с опальным архиепископом. Иосиф, однако, отверг это пожелание. В своем послании он дал понять Третьякову, что тот, руководствуясь самыми добрыми побуждениями, видимо, или не знал всех обстоятельств дела, или в данном случае не учел свидетельств «писания». В своем послании Иосиф показывает, что Серапион неправильно наложил наказание на Иосифа, «сопротивно писа-

⁷ [Серапион — архиепископ новгородский, политический противник Иосифа, отлучивший его от церкви за переход в державу московского князя и поваливший за это в опалу].

нию». Иосиф поэтому не имеет права мириться с опальным Серапионом. Митрополит Симон «разрешил» Иосифа от отлучения, наложенного Серапионом. Какие же теперь у него основания «бити челом» опальному владыке? В том, что произошло, виноват один Серапион, который не только поступил вопреки всем церковным правилам, но и оскорбил в его лице великого князя, Иосиф подробно описывает Третьякову сцену допроса Серапиона в Москве в присутствии великого князя, митрополита и всего священного собора. Из описания следовало, что Серапион «ни бога боится, ни человек срамляется, ни часа страшного трепещет». Крамольник и союзник крамольника, лжепастырь, тщеславный и дерзкий, гордый и хитрый, невежа — таков Серапион в изображении Иосифа в его посланиях к И. И. Третьякову и в написанном несколько позже послании к Б. В. Кутузову. Щадить противника не входило в правила Иосифа. Поверженного врага он добивал. Так он поступил и в деле Серапиона.

Только в последних строках послания к Третьякову Иосиф скорбит о судьбе, постигшей Серапиона, ибо «всем жаль его». Иосиф даже обращается к Третьякову с просьбой дать совет Серапиону принести чистосердечное покаяние. По мнению Иосифа, Серапион действовал не столько в силу своей испорченности, сколько по наущению волоцкого князя Федора Борисовича.

Послание к Б. В. Кутузову по содержанию во многом повторяет послание к И. И. Третьякову. В литературном отношении оно интересно тем, что здесь Иосиф Волоцкий, оправдывая свой переход в державу великого князя и свою роль в деле архиепископа Серапиона, применил удачный полемический прием — изобразил себя страдальцем, жертвой «неправедных человек».

Полемические писания Иосифа Волоцкого имели большой успех в лагере воинствующих церковников, с ними считались и не могли не считаться как друзья, так и враги. Дело в том, что он умел своей литературной распри с инакомыслящими, своим симпатиям и антипатиям, своей борьбе с теми или иными лицами придать общий характер, из отдельных фактов, иногда ценой провокаций, передежек, тенденциозного их искажения, делать самые далеко идущие выводы. Под его пером полемика часто перерастала в обсуждение важнейших, с точки зрения церковников, вопросов современности. Эти качества полемических писаний Иосифа и придают им значение не только документов его личной биографии, но и памятников церковно-политической мысли того времени.⁸

⁸ Тексты посланий Иосифа Волоцкого изданы в кн.: *Послания Иосифа Волоцкого*. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959. [Там же см. статью И. П. Еремина «Иосиф Волоцкий как писатель» (стр. 3—18); переиздана в его кн.: *Литература древней Руси*. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 185—199. — О московской публицистике конца XV—начала XVI в. И. П. Ереминым написан ряд очерков в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1, стр. 299—314).

Сочинения митрополита Даниила

После смерти Иосифа Волоцкого крупнейшим представителем иосифлянской публицистики в царствование Василия Ивановича был ученик Иосифа, постриженник Волоколамского монастыря, с 1522 г. митрополит всея Руси Даниил. При нем позиция Иосифа окончательно победила.

Из сочинений митрополита Даниила до нас дошли: сборник, в котором, вероятно им самим, объединены его шестнадцать «слов», сборник посланий — всего четырнадцать; кроме того, еще несколько отдельных посланий. Это, по-видимому, только часть сочинений Даниила, но и они свидетельствуют о том, что он был писателем для того времени незаурядным по своей начитанности в «божественном писании». Это отмечал даже Максим Грек, называвший Даниила «доктором закона христового». И «слова», и послания Даниила посвящены вопросам догматическим, обрядовым и нравственно-бытовым. В литературном отношении особый интерес представляют сочинения Даниила на нравственно-бытовые темы. Они написаны живым, энергичным, изобилующим сравнениями, часто красочным языком. Тут в суровых обличениях быта выступают картины реальной жизни и достаточно яркие образы носителей тех пороков, которые претили строгому церковнику, аскету по общему складу своего мирозерцания.

Сочинения митрополита Даниила пользовались большим уважением. Из них делались выписки и компиляции. Особенно почитаемы были его сочинения у старообрядцев, считавших их «священными книгами». Можно думать, что богатый элементами реализма и просторечия стиль вождя старообрядцев протопопа Аввакума сформировался и под воздействием писаний Даниила.⁹

Сочинения Нила Сорского

Одновременно с иосифлянами в конце XV в. начинает оформляться и другое направление в общественной мысли и публицистике, противоположное им по своим церковно-общественным воззрениям. Члены этой оппозиционной группы получили название «заволжских старцев» — по местоположению монастырей, воспитавших их. Первым представителем этого литературного направления был Нил Сорский.

Нил Сорский (в миру — Николай Федорович Майков) родился в Москве около 1433 г. и здесь был «судиям книгочий чинов». Постригся в Кирилло-Белозерском монастыре. Вместе со своим учеником Иннокентием Охлебениным он пошел в Кон-

⁹ Издание текстов и исследование см.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. [См.: Н. К. Гудзий. Митрополит Даниил. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 314—317].

стантинополь и на Афон, где прожил несколько лет. Библиотеки афонских монастырей, богатые собраниями «святоотеческой» литературы, дали возможность Нилу продолжить начатое в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря изучение аскетической литературы восточных мистиков и исихастов («исихия» — мистическая теория о прижизненном слиянии человека с божеством путем морального самоусовершенствования и доведения себя до полного бесстрастия, теория, созданная в монашеских центрах Византии и южных славян). На Афоне, видимо, Нил изучил и греческий язык.

Возвратившись на Русь, Нил в глухом дремучем лесу, в 15 верстах от Кирилло-Белозерского монастыря, основал скит, особую форму монашеского жития, с которой он познакомился на Афоне. «Пустынь» Нила была малонаселенной даже через пятнадцать лет после его смерти. Местность для скита, избранная Нилом, была суровая — «древеса некая, ели и мало берез и сосен и мхи великие непроходимые». Здесь Нил и прожил до конца своих дней. Умер в 1508 г.

Литературное наследие Нила Сорского невелико: малый Устав, или «Предание учеником своим, хотящим жити в пустыне его»; большой Устав, состоящий из одиннадцати глав, с предисловием; ряд посланий к разным лицам; молитва и поминание; мелкие заметки и переводы.

Центральное место среди сочинений Нила занимают его «Предание учеником своим» и Устав, подробно излагающий учение о «мысленом делании». Здесь содержатся все основы учения «нестяжателей» и подробное изложение теории нравственного совершенствования, на которой Нил хотел заново построить жизнь русского монашества. Содержание Устава сводится к изложению религиозно-мистического учения: до грехопадения человек был в единении с богом, задача человека — восстановить это единение. Две ступени ведут к этому: первая ступень — физическое отречение от мира; подготовленный человек приступает к «умной» молитве — внутренней, не исчерываемой церковной обрядностью — и к «умному деланию», т. е. непрерывному самоусовершенствованию путем удаления от всяких мирских интересов и сосредоточения на мыслях о божестве. Высшая ступень нравственного совершенства — человек безмолвно сидит в келье, затаив дыхание, и думает о боге. В конце концов душу человека озаряет небесный свет и происходит единение с богом.

Сам Нил не является в полной мере автором этой концепции. Он познакомился с нею на Афоне (авторами философии исихастов были афонские и константинопольские проповедники Григорий Синаит и Григорий Палама и их болгарские последователи Феодосий и Евфимий Тырновские). Хотя Устав и «Предание» Нила Сорского — сочинения компилятивные в том смысле, что каждую свою мысль Нил подкреплял цитатами из памятни-

ков литературы «святых отцов», стройная композиция принадлежит самому автору. Все изложение пронизано гуманностью, терпимостью, мягкостью, характеризующими личность Нила. В Уставе ярче, чем в других его сочинениях, сказались незаурядное художественное дарование и наблюдательность, которые помогли автору дать глубокий и тонко разработанный анализ психической жизни человека с ее страстями, с описанием этих страстей и указанием средств борьбы с ними.

Образ Нила Сорского-«нестяжателя», который считал, что монах должен отказаться от земного богатства, Нила — противника крупного монастырского землевладения — сохранился и в предании: через пятьдесят лет после его смерти сложилась легенда о том, будто Ивану Грозному, затеявшему постройку в Ниловой пустыни каменной церкви на месте прежней деревянной, Нил Сорский явился во сне и запретил эту постройку.

Нил Сорский сам не был политическим борцом, непосредственного участия в борьбе он не принимал. Это сделали его ученики — «заволжские старцы». Их концепция диаметрально противоположна концепции иосифлян. Иосифляне придавали огромное значение обрядовой стороне религии, «заволжские старцы», наоборот, считали, что обряды можно не соблюдать. Каждую букву «писания» иосифляне возводили в догму — «заволжские старцы» допускали критическое отношение к «писанию».

Иосифляне отстаивали монастырское землевладение — «заволжские старцы» требовали немедленной секуляризации. Иосифляне считали церковь зависимой от государства — «заволжские старцы» доказывали, что церковь независима от государства, она выше его, поэтому должна управлять им.

Очень скоро под знамя Нила Сорского стали все недовольные. «Нестяжатели» находили поддержку среди реакционного боярства, стремившегося за счет передачи церковных земель государству сохранить свои вотчины.¹⁰

Длинный ряд публицистов, оппозиционных великому князю, ряд, открытый Нилом Сорским, заканчивается А. М. Курбским.¹¹

¹⁰ Издание сочинений Нила Сорского см. в кн.: М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского «Предание» и «Устав». СПб., 1912. [См.: М. С. Боровкова-Майкова. Нил Сорский. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. I, стр. 317—322].

¹¹ Издание текстов А. М. Курбского см. в кн.: Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные. Под ред. Г. З. Кунцевича. СПб., 1914 (Русская историческая библиотека, т. XXXI).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА второй половины XVII века

Русская литература второй половины XVII в. представляет собой очень пеструю картину, характерную для переходной эпохи. «Старина» и «новизна» сосуществуют рядом. Даже в рамках одного и того же общественно-литературного направления сталкиваются различные, нередко противоречивые тенденции развития; новое постепенно, на разных участках с переменным успехом вытесняет старое, но старое еще цепко держится и сдает свои позиции не без ожесточенной борьбы. Литература с каждым днем все увереннее пытается освободиться от авторитета церкви, приобретая все более и более «светский» характер; традиционные темы и литературные формы начинают обновляться, идя навстречу новым задачам и требованиям все усложняющейся жизни. Везде уже ощущается наступление Петровской эпохи — литература, как и жизнь, вступает в период коренной перестройки.

✓ Основной факт общественно-литературного движения той эпохи — резкое размежевание литературы по ее классовому происхождению и направленности. В условиях формирования абсолютной монархии, городских и крестьянских восстаний завершается процесс, начало которого относится еще к первой половине XVII в.: намечается четкое расслоение литературы. Параллельно с литературой господствующего класса феодалов — бояр и дворянства, а также верхов посада широчайшее распространение получает в результате возросшей активности народных масс литература демократическая, чрезвычайно разнообразная по содержанию и по форме. Пути исторического развития и той и другой литературы были неодинаковы: внутренние враждебные, они развивались во второй половине XVII в. каждая обособленно, в разных направлениях, подчас взаимно исключая одна другую.

Демократическая литература отражала и оформляла настроения, чаяния, вкусы и запросы широких масс трудового народа: ремесленников и крепостного крестьянства, низового духовенства и мелких торговцев, всякого рода служилых и тяглых

людей. Распространялась она в форме небольших рукописных сборничков, дешевых и вполне доступных, написанных обычно на плохой бумаге. Теснейшая связь с устным народным творчеством, его жанрами, сюжетами, стилистикой — наиболее характерная особенность этой литературы, хотя она и продолжала развиваться на основе старой книжной литературной традиции и частично на основе «деловой» письменности XVII в. Отсюда ее «пестрый» характер — полуустно-поэтический, полукнижный.

Во второй половине XVII в. широкое распространение получила повествовательная проза — небольшие по объему повести, истории, сказания. Эта повествовательная литература еще не имеет четких и устоявшихся жанровых очертаний; она характеризует тот момент в истории демократической «беллетристики», когда она еще только складывалась, искала форм своего художественного воплощения, наиболее соответствующих вкусам и потребностям нового, демократического читателя, впервые приобщающегося к литературе.

В поисках материала составители этих повестей, историй и сказаний чаще всего обращались непосредственно к народному творчеству — к народной «старине», сказке, лирической и обрядовой песне, народному анекдоту, черпая здесь не только темы и сюжеты, но нередко и самую форму их художественного воплощения. Так возникли переделки былин и сказок, сатирические и шуточные произведения.

Написанные часто неопытной рукой, без профессионального мастерства, эти повести, сказания и истории в художественном отношении неравноценны. Но для историка литературы все они полны интереса вдвойне: и сами по себе, как наиболее ранние в русской литературе образцы демократической повествовательной прозы, и как свидетельство крутого поворота русской литературы второй половины XVII в. на данном участке ее развития к национальным истокам художественного творчества — к народной поэзии. Полной новостью в демократической «беллетристике» XVII в. было внимание к жизни и судьбе простого, рядового человека с его печальми и радостями.¹⁾

Антифеодальные тенденции демократической литературы во второй половине XVII в. наиболее яркое и своеобразное воплощение нашли в целом цикле сатирических и шуточных произведений, высмеивающих суды, церковь и власти. Среди них очень интересна небольшая по объему «Повесть о Шемякином суде», где народный сюжет сказки о богатом и бедном братьях обработан книжными средствами.²⁾

¹ [Ср. общую характеристику литературы второй половины XVII в. в ст.: И. П. Еремкин. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 12—21].

² Издание текстов сатирических повестей: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954 (серия «Литературные памятники»).

«Повесть о Горе-Злочастии»

Наиболее значительным произведением русской демократической повествовательной прозы второй половины XVII в. и по своей художественной форме, и по глубине содержания является «Повесть о Горе-Злочастии», как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин», открытая в 1856 г. А. Н. Пыпиным и в том же году впервые опубликованная Н. И. Костомаровым в «Современнике».)

Сюжет повести крайне прост: он сводится к рассказу о том, как некий «добрый молодец» (в повести он не назван по имени) попадает в кабак царев, куда зазвал его «мил надежен друг», там упивается «без памяти», а затем, ограбленный «братом названным», становится бродягой — бредет по свету «в лапоточках-отопочках», едва прикрытый «гунькой кабацкою», в надежде как-то пристроиться и найти себе место в жизни. Но это ему не удается, несмотря на все его усилия жить «умеючи», вернуться на «спасенный путь». Его неотступно преследует Горе-Злочастие. И никак не может он уйти от Горя. Молодец пытается улететь от него «ясным соколом» и «сизым голубем», но Горе гонится за ним «белым кречетом» и «серым ястребом»; молодец пытается ускользнуть от него «серым волком», но Горе изгоняет его «з борзыми выжлецы»; молодец становится в поле «ковыль-травой», Горе приходит к нему «с косою острою»; молодец уходит в море рыбу, но и там настигает его Горе «с частыми неводами». Горе следует за молодцем по пятам, учит его «богато жить: убити и ограбить, чтобы молодца за то повесили».

В изображении автора повести «добрый молодец» — простой рядовой человек. Стремясь дать обобщенный образ такого человека, автор, видимо, сознательно не только не назвал его по имени, но не дал ему и сколько-нибудь четкой социальной характеристики; только по скупым намекам, рассеянным в повести, можно вывести заключение, что родом «добрый молодец» из состоятельной купеческой семьи. Он — герой не положительный, но и не отрицательный. Он может совершить оплошность, впасть в ошибку, но может и исправиться. Все его «преступление» заключается в том, что он, пренебрегая родительской заповедью, захотел жить, «как ему любо». Однако это его желание носит относительно невинный характер даже с точки зрения родительской морали; оно не идет много дальше стремления повеселиться и погулять с товарищами на «пирах и братчинах». Автор с теплым сочувствием следит за судьбой своего героя, так как понимает, что «добрый молодец» — жертва неопытности («молодец был в то время се мал и глуп, не в полном разуме»), неустойчивости характера и неблагоприятно сложившихся для него обстоятельств.

Образ Горя-Злочастия в повести не таит в себе ничего мистического. Это не диавол и даже не судьба, не рок. Образ Горя

в повести — народно-поэтического происхождения и восходит к представлению о «злой доле» народных песен. Однако в повести этот песенный символ гораздо шире и многозначнее. Он осложнен у автора ярким социальным содержанием и воплощает в себе не только «злострадание» человеческое, но и вполне реальное в то время горе народное — «бесконечную нищету», «недостатки последние», «наготу и босоту безмерную». Образ Горя в повести — обобщенный символ всей суммы того гнета, который тяжким камнем давил на трудовой народ в феодально-крепостническом обществе XVII в. Именно это значение Горя подчеркнул сам автор, описывая его внешний облик: Горе «босо, наго, нет на Горе ни ниточки, еще лычком Горе подпоясано».

Повесть пессимистична. Автор смог указать своему герою только один путь спасения — монастырь. Лишь за монастырской стеной покидает «доброе молодца» его неотвязный спутник. Горький и безнадежный вывод, к которому пришел автор, однако, не обесценивает повести: нарисованная им поразительная по своей поэтической глубине картина народной «наготы и босоты безмерной» уже сама по себе, независимо от субъективных намерений автора, должна была и не могла не вызвать в сознании читателя страстного протеста против той жестокой жизни, которая довела героя повести помимо его воли «во иноческий чин».

В композиции повести и в ее языке есть элементы книжные; они сказываются особенно ярко во вступлении к повести. Но все же не они определяют ее повествовательный строй. «Повесть о Горе-Злострадии» — один из наиболее наглядных примеров того решающего воздействия народного творчества на русскую демократическую повествовательную литературу, какое она испытала в момент своего зарождения в XVII в. Написана повесть в народно-песенном ритме. Она пронизана народно-поэтической символикой и образностью. Автор широко пользуется народно-песенной фразеологией, в частности распространенными в народной поэзии эпитетами и синонимическими повторами (*серый волк, сыра земля, удал молодец, пьяны-веселы, роду-племени* и пр.). Именно народная песня и былина определили то новое, что внесла эта повесть в русскую повествовательную прозу XVII в.: лирическое сочувствие автора к своему герою и народно-поэтический по своему происхождению принцип широких художественных обобщений.³

³ Издания текста: П. К. Симоны. «Повесть о Горе и Злострадии, как Горе-Злострадие довело молодца во иноческий чин», по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — СОРЯС, т. LXXXIII, № 1. СПб., 1907, стр. 1—88; Русская повесть XVII века. Л., Гослитиздат, 1954, стр. 103—115 (подготовка текста, статья и комментарии М. О. Скрипиля). [О «Повести» см. раздел, написанный И. П. Ереминым, в кн.: История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 349—351].

Сочинения протопопа Аввакума и инока Елифания

Особую и очень заметную ветвь демократической литературы второй половины XVII в. составляет литература раскола — старообрядчества. Как социально-религиозное движение, противостоящее господствующей церкви и феодально-крепостнической монархии Алексея Михайловича, раскол окончательно оформляется после церковного собора 1666—1667 гг. Движение это зародилось в среде низового духовенства, недовольного обременительными для него реформами патриарха Никона, и носило вначале узкоцерковный, обрядовый характер. Но по мере того как под знаменем «старой веры» стали объединяться все недовольные и прежде всего «плебейские» элементы городского посада и крепостное крестьянство, движение получило размах, угрожавший не только господствующей церкви, но и государству (например, Соловецкое восстание 1668—1676 гг.). Правительственные репрессии углубили антифеодальные тенденции этого движения. Раскол породил большую литературу — послания, полемические трактаты, агитационные воззвания, открытые письма, написанные подчас очень зажигательно, на доступном языке, рассчитанные на распространение среди широких народных масс. Многие руководители и идеологи движения не раз в своих писаниях выходили за пределы спора о старом обряде, затрагивали вопросы политические и общественные, и этим объясняется широкая популярность их произведений в народной массе.

Центральная фигура старообрядческой литературы, наиболее яркий ее представитель — протопоп Аввакум (1621—1682).

Родился Аввакум в селе Григорове Нижегородской области. Из своего села, вероятно, вследствие обнаружившейся еще в юности строптивости характера, он был изгнан и переселился в село Лопатицы той же Нижегородской области. Двадцати одного года от роду он был посвящен в дьяконы, а через два года — в священники.

В 1651 г. Аввакум бежал в Москву, где вошел в кружок царского духовника Стефана Вонифатьева и вскоре получил место священника при Казанском соборе. Но и в Москве Аввакум удержался недолго. 15 апреля 1652 г. умер патриарх Иосиф и на патриарший престол взшел Никон. Начались церковные реформы этого патриарха, которые и привели к расколу церкви. Во главе раскольников, противников деятельности Никона, становится Аввакум. Гордый и властный Никон не терпел возражений и сурово расправился с теми, кто пытался помешать его деятельности. 13 августа 1653 г., когда Аввакум собрался «с братией о госпде порадети», служба была прервана появлением патриаршего боярина Бориса Нелединского со стрельцами. Протопопа арестовали и отвезли на патриарший двор, где его

посадили на цепь и так продержали до утра. Утром, все еще с цепью на шее, его в телеге отвезли в Андроньев монастырь и там снова посадили на цепь в темном погребе. Три дня и три ночи держали здесь протопопа, не давая ему ни пищи, ни воды. На четвертый день вывели Аввакума из погреба, и архимандрит с братией стали уговаривать его подчиниться патриарху, но не имели успеха. Перенесенные истязания, не сломив протопопа, лишь утвердили его в мысли, что он страждет за правую веру.

Никон, убедившись, что ему не удастся сломить дух протопопа, решил применить к нему крайние меры: лишение сана и ссылку. 15 сентября 1653 г. Аввакума привезли из Андроньева монастыря в Успенский собор. Когда Аввакума уже готовились расстригать, царь Алексей Михайлович сошел со своего места и, подойдя к патриарху, стал упрашивать его избавить мятежного протопопа от этого унижения. Уговоры царя подействовали на Никона, расстрижение Аввакума было отменено, и по отношению к нему ограничились одной ссылкой в Сибирь. Его отвели из собора в Сибирский приказ и через несколько дней вместе с семьей отправили в Тобольск. Ссылкой в Тобольск для Аввакума начался долголетний подвиг страдания за проповедуемые им идеи. Тринадцать недель везли сосланного протопопа с семьей до Тобольска, и немало нужды и лишений пришлось им вытерпеть на этом длинном пути. В Тобольске Аввакум оставался недолго: пришел из Москвы указ ехать ему на Лену, а по дороге туда, в Енисейске, застал его новый указ — отправиться ему в Даурию под начальство воеводы Афанасия Пашкова. Пашков получил приказ искать в Даурской земле пашенные места со всякими угодьями и в таких местах для укрепления русского владычества ставить остроги; в эту колонизационную экспедицию и был направлен Аввакум в качестве священника, благодаря чему он очутился в непосредственной зависимости от начальника отряда.

Пашков, по отзыву самого Аввакума, был «суров человек», и ему будто бы «с Москвы от Никона приказано» было мучить Аввакума. Столкновения между ним и Аввакумом начались с первых же дней их совместного путешествия и превратились, наконец, в упорную борьбу, которая длилась шесть лет и о которой сам Аввакум впоследствии выразился таким образом: «...он меня мучил или я его, — не знаю, бог разберет в день века».

Прошло десять лет. Аввакуму приказано было вернуться в Москву, куда он и приехал в 1664 г. Здесь, по-видимому, настало для Аввакума счастливое время. Никон был у царя в немилости, и тайные противники его нововведений всячески ласкали страдальца за старину; сам царь выказывал к нему расположение. Однако Аввакум сразу же увидел, что в этой ласкавшей его влиятельной среде нет настоящего сочувствия его воззрениям; напротив, его стремились склонить к принятию «ни-

конианских новшеств» и обещали даже сделать царским духовником, если он отречется от своих убеждений. Однако протопоп не пошел на это, и в нем вновь загорелся огонь ревности по старине. Сначала он молчал, но потом, по его словам, «паки заворчал», стал вести агитацию за «древнее благочестие», писать царю челобитные, в которых упрекал его за то, что он допустил в государстве своем распространиться «никонианской» ереси. При всем своем желании удержать Аввакума при себе, царь Алексей Михайлович понял наконец, как неосновательны были его надежды на примирение Аввакума с церковью, и прислал ему через боярина Петра Салтыкова приказ: «...власти-де на тебя жалуются: церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Аввакума отправили на Мезень. Здесь протопоп пробыл полтора года и в 1666 г. снова был привезен в Москву, где собран был собор для разбора и обличения раскольниковых заблуждений. Но и тут он, говоря словами официального акта, «покаяния и повинования не принес, а во всем упорствовал, еще же и священный собор укорял и неправославным называл». Тогда собор постановил лишить его сана, и это решение было исполнено в тот же день: в соборной церкви Аввакум был расстрижен и предан проклятию как еретик. Дело кончилось тем, что его отвезли в Пафнютьев монастырь, где, «заперши в темную полатку, скована держали год без мала». После новых бесполезных увещаний, в которых со стороны церковных властей принимали участие и прибывшие в Москву вселенские патриархи, его отправили в 1667 г. вместе с сообщниками, попом Лазарем и иноком Епифанием, в Пустозерский острог на Печоре. Здесь Лазарю и Епифанию вырезали языки и искалечили руки, относительно же Аввакума ограничились заточением в земляном «срубе», посадив его на хлеб и воду. Этот «сруб» представлял собой глубокую яму, вырытую в земле, вход в которую охранялся стражей. Это была могила, в которой заживо похоронили Аввакума и его сообщников. Недаром Аввакум с этих пор начинает называть себя «живым мертвецом». Но в этом заживо похороненном человеке жизненный пульс бился еще с лихорадочной быстротой и энергией, мысль работала с неослабевающим жаром. И в этой темнице Аввакум ухитрялся вести агитацию за «древнее благочестие», посылать письма друзьям, призывать к борьбе с торжествующим в этом мире антихристом. Четырнадцать лет заточения в земляном «срубе» подорвали здоровье Аввакума, но не сломили его воли к борьбе за «правое» дело, его духа. В недобрый час пришла Аввакуму мысль написать послание царю Федору Алексеевичу. Это послание решило судьбу Аввакума и его сообщников. «За великия на царский дом хулы» приказано было сжечь и Аввакума, и его товарищей по заключению. 14 апреля 1682 г. казнь эта свершилась, и жизнь, представлявшая собой почти непрерывный ряд страданий и мучений, закончилась на костре.)

Литературное наследие Аввакума довольно велико — около 80 произведений. В особенности интенсивной становится его литературная деятельность в пустозерской ссылке, куда он был отправлен по царскому указу. Здесь, в земляном срубе, полураздетый, в сырости и грязи, при свете лучины или огарка сальной свечи, Аввакум и написал свои наиболее известные сочинения — «беседы», многочисленные послания и письма и, наконец, знаменитое «Житие» (1672—1673). В 70-х годах этот земляной сруб в Пустозерске стал центром, откуда распространились его произведения; отсюда они в многочисленных рукописных копиях расходились по всей стране, вызывая брожение в народных массах, сочувствие к узнику, протест против «никониан» и правительства; популярность его в народной массе была так велика, что вплоть до казни Аввакума в распространении его сочинений принимала участие даже тюремная стража.

Человек не столько мысли, сколько чувства, встревоженного и взволнованного неурядицами жизни, Аввакум в своих произведениях не всегда последователен, но всегда с большой силой и искренностью отразил именно те стороны раскола — старообрядчества, которые во второй половине XVII в. превратили его в социально-религиозное движение, оппозиционное как по отношению к господствующей церкви, так, в известной мере, и по отношению ко всему феодально-крепостническому строю Русского государства той эпохи. Демократ по происхождению и мировоззрению, Аввакум неизменно освещал и оценивал те или иные явления современной действительности с демократических позиций. Это и привлекло к его сочинениям сочувственное внимание народной массы. Антифеодальные тенденции раскола — старообрядчества сказались в произведениях Аввакума значительно ярче, чем у других писателей — идеологов того же движения.

Когда в ходе своей полемики с «никонианами» по вопросам церковным Аввакуму приходилось касаться жизни и быта господствующего в стране класса, он не скрывал своего негодования. Его глубоко возмущали роскошь и тунеядство хозяев жизни, построивших свое благополучие на труде зависимых от них людей. Едкой иронией и сарказмом проникнуты его характеристики отдельных представителей боярства и епископов. Павла, митрополита Крутицкого, Илариона Рязанского и других феодалов в епископской мантии Аввакум разоблачал особенно сурово, не выбирая слов и не щадя репутаций. Они были ему ненавистны вдвойне: и как «слуги антихристовы» — князья господствующей церкви, и как «волки в овечьей шкуре» феодалы-крепостники. В раздражение приводила Аввакума попытка князей светских и духовных оправдать свое господствующее положение в стране ссылкой на знатность и благородство происхождения. С точки зрения Аввакума, ссылка эта лишена всякого значения, так как перед богом и по природе своей все люди

равны — и бояре, и простые мужики. «Али ты нас тем лутчи, что боярыня?» — писал Аввакум боярыне Ф. П. Морозовой. — Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служат тебе не болши, и мне не менши». Высказывая эту мысль и аналогичные ей, Аввакум выражает одну из центральных идей антифеодального движения того времени. В борьбе народных масс против крепостнического гнета проповедь этой идеи имела большое значение: в сознании масс она разрушала представление о незыблемости существующих общественных отношений.

Не меньшее значение имели и некоторые высказывания Аввакума о царе Алексее Михайловиче. Немногие в то время позволяли себе так писать о «помазаннике божием» — царе, как это не раз делал Аввакум. В «беседе» восьмой, например, Аввакум рассказывает, как он видел однажды во сне антихриста: шел он в сопровождении громадной толпы, вели его под руки, — «плоть-та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит», — а за ним следом шел царь и прочие «власти».

Еще при жизни царя Алексея Аввакум угрожал ему вечной мукой; злорадно рисуя судьбу нечестивого царя Максимьяна и явно имея при этом в виду царя Алексея, он писал: «Бедной, бедной, безумное цариншко! Что ты над собою зделал?.. Ну, сквозь землю пропадай... Полно христиан-тех мучить!»

Основной удар своей обличительной критики Аввакум, как и все остальные идеологи раскола, направлял против господствующей церкви, реформ патриарха Никона. Однако борьба эта, несмотря на то, что велась она со строго ортодоксальных позиций и была направлена в защиту дониконовского православия, под пером Аввакума иногда приобретала явно «еретический» характер, угрожающий самому существованию церкви как феодального института. Большой интерес в этой связи представляет его проповедь демократической беспастырской церкви — свободного союза «верных», не подчиненного церковной иерархии. В «нынешнее огнепальное» время Аввакум советовал «верным» не подчиняться попам-«никонианам», отказаться от их услуг, не прибегать к ним для совершения тех или иных «тайнств»; даже перспектива вообще остаться «без попов» не смущала Аввакума; «аще нужда привлечет», лучше, по мнению Аввакума, «исповедатися искусному простолюдину, нежели невежди попу, паче же и еретику».

Горячо сочувствуя всем обездоленным феодально-крепостническим строем жизни, всем не нашедшим себе места в мире, где уже царит «предтеча антихриста», Аввакум, правда, не мог указать этим «горемыкам» реальный выход из их тяжелого положения. Напуганный размерами торжествующего в стране обще-

ственного зла, Аввакум полагал, что есть только один путь спасения: бегство из этого мира зла, насилия и несправедливости в леса, на окраины государства. В качестве крайней меры Аввакум не отрицал и самосожжения. Однако даже эта проповедь пассивного сопротивления, с которой Аввакум не раз выступал, не могла полностью обезвредить того взрывчатого материала, который содержался в его произведениях, полных возмущения и протеста. Не случайно разинцы после разгрома движения и казни своего вождя стали в 70-х годах объединяться под знаменем «старой веры», примкнули к движению, возглавлявшемуся Аввакумом.

Человек громадной энергии, большой силы духа и общественного темперамента, Аввакум в сочинениях своих обнаружил незаурядные данные писателя — мастера полемики и агитации. Все его произведения посвящены пропаганде дела, которому он ревностно служил. Даже свою автобиографию, свое «Житие», Аввакум написал прежде всего с агитационной целью — на примере фактов собственной жизни, полной борьбы и стойкого сопротивления, нарисовать образ человека-борца, непоколебимо отстаивающего свои убеждения, готового на любые страдания и жертвы, даже на смерть, если в этом будет необходимость. Целью этой продиктованы в «Житии» и отбор биографических фактов, и их освещение.

Аввакум превосходно понимал, что свое назначение его произведения выполняют только в том случае, если они получают широчайшее распространение в народной массе, будут по изложению понятны и доступны даже неграмотному человеку. В заботе о «простом» читателе Аввакум — и в этом сказалось его замечательное чутье народного агитатора — решился, один из немногих в ту эпоху, на очень смелый по тому времени шаг: он стал писать на живом, разговорном русском языке, едва-едва окрашенном «книжными» речениями. Сам Аввакум свой язык характеризует как «просторечие» и «вяканье», демонстративно противопоставляя его тогдашней литературной, «книжной» речи. В предисловии к своему «Житию» он обращается к читателю со следующим предупреждением: «...и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хошет»). Адресуясь к царю Алексею Михайловичу, он убеждает: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах». Аввакум настолько смел в пользовании живой разговорной речью, что вводит в нее диалектные особенности своего родного нижегородского говора. В его произведениях часто встречаются вульгаризмы-ругательства: Никон — «носатый» и «брюхатый», «борзой кобель», «адов пес», «лис», «шиш антихристов», «плутишко».

«Никониане» вообще — «собаки», «поганцы», «толстобрюхие», толсторожие», «воры», «пьяницы», «дураки», «душегубцы».

Меткая, по самой природе своей реалистическая, русская по всему своему складу, пересыпанная поговорками и пословицами, словами и оборотами, иногда грубоватыми, но всегда предельно выразительными и живописными, речь Аввакума — явление в русской литературе XVII в. уникальное. Она предвосхищала будущее развитие русской демократической литературы. Она не утратила своего живейшего интереса и по сегодняшний день. Многие русские писатели, в том числе и советские, в поисках яркой и образной речи не раз обращались к сочинениям Аввакума. Его произведения внимательно изучали М. Горький, А. Толстой и многие другие. «Вяканью» Аввакума соответствует и весь литературный строй его произведений. На фоне современного ему книжного «красноглаголанья» все они производят впечатление необыкновенной простоты. Аввакум действительно писал, как говорил и думал. «Сказ», воспроизводящий все оттенки и повороты живой устной речи, — основная форма его изложения. Обращения к читателю по тому или иному поводу, отступления в сторону, бранные выражения и рядом с ними ласковые уменьшительные слова («детки», «хлебец» и пр.) — все это особенности не только языка Аввакума, но и его литературной манеры.

Свойство Аввакума сообщать всему, о чем бы он ни рассказывал, бытовой, «домашний» характер, не выходя за рамки привычных для него понятий и представлений, — едва ли не наиболее показательная черта его как писателя!

Для примера приведу два отрывка из сочинений Аввакума — из «Списания о божестве и о твари и како созда бог человека» и из «Жития».

Говоря о сотворении человека и грехопадении первых людей — Адама и Евы, Аввакум пересказывает известный библейский текст, сопровождая его время от времени своими комментариями. Змия, соблазнившего Еву, Аввакум описывает так: «Ноги у нее были и крылье было. Хорошой зверь была, красной, докаместь не своровала». Цитируя библейский рассказ об Адаме и Еве после грехопадения («и вкусиста Адам и Ева от древа... и обнажистася»), Аввакум восклицает: «О, миленькие! Одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и з двора спехнул».

А вот рассказ Аввакума о возвращении из сибирской ссылки: «Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопица брели пеши, убивающася о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадыми итти не посеем, голодные и томные люди. Протопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, пова-

лилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“ А протопопица кричит: „что ты, батько, меня задавил?“ Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самая смерти!“ Она же вздохня отвещала: „добро, Петровнич, ино еще побредем“». ⁴⁾

* * *

Среди писателей-старообрядцев первого поколения обращает на себя внимание своим незаурядным литературным талантом инок Епифаний, один из «соузников» протопопа Аввакума в пустозерской ссылке.

В историю старообрядческой литературы XVII в. инок Епифаний вошел как автор собственного «Жития», написанного им незадолго до смерти, в пустозерской ссылке, вероятно, в 1675 или 1676 г.) «Житие» свое Епифаний написал по «повелению» Аввакума, который настаивал на том, чтобы Епифаний в назидаение всем «чтущим и послушающим» непременно рассказал о себе «хотя немношко».

«Житие» Епифания состоит из двух частей; в первой части автор рассказывает о своей жизни на севере, в «пустыне» на реке Суне; во второй — преимущественно о пустозерской ссылке и обо всем том, что он там пережил, «страдаая» за «правую» веру.

Написанное, несомненно, в подражание «Житию» Аввакума, «Житие» Епифания в одном отношении, однако, существенно отличается от своего образца. Епифаний редко и неохотно излагает внешнюю, фактическую сторону своей биографии; он ее и помнит плохо, и явно не дорожит ею в отличие от Аввакума, который любил и умел подробно рассказывать разные события из своей жизни. В центре внимания Епифания не внешние события его жизни, а его внутренний душевный мир, его настроения, сомнения; страхи, радости и печали. Этот повышенный интерес к своему внутреннему «я», это стремление описывать не столько факты, сколько свои переживания, вызванные этими фактами, эта склонность к самоанализу — своеобразная особенность «Жи-

⁴ Издания текстов сочинений Аввакума: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Л., Изд. АН СССР, 1927; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие сочинения, под общей редакцией Н. К. Гудзия. Подготовка текста и комментарий Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. М., Гослитиздат, 1960; А. Н. Робинсон. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Л., Изд. АН СССР, 1963, стр. 139—178. [См. об Аввакуме: И. П. Еремин: 1) В кн.: История русской литературы в трех томах, т. 1, стр. 352—356; 2) Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка, стр. 19].

тия» Епифания, придающая ему характер скорее лирической исповеди, чем автобиографии.

«Житие» свое Епифаний писал обрубками пальцев (он два раза подвергался казни: ему два раза отрезали язык и обрубили пальцы на правой руке), в «темнице», в земляном срубе, «с часу на час» «ожидая исхода души своей». Это сказалось на его «Житии». В нем немало места уделено подробному описанию разных «сонных» видений, таинственных голосов, чудес. В объективной реальности этих своих галлюцинаций, рожденных его болезненно возбужденным воображением, Епифаний не сомневался; усматривая в них знак особого благоволения божьего к себе, он не раз рассказывал о них и устно своим пустозерским «соузникам». Много, о чем повествует Епифаний, производит впечатление какого-то сна наяву: реальная действительность так тесно сплетается у него с фантастической, что подчас трудно провести границу между ними. Характерная особенность стиля Епифания состоит в том, что он свои бредовые галлюцинации облекает в такие натуралистически конкретные формы описания, что фантастическое в его изображении приобретает все черты объективно реального факта.

Первую часть своего «Жития» Епифаний почти целиком посвятил рассказу о своей борьбе с бесами в сунарецкой «пустыне». В изображении Епифания бесы — типичные запечные «шишиги» народных сказок. Хитрые и «пронырливые», они всеми доступными им средствами старались как-нибудь досадить Епифанию (поджигали у него келью, однажды чуть не удавили). К счастью, у Епифания всегда находился под рукой «образ вольяшной медяной пречистыя богородицы», который несколько сдерживал бесов. С народными сказками о разных «шишигах» первая часть «Жития» инока Епифания сближается не только своими представлениями о бесах, но и натуралистически конкретной формой описания всех своих столкновений с ними. Замечателен в этом отношении тот эпизод первой части «Жития», где он рассказывает, как ему удалось однажды жестоко наказать бесов за все их проделки. Помогла ему в этом богородица, образ которой подарили ему в Соловецком монастыре, когда он собирался идти на Суну.

Эта часть «Жития» Епифания писалась по воспоминаниям, которые уже успели перепутаться в памяти автора с реминисценциями из народных сказок, а может быть, и книг, когда-то прочитанных им.

Вторая часть «Жития» была написана под не остывшим еще впечатлением от казни, по свежим следам событий; в ней меньше вымысла, больше правды. Заметно отличается вторая часть «Жития» от первой и формой изложения: рассказ ведется в более сдержанных тонах, без отступлений в сторону, без той словоохотливости, которая порой сказывается в первой части и придает ей сказочно-эпическую медлительность. Начинаясь с

повествования о событиях из сунарецкого прошлого Епифания, вторая часть к концу перерастает в исповедь, полную скорбной лирики: автор говорит о своем «страдании темничном», своей тоске, своих сомнениях; сетует, жалуется на судьбу, порой даже ропщет на бога.) Центральное место в этой части «Жития» Епифания занимает рассказ о второй, пустозерской казни 1670 г. и обо всем том, что пришлось Епифанию пережить после того, как ему снова по государеву указу отрезали язык и отрубили пальцы на правой руке. Рассказ этот, полный драматизма и большой искренности, во многих отношениях типичен для Епифания как писателя. В нем с особенной наглядностью сказываются характерные черты его своеобразного таланта: лиризм, натуралистическая конкретность описаний в сочетании с фантастикой разных «сонных» видений и чудес.

«Житие» свое Епифаний написал на том же живописном «просторечии», которое ввел в старообрядческую литературу протопоп Аввакум. В языковом отношении «Житие», впрочем, не вполне однородно: охотно прибегая к «просторечию» в описательных частях своего рассказа, Епифаний в тех случаях, когда он от описания переходил к лирике своих интимных переживаний, предпочитал язык славянский; все «высокое» в понимании Епифания нуждалось, видимо, и в соответствующем словесном оформлении.

Не отрицая зависимости «Жития» Епифания в формальном отношении от «Жития» Аввакума, необходимо все же подчеркнуть, что Епифаний сумел внести в русскую литературу XVII в. и нечто свое. Новым в «Житии» Епифания был интерес к миру своих интимных переживаний, попытка дать самоотчет о своих побуждениях и настроениях, нередко противоречивых, разобраться в них, проникнуть во «всю внутреннюю свою».⁵

Возникновение театра и драматургии

Широкое развитие демократической литературы — не единственный крупный факт литературного движения рассматриваемой эпохи. На рубеже XVII—XVIII вв. заметные перемены происходят и в литературе господствующих слоев русского общества. Стремление отмежеваться от старой литературной традиции, тенденции к полному обновлению всего круга чтения с каждым годом сказываются в ней все сильнее и отчетливее. Старые литературные формы, уже не соответствующие вкусам и потребностям общества, прежде всего дворянства, заменяются новыми. Новые формы в эту эпоху чаще всего появляются в порядке прямой «пересадки» на русскую почву литературного опыта со-

⁵ [См.: И. П. Еремин. Житие Епифания. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 322—326].

седних стран, быстрого его усвоения и приспособления к местным условиям; возникает впервые в русской литературе поэзия как самостоятельная и ведущая отрасль художественного творчества. Появляется театр, а вместе с ним и первые опыты в области драматургии. Приобретает популярность переводной, преимущественно с польского языка, роман западноевропейского происхождения: роман рыцарский с его культом рыцарской чести и роман любовно-авантюрный с его романтикой приключений, с его новым, «галантным» отношением к женщине, с его интересом к человеческой индивидуальности.

Все эти литературные начинания, характерные для молодой, еще только складывающейся дворянской культуры, в эти годы — годы перерастания сословно-представительной монархии в монархию абсолютную — пользуются нередко поддержкой правительства.

* * *

Первый русский театр возник в конце XVII в. при дворе царя Алексея Михайловича. Устроить театр Алексей Михайлович задумал еще в 1660 г. Он поручил англичанину Гебдону привезти в Москву наряду со специалистами по военному делу и строителями «мастеров комедию делать». Это поручение царь дал, по-видимому, под свежим впечатлением донесения своего посла Василия Лихачева, который в 1659 г. ездил во Флоренцию и видел там при дворе герцога Фердинанда Медичи три «комедии». Отчет Лихачева о своей поездке — очень ценный и любопытный документ, показывающий представления русского человека того времени о театре. Установить, какие «комедии» видел во Флоренции Лихачев, трудно, но предполагают, что одной из виденных им пьес было «Возвращение Улисса». Это описание произвело сильное впечатление на царя, и он стал подумывать об устройстве театра в Москве. «Статейный список» Лихачева явился толчком для указа царя.

К мысли устроить и у себя при дворе театр царь Алексей Михайлович вернулся снова в 1672 г. Рождение 30 мая 1672 г. царевича Петра вызвало желание отпраздновать это радостное событие на европейский лад, по-заморскому. В поисках людей, «которые умели бы всякие комедии строить», обратились в Немецкую слободу, где изредка устраивались любительские спектакли. Вступили в переговоры с пастором лютеранской церкви Иоганном Готфридом Грегори. Не решаясь ставить «комедии» один, пастор Грегори обратился к правительству с просьбой пригласить из-за границы опытных режиссеров. Полковник Николай фон Стаден получил царский указ ехать за границу, в Курляндию, за актерами. Если же он, фон Стаден, таких людей в Курляндии не добудет, то ему приказано было ехать «во владение королевского величества Свейского и в Прусскую землю». В Риге он вел переговоры с антрепренерами разных немецких странствующих трупп, договаривался даже с Иоганном Фельте-

ном, популярным театральным деятелем того времени, приглашал в Москву известную датскую певицу Анну Паульсон. Однако все попытки фон Стадена нанять людей, знающих театральное искусство, не имели успеха. Артисты по разным причинам в Москву не поехали. Большинство из них испугалось рассказов о Москве. Фон Стадену удалось привезти с собой из-за границы только нескольких музыкантов.

В Москве не возлагали больших надежд на миссию фон Стадена. Не дожидаясь приезда иностранных актеров, пастору Грегори было приказано готовить «комедию», для чего он собрал труппу в 60 человек из детей служилых и торговых иноземцев, живших в Немецкой слободе. А затем приступил к их обучению совместно с двумя своими ближайшими помощниками — Юрием Гивнером и Яганом Пальцером.

В подмосковном селе Преображенском, летней резиденции царя, спешно воздвигали театральную «хоромину». Это было просторное деревянное здание, разделенное на две части; «хоромину» покрывала тесовая крыша; для окон был выдан целый сундук «оконничьих» стекол. Внутренние стены «хоромины» были обиты зеленым и красным сукном. Царское место находилось у самой сцены. Для царицы и царевен были сооружены особые «клетки» в виде лож, закрытых частой решеткой. Для остальных зрителей были поставлены деревянные лавки. Сцена была отделена от зрительного зала брусом с перилами. Занавеса сцена, кажется, не имела. Для освещения сцены и зрительного зала были расставлены «лубяные коробки» и подсвечники для сальных и «маковых» свечей. Представление, вероятно, шло в полумраке.

Первый спектакль в Преображенском состоялся 17 октября 1672 г. Это был день рождения русского театра. Один из послов в своих воспоминаниях пишет, что царь в продолжение десяти часов внимательно следил за ходом спектакля. Успех первого представления решил судьбу театра при дворе царя Алексея Михайловича. Преображенский театр считался летним; 22 января 1673 г. в Кремлевских палатах был открыт и зимний театр.

Первое время в пьесах играли актеры из Немецкой слободы. Потом была набрана русская труппа из мещан и подъячих. Она была отправлена в Немецкую слободу к пастору Грегори для обучения. Среди актеров были дети и взрослые. Женщин в труппе не было, и женские роли исполняли мужчины. Начало занятий в этой первой русской театральной школе относится, по-видимому, к сентябрю 1672 г. Занятия шли не круглый год, а лишь в те периоды, когда подготавливалась к постановке очередная «комедия». До 1675 г. во главе театра и театральной школы стоял Грегори. После его смерти руководство театральным делом перешло к его ближайшему помощнику Юрию Гивнеру, а с конца 1675 г. — к Степану Чижинскому, бывшему учителю латинского языка в Киевской коллегии.

На постановку первой «комедии» была израсходована очень большая сумма денег. Декорации, или «рамы перспективного письма», писались под руководством иностранца Петра Энглеса. На устройство этих «рам» пошло семьсот аршин холста. В первых спектаклях участвовал органист Симон Гутовский и скрипач, или лютист, Тимофей Гасенкрух. В 1674 г. при театре организовалась балетная труппа, руководство которой было поручено инженеру Николаю Лиму. Менее щедр царь был по отношению к актерам. Русские актеры получали всего по грошу в день и находились в очень незавидном материальном положении. Материальное положение первых актеров первого русского театра наглядно рисуется из челобитной, которую подали царю Алексею Михайловичу «Васька Мешалкин с товарищи». Кончается эта челобитная горестным обращением к царю: «...вели, государь, нам свое, великого государя, жалованье на пропитанье поденный корм учинить, чтоб нам, холопам твоим, будучи у того комедийного дела, голодною смертию не умереть. Царь-государь, вели милуйся!»

«Комедии» ставились до конца царствования Алексея Михайловича, до 1676 г. С воцарением Федора Алексеевича, не сочувствовавшего театральным увлечениям своего отца, «комедии минулись». Театр прекратил свое существование.

Репертуар театра царя Алексея Михайловича состоял из пьес преимущественно на сюжеты, заимствованные из библейских книг. В день открытия театра 17 октября 1672 г., была поставлена «Эсфирь» («Артаксерково действо»). Вслед за «Эсфирью» шли «Комедия о Товии младшем», «Иудишь», «Егорьевская комедия», «Комедия об Адаме и Еве», «Малая прохладная комедия об Иосифе», «Комедия о Давиде с Голиафом». Постепенно театр царя Алексея Михайловича стал переходить на светские пьесы, чередуя их с библейскими. На светский сюжет были поставлены: «Комедия о Тамерлане и Баязете», «Комедия о Бахусе с Венусом». Из всех этих пьес до нас дошли только пять: «Артаксерково действо», «Иудишь» и «Комедия о Тамерлане и Баязете» — полностью; «Комедия об Адаме и Еве» и «Комедия об Иосифе» — в отрывках.

По своему происхождению пьесы театра царя Алексея Михайловича восходят к пестрому репертуару народного европейского театра первой половины XVII в. Репертуар этот состоял частью из школьных драм, переработанных для народной сцены, частью из так называемых «английских комедий» — пьес бродячих английских «комедиантов». Пьесы, дошедшие до нас полностью, — типичные «английские комедии» со всеми признаками английского драматургического стиля, сформировавшегося в елизаветинскую эпоху.

Характерные особенности комедий английского стиля — большое количество картин и действующих лиц («Иудишь» — 7 действий, 22 картины, 63 действующих лица; «Комедия о Та-

мерлане и Баязете» — 3 действия, 13 картин, 30 действующих лиц); параллельные драматические интриги; отсутствие единства времени и действия; обилие кровавых сцен, эффектов; светская трактовка любовных сцен; чередование трагического и комического, пафоса и шутки.

«Иудифь» — драматизация библейского рассказа об Иудифи, спасшей иудеев от нашествия Олоферна, которому она, придя якобы на любовное свидание, отрубает голову. В Германии история Иудифи начиная с 1534 г. обрабатывалась свыше 12 раз. До нас дошли три варианта этой переработки. Московская пьеса не совпадает ни с одной из европейских пьес XVI—XVII вв. об Иудифи. Это дает основание думать, что пастор Грегори свою пьесу составил сам, следуя библейскому рассказу и традиции «английских комедий» народного театра.

«Комедия о Тамерлане и Баязете» — переработка последних трех актов первой части трагедии известного английского драматурга Христофора Марло — «Тамерлан Великий». Эта пьеса была поставлена в Лондоне около 1587 г. Трагедия эта проникла на немецкую народную сцену. Один из сценических вариантов ее лег в основу русской пьесы, поставленной Ю. Гивнером; в его редакции «Комедия о Тамерлане и Баязете» воспроизводит отдельные эпизоды войны Тамерлана с турецким султаном Баязетом.

«Комедия об Адаме и Еве», поставленная в 1675 г. Ю. Гивнером, по ряду признаков должна быть отнесена к типу школьных драм. По содержанию своему пьеса напоминает средневековую мистерию; она делится на две части: первая изображает историю грехопадения Адама и Евы, вторая — суд над Адамом и Евой, нарушившими божью заповедь. Но мистерия эта в формальном отношении уже испытала воздействие теории и практики школьного театра. Об этом свидетельствуют наличие в пьесе пролога, вокальных антрактов, появления аллегорических фигур Правды, Истины, Милосердия, Мира и т. п.

К разряду школьных драм относятся также «Егорьевская комедия» и «Комедия о Давиде с Голнафом».

Репертуар московского театра, как мы видим, очень пестр — от «английских комедий» до школьных драм.

Несколько особняком в репертуаре театра царя Алексея Михайловича стоит пьеса, разыгранная под руководством С. Чижинского накануне закрытия театра, — «Комедия о Бахусе с Венусом». Пьеса эта до нас не дошла. Сохранился, однако, документ — список расходов на постановку этой «Комедии», из которого можно извлечь некоторые данные для ее характеристики. Судя по расходному списку, в «Комедии о Бахусе с Венусом» выступали следующие действующие лица: Бахус, его жена Венус, их сын Купидон, тринадцать пьяниц, десять девиц, отец пьяниц, вестник, шут и т. п. — всего 40 человек. «Комедия», очевидно, была игривого содержания, на что указывают как

названия персонажей, так и материя для костюмов Венеры и Купидона: тонкий холст телесного цвета.

Откуда и как эта «Комедия» проникла на московскую сцену XVII в., не зная текста ее, трудно сказать. Можно сделать предположение, что пьеса связана с итальянскими традициями. Возможно даже, что это был балет с музыкой, танцами и прочими атрибутами.

Предназначенные к постановке на сцене театра пьесы надо было переводить на русский язык, что обычно делалось штатными переводчиками Посольского приказа. Перевод представлял для них, видимо, очень трудную задачу. Они часто переводили буквально, в результате чего текст оригинала нередко утрачивал свой смысл. Отсюда и обилие германизмов, которыми пестрят эти переводы. Особенно трудно давались переводчикам монологи героев; здесь переводчики сталкивались с длинными периодами, цветистыми метафорами. Более удавались им монологи, строй речи которых напоминал славянские библейские тексты или молитвы. Еще большие трудности для них представляли любовные сцены. «Галантная» фразеология плохо повиновалась переводчикам Посольского приказа, привыкшим к языку приказных столбцов. Задачи переводчиков значительно упрощались, когда от сцен серьезных они переходили к сценам комикобуффонным. Здесь они иногда удачно противопоставляли тяжелому языку своих трагических и любовных монологов живое «просторечие». Элементами «просторечия» в буффонных интермедиях особенно богата «Иудифь».

В каком направлении продолжал бы развиваться первый русский театр, если бы смерть царя Алексея Михайловича в 1676 г. не прервала его существования, сказать трудно. Очень возможно, что пьесы светского содержания в репертуаре театра заняли бы большее место, чем это было вначале. Постановка «Комедии о Бахусе с Венусом» свидетельствует о каком-то переломе в репертуаре театра, о тенденции перехода к светскому сюжету. Но эта тенденция осталась нереализованной. В 1676 г. театр был закрыт, и театральные представления возобновились только в XVIII в. Театр существовал всего четыре года, но он положил начало русской театральной культуре.

Театр царя Алексея Михайловича был придворным; на представлениях бывал ограниченный круг людей. В самом начале XVIII в. возник в Москве первый у нас публичный, общедоступный театр, устроенный по типу западноевропейских. Театр возник по инициативе Петра Великого. Создание этого театра — одна из интереснейших страниц в истории европеизации Московской Руси.

Организация театра была поручена Посольскому приказу. Подъячие оказались в довольно затруднительном положении, так как не знали, где искать «комедиантов» и как вообще при-

ступить к этому делу. Выручил их иностранец, выходец из Венгрии Ян Сплавский, служащий Посольского приказа. В 1701 г. Ян Сплавский был отправлен в Данциг, где он заключил договор с руководителем одной из немецких странствующих трупп Иоганном Христианом Кунстом. Однако когда наступил день отъезда, Кунст взял свое слово обратно и наотрез отказался ехать в далекую Московию. Он обещал приехать в Москву лишь при условии, что ему и его труппе будет дана достаточная гарантия, что он со своими артистами в любое время сможет свободно возвратиться назад. Петр Великий, узнав о переговорах, разрешил дать такую гарантию Кунсту. После длительных переговоров Кунст вместе со своей труппой в количестве девяти человек прибыл в Москву. Вместе с Кунстом приехала и его жена Анна Кунст, первая актриса на русской сцене. Так как труппа была очень невелика, решили пополнить ее русскими актерами. Они были набраны из подъячих и посадских людей — двенадцать человек. Таким образом, Иоганну Кунсту с первых же дней его прибытия в Москву пришлось исполнять обязанности не только директора первого русского общедоступного театра, но и директора театральной школы, главного режиссера, декоратора и даже костюмера. Он же должен был следить за постройкой театрального здания, «комедийной хоромины» на Красной площади. Театральная «хоромина» строилась деревянной; в ней должны были быть «театрум, и хоры, и лавки, и двери, и окна». Чтобы не терять даром времени и не ждать окончания постройки, было решено открыть представления во временном театре, приспособив для этой цели дворец Лефорта в Немецкой слободе. Представления в «комедийной хоромине» на Красной площади начались, по-видимому, в 1702—1703 гг. Театр был платным; ходить в театр было «повольно» всем. Петр старался приохотить публику к театру при помощи различных мер, одной из которых было уменьшение расходов, связанных с посещением театра. Чтобы приезжающие в город на спектакль могли где-то остановиться, было приказано построить около театра «три или четыре избы». Театр вмещал до 400 зрителей. Вещественное оформление спектаклей стояло на уровне современной западноевропейской техники. Иоганн Кунст пользовался в своих постановках машинами, предназначенными для воспроизведения тех или иных сценических эффектов. Большое внимание уделялось костюмам, на которые не жалели денег. Спектакли шли в сопровождении оркестра музыкантов, специально выпущенных из Гамбурга. На службе при Посольском приказе из театральных надобностей состояли два балетных артиста — братья Карл и Ян Кокий. В 1704 г. «для спевания по-немецки» были приглашены две певицы-иноземки — И. Вилинг и ее сестра Г. Пагенкамф.

Первый русский публичный театр просуществовал недолго. В 1706 г. он был ликвидирован. Какие причины побудили пра-

вительство так скоро прикрыть дело, на которое было потрачено столько сил и денег, точно неизвестно. Несомненно, что решающее значение имел тот факт, что театр не оправдал тех надежд, которые на него возлагали, не сумел дать того, что от него требовали. Петр был недоволен репертуаром театра. Организуя театр, ждали от него откликов на современность, надеялись на то, что он сумеет учесть обстановку и, не замыкаясь в своем традиционном репертуаре, будет ставить также «комедии» агитационного содержания по заданию правительства. Театр, однако, этих требований систематически не выполнял, а если и выполнял, то крайне редко, явно предпочитая этим новым «невиданным и неслыханным» комедиям свой традиционный репертуар.

Репертуар театра состоял из пьес, бывших в большом ходу на немецкой сцене в начале XVIII в. Случайно сохранившееся до нас «Описание комидиям, что каких есть в Посольском приказе мая по 30 число 1709 года» в какой-то степени отражает репертуар труппы И. Кунста и О. Фирса (директора театра, сменившего умершего И. Кунста). В «Описании» перечислены тринадцать пьес. Из них полностью дошли до нас только шесть: «О Франталпее, короле Эпирском, и о Мирандоне, сыне его», «Честный изменник, или Фредерико фон Поплей и Алоизия, супруга его», «Сципий Африканский, или Погубление королевы Софонисбы», «Тюрмовой заключник, или Принц Пикель Гяринг», «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер», «Комедия о Тамерлане и Баязете». Остальные пьесы известны нам или в отрывках, или только по заглавиям.)

Происхождение первой пьесы — «О Франталпее, короле Эпирском, и о Мирандоне, сыне его» — неясно, хотя ее немецкий оригинал и отыскан. По сюжету своему она отдаленно напоминает «Зимнюю сказку» Шекспира. Вторая пьеса — «Честный изменник, или Фредерико фон Поплей и Алоизия, супруга его» — представляет собой переделку популярной в свое время трагедии итальянского писателя первой половины XVII в. Чиконьини «Предательство ради чести, или Раскаявшийся мститель» (1664). Пьеса характерна своими мелодраматическими эффектами, изобилием разного рода патетических сцен, нагромождением «ужасов». «Тюрмовой заключник, или Принц Пикель Гяринг» — переделка комедии французского писателя второй половины XVII в. Томаса Корнеля «Принц Жодлэ, или Сам для себя тюремщик» (1665). Т. Корнель заимствовал сюжет из комедии испанского драматурга П. Кальдерона «Сам для себя тюремщик». Оригиналом комедии «Сципий Африканский, или Погубление королевы Софонисбы» является трагедия немецкого писателя XVII в. Лознштейна «Софонисба» (1680), написанная на сюжет, заимствованный у Тита Ливия. Оригиналом комедии «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер» — известная комедия Мольера «Амфитрион» (1668). Последняя из дошедших до нас пьес, перечисленных в «Описании», «Комедия

о Тамерлане и Баязете» уже известна нам по репертуару театра царя Алексея Михайловича.

Репертуар театра довольно пестрый; сюда входили пьесы и любовно-авантюрного содержания, и историко-героические трагедии, и комедии, и шутовские буффонады.

Первый русский публичный театр просуществовал всего несколько лет. Двери театральной «хоромины» на Красной площади были забиты, но интерес к театральным зрелищам не пропал. Не прошло и года после закрытия театральной «хоромины», как возник новый театр, в подмосковном селе Преображенском. Театр этот был создан по инициативе царевны Натальи Алексеевны в ее палатах. Новый театр по типу своему был театром придворным, хотя и не таким недоступным для широкой публики, как театр царя Алексея Михайловича. Переехав в 1708 г. в Петербург, Наталья Алексеевна возобновила представления своей труппы, состоявшей из 10 русских актеров и актрис. При театре имелся также оркестр из 16 музыкантов, тоже русских, игравших, правда, по словам современников, без всякого искусства.

Следуя примеру царевны Натальи Алексеевны, устроила театр у себя в подмосковном селе Измайлове и царица Праксovia Федоровна, вдова царя Иоанна. Театр был устроен очень изящно, только костюмы были не особенно хороши и зрительный зал освещался со сцены, так что, когда опускался занавес, зрители сидели в потемках. Измайловский театр существовал, по-видимому, до конца петровского царствования. Сведений о репертуаре театра не сохранилось.

* * *

В истории театра и драмы петровского времени не последнее место принадлежит и так называемому «школьному» театру. Первый школьный театр возник у нас еще в самом начале XVIII в. в стенах московской Славяно-греко-латинской академии. Царским указом от 7 июля 1701 г. Московская академия, основанная в 1687 г., была преобразована по типу Киевской; в программу преобразованной академии были введены «учения латинские», были выписаны из Киева не только профессора, специалисты по «латинским учениям», но и студенты. В Киевской академии, основанной Петром Могилой и организованной по типу латино-польских иезуитских коллегий, уже давно укоренился обычай устраивать время от времени театральные представления силами профессоров и студентов. Этот обычай наряду с некоторыми другими академическими традициями киево-могилянского «Атенея» также был перенесен в Московскую академию. Первый школьный спектакль в московских «новосияющих словено-латинских Афинах» состоялся уже в ноябре 1701 г. Была поставлена драма на сюжет евангельской притчи о бога-

том и Лазаре. Драма, по всей вероятности, была привезена из Киева или составлена одним из профессоров-украинцев.

Несколько лет спустя возник в Москве еще один школьный театр — при московском хирургическом госпитале, учрежденном не только «для лечения болящих», но и для преподавания медицинских наук. Актерами и авторами пьес были ученики госпитальной школы. Госпитальный школьный театр существовал довольно долго; сохранилось известие, что еще в 1742 г. там была поставлена комедия о Тамерлане.

Школьными были и первые у нас провинциальные театры — при филиалах Славяно-греко-латинской академии, провинциальных духовных семинариях, в Ростове (Ярославском), Новгороде, Твери, Троицкой лавре, Астрахани. Сохранились известия о существовании семинарских школьных театров в Тобольске и Иркутске.

Репертуар всех этих школьных театров состоял из пьес, которые специально сочинялись или преподавателями поэтики (пинтики), или учащимися под руководством преподавателя. Драммы писались в соответствии с теми правилами, которые рекомендовала поэтिका — школьная теория драмы. В основе теории драмы, излагавшейся украинскими и русскими преподавателями поэтики, лежало главным образом учение Якова Понтана, автора знаменитого в свое время руководства по теории поэзии — «Три книги наставлений в поэзии», вышедшего в свет в 1594 г. и не раз впоследствии переиздававшегося.

Школьная теория драмы обычно различала три основных вида драматических произведений: трагедию, комедию и трагикомедию. Героями трагедий рекомендовалось выбирать лиц высокопоставленных — царей, вельмож, военачальников, знаменитых в истории мужей и женщин. Сюжеты для трагедий следовало черпать преимущественно из истории разных племен и народов, как древней, так и новейшей, библейской и гражданской, церковной и политической. В комедии не должно быть мотивов серьезных, мрачных, наводящих ужас, а нужно брать мотивы из частной, обывательской жизни; героями комедии полагалось выводить простых горожан и крестьян, людей незнатных, неизвестных, а также представителей разных национальностей. Основной формой драмы считалась пьеса, разделявшаяся на несколько действий — от одного до семи, открывавшаяся прологом и заключавшаяся эпилогом. Первому акту, а в отдельных случаях и каждому акту рекомендовалось предпосылать немую или сопровождающуюся пением, музыкой и танцами аллегорическую сцену, в которой передавалась бы сущность последующего представления или содержались аллегорические намеки на сюжет пьесы. Этот последний предписывалось развертывать постепенно, на основе композиционной схемы, состоящей из четырех частей. Соблюдение единства действия и времени считалось одним из условий правильно написанной пьесы.

На единстве места школьная теория драмы не настаивала. Зрелищ, оскорбляющих душу зрителя чрезмерной жестокостью или представляющих что-нибудь слишком неправдоподобное, следовало избегать. Одним из наиболее характерных требований школьной теории драмы было правило, предписывающее вводить в число действующих лиц пьесы модные в искусстве XVI—XVII вв. мифологические образы и аллегорические фигуры, персонификации тех или иных добродетелей и пороков, душевных качеств, отвлеченных понятий, стран света, государств, народов и т. п.

Драматурги наших школьных театров обычно считались с этими требованиями школьной теории драмы и в основном относительно близко воспроизводили в своих пьесах литературный стиль аналогичных им пьес киевского и западноевропейского школьного репертуара.

Характерной особенностью репертуара московского школьного театра и его филиалов в сравнении с репертуаром киевской школьной сцены является наличие в нем большого числа так называемых «триумфальных», панегирических пьес и пьес, написанных на сюжеты популярных рыцарских и любовно-авантурных романов.

Преобладание пьес этого типа в репертуаре московского школьного театра — факт отнюдь не случайный. Приглашая в преобразованную Славяно-греко-латинскую академию киевских ученых, Петр Великий имел в виду не отвлеченные, а чисто практические цели. Он надеялся, что представители киевской науки будут содействовать осуществлению его преобразований, проведению реформы. Этому же он ждал и от организованного при академии театра. Киевские ученые не обманули возлагавшихся на них надежд. Традиционный репертуар киевского школьного театра, за немногими исключениями, не соответствовал новым репертуарным требованиям. Его нельзя было механически перенести на московскую школьную сцену, а надо было в корне перестроить. Так появились панегирические пьесы, вызвавшие живейший интерес современников, написанные по свежим следам последних политических событий, обычно в честь тех или иных военных триумфов Петра Великого. Панегирические спектакли представляли собой пышное зрелище: на сцене выступали в роскошных костюмах, на «строение» которых отпускались из казны специальные средства, аллегорические фигуры, персонификации отвлеченных понятий, стран света, государств, «гениуши» разных народов, боги античного Олимпа; устраивались разного рода световые эффекты, пантомимы; спектакль сопровождался хорами, балетом, музыкой. С большим сочувствием были встречены и инсценировки модных рыцарских и любовно-авантурных романов. Сюжеты большинства из них построены на основе любовно-романтической интриги. В этих драмах впервые со школьной сцены заговорила лирика.

любовных переживаний, впервые зазвучали страстные диалоги влюбленных, раздалось слова, не слыханные до тех пор на подмостках школьного театра. Включая эти драмы в свой репертуар, русский школьный театр сделал смелую попытку выйти за пределы традиционной тематики, положил прочное основание русскому национальному репертуару пьес на любовно-романтические сюжеты, давно освоенные западноевропейской драматургией.

Все дошедшие до нас любовно-романтические драмы русского школьного театра в формальном отношении представляют собой своеобразное объединение двух литературных стилей: традиционного школьного классицизма и характерного для переводных и оригинальных романов и любовной лирики петровского времени «галантного» сентиментализма. Влияние первого стиля сказалось главным образом на композиции драм, воздействии второго — на трактовке любовно-романтической темы и на фразеологии. Наиболее замечательной из дошедших до нас школьных любовно-романтических драм является «Комедия о графе Фарсоне», составленная каким-то безымянным школьным драматургом не позже 1738 г. Источник ее неизвестен. Написанная великолепным русским языком, почти свободным от характерных для большинства школьных драм славянизмов, украинизмов, полонизмов, «Комедия о графе Фарсоне» замечательна также реалистической конкретностью, с какой автор воспроизводит придворные нравы своего времени.

В практике западноевропейского и киевского школьного театра издавна существовал обычай вставлять в антрактах между действиями серьезной драмы так называемые интермедии, или «междувброшенные игральища». Этот обычай перешел и на московскую школьную сцену. Составлялись интермедии в соответствии с теми требованиями, которые школьная теория драмы предъявляла к жанру комедии. В комедии теория предписывала изображать разные забавные «происшествия частной жизни обывателей», выводить на сцену только лиц «простого», незнатного происхождения. Авторы русских интермедий обычно строго придерживались этого правила. Они черпали сюжеты для интермедий из бродячих шуточных анекдотов или непосредственно из народного быта, преимущественно быта городских посадских низов; вывели на сцену целую галерею «простонародных» типов, среди которых в особенности обращают на себя внимание колоритные фигуры взяточника-подъячего, попа-раскольника, мрачного фанатика, пьяного монаха, цыгана и т. п. Интермедии русского школьного театра — это коротенькие сценки, в которых принимают участие две-три комические маски; встречаются интермедии и более упрощенного типа, все содержание которых исчерпывается тем, что на сцене появляется та или иная комическая маска, произносит монолог-самохарактеристику и уходит.

Значительно больший интерес представляют интермедии, от-

ражающие современный их авторам «простонародный» быт. Некоторые из них поражают и чистотой своего народного языка, и мастерским реалистическим воспроизведением тех или иных сторон этого быта.

Интермедии недоразвились до настоящей комедии нравов в нашем смысле этого слова, но в историко-литературном отношении они все же интересны как наиболее ранние в нашей литературе образцы пьес комедийного жанра.⁶

Симеон Полоцкий и возникновение стихотворства

До XVII в. поэзии на Руси не было. Она возникла только в XVII в. в результате начавшегося уже с конца XVI в. оживленного обмена литературным опытом между Московской Русью и Украиной, возникла в порядке «пересадки», «прививки».

Византийская поэзия осталась неизвестной Киевской Руси, за исключением церковной, литургической поэзии. Поэзия эта, в оригинале основанная на ритмическом чередовании ударных и неударных слогов, переводилась у нас, однако, прозой. Византийская светская поэзия на Руси совсем не привилась, хотя в XI—XII вв. она была представлена в Византии довольно широко. Не знали в Киеве ни Христофора из Митилены, ни Иоанна Евханта, ни Феодора Птохопротрома, автора популярного романа в стихах о любви Досикла и Роданфы, ни Евстафия Макремболита.

Некоторую известность приобрели в русской литературе только три византийских поэта (но не ранее XIV в.): Георгий Писида, поэт VI в., «Шестоднев» которого был переведен на славянский язык в 1385 г.; Филипп Монотропос, поэт XI в., стихотворный диалог которого «Диоптра» («Зеркало добродетелей») был переведен в 1305 г.; наконец, Константин Манассия, поэт первой половины XII в., автор романа в стихах об Аристандре и Каллифее и обширной стихотворной «Хронике», доведенной автором от сотворения мира до 1081 г. «Хроника» около 1350 г. была переведена на болгарский язык и в этом переводе получила распространение и в русской литературе, на которую даже оказала в стилистическом отношении некоторое влия-

⁶ Издания текстов: Русские драматические произведения 1672—1725 годов, изд. Н. Тихонравовым, тт. 1—2. СПб., 1874; И. А. Шляпкина. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898; «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.—Л., Изд. АН СССР, 1967. [См. также: И. П. Еремин: 1) Московский театр XVII века. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 368—373; 2) Театр и драматургия начала XVIII века. — В кн.: История русской литературы, т. III, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 97—116].

ние. Необходимо, однако, отметить, что все эти произведения были переведены не стихами, а прозой.

Почему же не привилась на Руси поэзия? Главная причина — незнание греческого языка и отсутствие школы.

До XVII в. на Руси не было и драматургии, но причины ее отсутствия иные.

Драму в Византии давно вытеснили цирк, мим и пантомима. Единственная византийская драма — «Христос скорбящий» — была написана в XI—XII вв. Драма создана по образцу античных трагедий: она состоит из рассказов вестников и плачей, многие стихи заимствованы из Эврипида, Эсхила и Ликофрона. Неудивительно поэтому, что драматургия не привилась в Киевской Руси: ее не было в Византии.

Итак, до XVII в. Россия не знала поэзии и драматургии. Поэзия как особая художественная форма зарождается только во второй половине XVII в.

Возникновение стихотворства и драматургии связано с именем Симеона Полоцкого.

Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (Симеон — имя, которое он получил, когда постригся в монахи) родился в Полоцке в 1629 г. О днях его молодости нам известно только то, что он учился в Киевской академии, крупнейшем тогда православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. От 1648 г. до нас дошел составленный им и собственноручно переписанный конспект теории поэзии; от 1653 г. — сборник риторических упражнений на польском и латинском языках. Для завершения образования он ездил в одну из польских иезуитских академий; возможно, что академией этой была самая знаменитая тогда — Виленская.

В 1656 г., два года спустя после освобождения Полоцка русскими войсками, он принял монашество в полоцком Богоявленском монастыре, а затем стал учителем в местной «братской» школе. В этом же году он впервые встретился со своим будущим покровителем — царем Алексеем Михайловичем, когда тот в начале русско-шведской войны 1656—1658 гг. по пути в Лифляндию заехал в Полоцк. В 1660 г. Симеон несколько месяцев прожил в Москве; он приехал туда вместе с группой учеников полоцкого Богоявленского училища, очевидно, хлопотать о денежном пособии училищу; на приеме у царя полоцкие «отроки» выступили с приветствием Алексею Михайловичу — «стихами краесогласными», сочиненными их наставником.

Когда в 1661 г. Полоцк был снова временно занят поляками, Симеон Полоцкий принял решение навсегда переселиться в Москву. Он принадлежал к тем представителям тогдашней украинской и белорусской интеллигенции, которые в дни освободительной борьбы украинского и белорусского народов против панской Польши безоговорочно примкнули к сторонникам присоединения своей родины к Русскому государству, понимали

необходимость этого присоединения и активно, каждый в меру своих сил, ему содействовали. Принятое решение Симеон Полоцкий и осуществил в 1664 г.; сравнительно недавно был обнаружен документ, из которого следует, что Симеон прибыл в Москву почти одновременно с протопопом Аввакумом. Последний возвращался из сибирской ссылки.

В Москве Симеон Полоцкий скоро нашел занятие, несомненно вполне соответствующее его собственному желанию: он стал по царскому указу обучать латинскому языку подъячих Приказа тайных дел. В 1665 г. в Спасском монастыре для организованной им школы было сооружено особое «хоромное строение», в котором и поселился Симеон со своими немногочисленными учениками. Покровительство влиятельного тогда в правительственных сферах митрополита Паисия Лигарида (Симеон Полоцкий состоял при нем переводчиком) открыло Симеону доступ ко двору. В 1667 г. царь Алексей Михайлович, зная широкую образованность Симеона Полоцкого, пригласил его в наставники к наследнику престола царевичу Алексею, а после смерти Алексея — к царевичу Федору. Ему же позже был поручен надзор за обучением царевны Софьи и малолетнего Петра. Приглашение ко двору в качестве домашнего учителя царских детей резко изменило как материальное, так и общественное положение Симеона.

Своим быстрым продвижением при московском дворе Симеон Полоцкий был обязан не только покровительству Паисия Лигарида, но прежде всего той позиции, которую он занял с первого же дня своего приезда в Москву. Свидетель успехов русского оружия, завершившихся в 1667 г. окончательным присоединением к России Левобережной Украины и Киева, свидетель роста международного авторитета Русского государства — одной из сильнейших держав в Европе во второй половине XVII в., горячий сторонник внешней и внутренней политики Алексея Михайловича, Симеон Полоцкий всегда охотно шел навстречу пожеланиям царя и выполнял все его поручения, нередко очень ответственные.

Так, в 1667 г. Симеон Полоцкий по просьбе царя ездил к Аввакуму с целью уговорить его отказаться от своих убеждений. Из этого, разумеется, ничего не вышло. Аввакум с такой страстью и «криком» набросился на Симеона, что тот потом долго не мог прийти в себя и все качал головой в полном смущении. Интересен отзыв Симеона Полоцкого об Аввакуме: «Острота, острота телеснаго ума, да лихо упрямство; а се не умеет науки!» Симеон Полоцкий не мог убедить Аввакума, так как говорили они на разных языках и понять друг друга были не в состоянии.)

В Москве Симеон Полоцкий безвыездно прожил шестнадцать лет. Имея полную возможность при своих обширных связях добиться самого высокого положения в современной ему

церковной иерархии, он, однако, никогда этого не добивался. Церковно-административная деятельность с ее заботами и тревогами его не привлекала. Писатель по призванию, он в жизни, как кажется, ценил более всего право посвящать досуг учено-литературным занятиям.

Живя в Москве, он действительно не только много читал (его библиотека принадлежала к наиболее замечательным частным библиотекам в Москве XVII в.), но еще больше писал. «На всякий же день име залог писати в полдесты по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто», — свидетельствует Сильвестр Медведев, его ученик и друг. Писал Симеон Полоцкий во всех тех областях литературы, для которых дала ему подготовку Киевская академия: он сочинял стихи и проповеди (в 1681 г. вышел в свет сборник его проповедей «Обед душевный», в 1683 г. — «Вечера душевная»), много переводил с польского и латинского языков, даже пробовал писать для театра.

Вся литературная деятельность Симеона Полоцкого направлялась отчетливо выраженным стремлением — внести свой вклад в русское просвещение.

Громадное значение Симеон Полоцкий, как истый просветитель, придавал всемерному развитию в Русском государстве школьного образования. Строить училища, «стяжати» (готовить) учителей — эту задачу он считал одной из первоочередных и неустанно напоминал о ней всем, кто только мог содействовать ее осуществлению. Когда в 1680 г. при дворе царя Федора Алексеевича возник план организации в Москве первого в стране высшего учебного заведения — академии, в обсуждении этого плана Симеон Полоцкий принял самое деятельное участие. По поручению царя он даже написал устав проектируемой академии. Текст этого устава — в форме царской жалованной грамоты — дошел до нас, правда, только в том виде, в каком он в 1685 г. был подан на утверждение царевне Софье Алексеевне: в редакции Сильвестра Медведева и, как кажется, с поправками и дополнениями патриарха Иоакима, во многом исказившими замысел Симеона.

Московская академия, по замыслу Симеона Полоцкого, должна была быть организована по типу академии Киевской, но со значительно расширенной программой преподавания отдельных наук, соответствующей «совершенному и полному чину академии». Устав Симеона Полоцкого предусматривал изучение учащимися всего круга «свободных» наук, «гражданских и духовных», начиная от грамматики и пиитики и кончая философией и богословием; предусматривал устав и «учение правосудия духовного и мирского», т. е. преподавание права церковного и гражданского; что касается языков, то в Московской академии должны были, по проекту Симеона, систематически преподаваться четыре: славянский, греческий, латинский и польский. Академия была задумана Симеоном как всесловное учебное

заведение, как дело «богоудное» «и всему нашему царствию полезное»: здесь молодые люди, полагал Симеон, могли бы получить достаточную подготовку для деятельности как духовной, так и гражданской. План Симеона Полоцкого был реализован только в начале XVIII в., когда Московская академия (она, как известно, начала функционировать с 1686 г. под руководством деятелей грекофильского направления) указом Петра от 7 июня 1701 г. была реорганизована и открыла широкий доступ «учениям латинским».

Не меньшее просветительное значение придавал Симеон Полоцкий и развитию в Московском государстве книгопечатания.

...Ничто бо тако славу разширяет,
яко же печать. —

писал он в одном из своих «программных» стихотворений:

...Убо подобает
да и Россия славу разширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги сущым многовечным.)

Горячий пропагандист русского книгопечатания, Симеон Полоцкий оставил заметный след в его истории и как практик-издатель. В конце 1678 г. он с разрешения царя Федора организовал в Кремле типографию. Эта превосходно оборудованная, так называемая «верхняя» типография находилась в полном и бесконтрольном его ведении; по словам патриарха Иоакима, Симеон дерзал печатать книги даже без его, патриарха, благословения. К работе в «верхней» типографии Симеону Полоцкому удалось привлечь лучшие силы: Симона Ушакова, крупнейшего русского художника того времени, и лучшего тогда мастера книжной гравюры Афанасия Трухменского. В 1678 г. Симеон принялся деятельно готовить к печати и некоторые собственные произведения. Скорострительная смерть оборвала эту работу: 25 августа 1680 г. на 51-м году жизни Симеон Полоцкий умер.

Талантливый проповедник и ученый-полемист, переводчик и педагог, Симеон Полоцкий в историю русской литературы вошел прежде всего как стихотворец. «Рифмотворение» всегда было одним из его любимых занятий. Репутацию способного и опытного стихотворца он завоевал уже на родине, в Полоцке. В Москве начался новый период его поэтической деятельности, самый плодотворный. Здесь была им написана основная часть его громадного поэтического наследия, здесь окончательно определилось и его отношение к поэзии как к серьезному и общественно важному делу, имеющему просветительное значение. Поэзию он всегда высоко ценил за ее способность привлекать «слухи и сердца» и тем самым служить оружием просвещения в форме всем доступной, легко запоминающейся и приятной.

Систематически посвящая свой досуг поэзии, Симеон Полоцкий накопил большой материал, который долго лежал у него никак не упорядоченный. В конце 70-х годов XVII в. он приступил к разбору этого материала и его систематизации. Плодом усилий Симеона в этом направлении и явились два монументальных сборника его стихотворений: «Вертоград многоцветный» (1678) и «Рифмологион» (1679).

Оба сборника Симеона Полоцкого (это были первые в России сборники стихотворений) — явление в русской литературе XVII в. выдающееся. Они ввели в литературный обиход едва ли не все известные тогда поэтические жанры — от «эпиграммы» до торжественной оды; все наиболее употребительные размеры силлабического стихотворства — от краткого шестисложного стиха до громоздкого тринадцатисложного.

«Вертоград многоцветный» — сборник дидактической поэзии. Для дидактической поэзии Симеона Полоцкого характерны сильные просветительские тенденции. Она направлена против невежд, против ригоризма церковной морали, против тех, кто кичится знатностью своего происхождения, не имея каких-либо личных заслуг; она проникнута уважением к человеческому разуму, науке. Показательно в этом отношении стихотворение «Чародейство», направленное против «баб» и «шептунов», в защиту медицины и врачей. Как истый просветитель, Симеон Полоцкий занимался даже популяризацией научных сведений в стихотворной форме, о чем свидетельствуют его многочисленные стихотворения на темы всеобщей истории, географии, зоологии и пр. В этой связи обращают на себя внимание и его стихотворения повествовательного характера. Отбирая материал для них из разных авторов, преимущественно западноевропейских, Симеон Полоцкий и здесь руководствовался прежде всего чисто просветительской задачей: стремлением расширить известный в русской литературе репертуар повествовательных сюжетов новыми, античного или западноевропейского происхождения, «не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая», — как писал он сам в предисловии к сборнику. Сравнительно большое место в «Вертограде» занимают стихотворения, посвященные общественно-политическим вопросам. Сюда относятся: стихотворение «Гражданство», где Симеон устами прославленных философов древности подробно характеризует все те основания человеческого «гражданского» общежития, которые «крепят государства»; стихотворения, где говорится о «гражданских» обязанностях каждого человека, о необходимости «правителям» соблюдать установленные в стране законы, о труде как обязательной основе всякого благоустроенного общества и пр. Сюда относятся и данные им образцы стихотворной сатиры на те или иные неурядицы современной ему действительности («Купецтво», «Монах», «Лакомство») и, в особенности, обширный цикл стихотворений, посвященный

характеристике идеального правителя государства и правителя-тирана (слово «тиран» в значении «дурной, жестокий царь» ввел в русскую поэзию Симеон Полоцкий); Симеон Полоцкий сделал первую в русской литературе попытку нарисовать идеальный образ монарха в духе идей просвещенного абсолютизма.

В «Рифмологион» вошли все стихотворные произведения Симеона Полоцкого панегирического содержания, «в различная лета и времена сложенные». Наиболее ценную часть этого сборника составляют его так называемые «книжицы», написанные по поводу событий в жизни царской семьи — особо важных, иногда государственного значения («Орел Российский», 1667 г., «Глас последний» царя Алексея Михайловича, 1676 г., «Гусли доброголасная», 1676 г., поднесенная царю Федору по случаю восшествия его на престол, и др.). Центральная тема сборника — Российское государство, его политическое могущество и его слава. Под пером Симеона Полоцкого, придворного поэта эпохи образования феодально-абсолютистской монархии, тема эта закономерно переплеталась с другой темой — царского единодержавия — и именно поэтому почти всегда приобретала у него форму торжественного, приподнятого, «одического» словословия по адресу царя Алексея и царя Федора. Царь и государство — оба эти понятия в сознании Симеона Полоцкого сливались в одно, заменяя друг друга. Царь — символ Российской державы, живое воплощение ее всесветной славы, живая персонафикация ее политического могущества. Образ монарха, каким хотел видеть его Симеон Полоцкий, был им отчетливо намечен уже в «Вертограде». В «Рифмологионе» этот образ, в первом сборнике обрисованный в качестве некоего нормативного идеала, вне времени и пространства, получил в лице царя Алексея и царя Федора свою конкретизацию применительно к условиям русской политической действительности второй половины XVII в. Щедрый покровитель просвещения, неустрашимый «оборонца» своих подданных от турецкого султана, крымского хана и «ляхов прегордых», опора и надежда всех народов, живущих под иномземным игом, и одновременно усмиритель народных «мятежей», расшатывающих государственное единство складывающейся абсолютной монархии, верный страж существующего общественного строя и правопорядка — таков царь, «всея Великия и Малыя и Беляя России самодержец» в изображении Симеона Полоцкого.

В прямой зависимости от задач, которые ставил себе Симеон, находится и художественное оформление ряда произведений этого сборника. Оно поражает своим парадным великолепием. Каждая «книжица» — целое словесно-архитектурное сооружение. В помощь слову Симеон привлекал и другие средства художественного воздействия: двуцветное письмо — черное и красное, графику и даже живопись. Для изображения вели-

ция Российского государства, для характеристики его исторического предназначения Симеон Полоцкий широко использовал образы «космического» ряда: Россия — небо, царь — солнце, царица — луна и пр.

Одновременно с «Вертоградом» Симеон Полоцкий успел подготовить в 1678 г. еще один сборник стихотворений — полный «рифмотворный» перевод «Псалтыри царя и пророка Давида». В 1680 г. перевод был издан в Москве отдельной книгой. Подготавливая этот сборник, Симеон имел в виду дать читателю текст Псалтыри, не только приспособленный для чтения, улаждающего слух, но и для пения в домашней обстановке на тот или иной «глас». «Рифмотворная Псалтырь» Симеона действительно уже в 1680 г. была положена на музыку известным русским композитором конца XVII в. В. П. Титовым. В музыкальной интерпретации Титова она пользовалась в свое время, вплоть до конца XVIII в., большой популярностью.

С именем Симеона Полоцкого связаны и первые шаги русской оригинальной драматургии. Ему принадлежат две пьесы в стихах: «Комидия притчи о блудном сыне» и «трагедия» «О Навходоносоре царе, о теле (тельце. — *И. Е.*) злате и о трех отрочех, в печи не сожженных».

Своими художественными достоинствами и по содержанию выделяется первая пьеса Симеона Полоцкого — «Комидия притчи о блудном сыне», написанная на широко известный евангельский сюжет. Состоит она из пролога, эпилога и шести действий («частей») и относительно точно воспроизводит евангельский рассказ.

На сцену выходит отец с двумя сыновьями и слугами. Он благодарит бога за все милости к нему, дает сыновьям советы и делит между ними имущество. Старший сын благодарит отца и выражает желание остаться при нем. Младший сын просит позволения посетить чужие страны. Он уверяет отца, что ему удастся прославить не только себя, но и весь свой род. Отец, не возражая в принципе против этого стремления «славы искати», однако, выражает сомнение, достаточно ли подготовлен его сын к такому путешествию: он советует ему не торопиться, приобрести некоторый опыт и ум, живя дома, а потом уже пускаться в далекое странствие. Но доводы отца не убеждают молодого человека. Отец сдается; он снабжает сына всем необходимым и отпускает его. Воля вскружила молодому человеку голову. Он забывает свое обещание искать на чужбине ума и славы, радуется возможности «погуляти» на свободе. Он нанимает себе большое количество слуг, пирует с ними, играет в азартные игры. Вскоре выясняется, что все деньги растрочены, и слуги отказываются служить «блудному сыну», расхищают остатки его имущества и разбегаются. Горький опыт убеждает молодого человека в правоте отцовского предупреждения; он

раскаивается в своем необдуманном решении покинуть отчий дом ради веселой и праздной жизни на чужбине и возвращается домой.

Направлена пьеса против той молодежи из господствующих слоев населения, которая, вскружив себе голову рассказами о Западной Европе, подменяла серьезное изучение западной культуры, западной науки, техники, искусства поверхностным подражанием всему «иностранному» и поверхностной критикой всего того, что она привыкла видеть у себя дома. Пьеса содержит предупреждение и урок московским «блудным сыновьям» и проникнута духом борьбы за настоящее просвещение. Составлена «Комидия притчи о блудном сыне» по типу тех небольших пьес, сочинением которых занимались во времена Симеона Полоцкого преподаватели и учащиеся украинских и белорусских школ в целях преимущественно учебно-педагогических.

Со школьными драмами этого типа «Комидия» Симеона Полоцкого сближается и простотой композиционного построения, и объемом, и сравнительно небольшим числом действующих лиц, и полным отсутствием аллегорических фигур, обязательных тогда для всех парадных школьных «трагедий» и «трагедокомедий».)

Из ремарок следует, что каждая «часть» пьесы при ее исполнении на сцене должна была заканчиваться пением хора и, по традиционному обычаю всех школьных драм, интермедией. Текст этих интермедий нам неизвестен. Правда, в одной рукописи XVIII в. дошла до нас интермедия о блудном и пьянице. Блудный бражничает; к нему приходит пьяница и изъявляет желание выпить за его здоровье. В благодарность за добрые пожелания блудный подносит ему чашу, опустив в нее сто златниц; пьяница пьет и падает, слуги относят его в сторонку; здесь пьяница умирает, и демон уносит его душу в ад. Блудный велит похоронить мертвеца и продолжает веселиться. Есть мнение, что интермедия эта — одна из тех пяти, которые сопровождали «Комидию притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого. Возможно, это и так, хотя мнение это не может быть подкреплено какими-либо прямыми доказательствами. Возможно и другое предположение: интермедии потому и не дошли до нас, что они не были написаны; проектируя в ремарках интермедию после каждой «части», Симеон Полоцкий рассчитывал на изобретательность хорега (режиссера) и имел в виду интермедию без речей — пантомиму.

Работая над пьесой, Симеон стремился поднять ее до уровня дидактического примера («Юным се образ...» — писал он сам в эпилоге), предельно обобщающего действительность. Отсюда и некоторые художественные особенности пьесы. Действие ее развертывается вне времени и пространства; действующие лица: «отец», «сын старший», «сын младший», «купчин», «господин» и др. — не имеют имен. Неудивительно, что в

той абстрактной «пустоте», в которой у Симеона двигаются и жестикулируют его герои, все условно: приказания выполняются молниеносно — в тот самый момент, когда они даются; нужный по ходу действия персонаж всегда появляется вовремя; один персонаж осведомлен о мыслях другого еще до встречи с ним и пр. Речи действующих лиц носят тот же подчеркнутый условный характер сознательно оголенных сентенций. Написанная на вполне доступном языке, посвященная злободневной проблеме. «Комидия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого встретила, видимо, живейший отклик у современников. В 1685 г. она была напечатана в Москве в виде отдельной книжки-альбома с многочисленными иллюстрациями.

Вторая пьеса Симеона Полоцкого «О Навходоносоре, царе, о теле злате и о трех отрочех, в печи не сожженных» — представляет собой инсценировку соответствующего библейского рассказа — главы третьей «Книги пророка Даниила».

По словам автора в прологе к пьесе, он избрал этот сюжет для того, чтобы противопоставить царя истинного, мудрого и справедливого (в том же прологе автор дал понять, что образцом такого царя является Алексей Михайлович) царю-тирану, гордому, своевольному и жестокому. Тема, подробно разработанная Симеоном в «Вертограде» (стихотворение «Разнствие» и др.), здесь, следовательно, получила свою сценическую интерпретацию.

Пьеса невелика по объему, состоит из одного действия, пролога («предисловца») и эпилога.

Входит Навходоносор с боярами, слугами, вооруженными воинами и садится на отведенное для него место. Он приказывает «казначею» приготовить свой «образ» для испытания верности подданных и одновременно развести огонь и сжигать в «печи» каждого, кто откажется поклониться этому «образу», как богу (в Библии, в «Книге пророка Даниила» Навходоносор велит кланяться не собственному изображению, а «золотому истукану» — идолу). «Образ» поставлен, трубят трубы; народ кланяется изображению царя, за исключением трех отроков: Седраха, Мисаха и Авденаго, которых тотчас же и схватывают. Приведенные для ответа, отроки смело исповедуют перед царем своего бога, и разгневанный царь приказывает их бросить в «печь». К отрокам в «печь» спускается ангел, ободряет их, и они, невредимые, поют хвалебную песнь богу, а между тем огонь жестоко пожигает стоящих вблизи «халдеев». Бояре и Навходоносор при виде этого приходят в изумление. Навходоносор раскаивается в своем поступке и высказывает желание послужить истинному богу.

Есть мнение, что пьеса Симеона Полоцкого — литературная переработка «пещного действия» — литургического обряда русской православной церкви, отправлявшегося незадолго до праздника рождества Христова в Москве, Новгороде, Вологде.

Текст, однако, мнения этого не поддерживает, что и понятно: обряд «пещного действия» во времена Симеона Полоцкого не исполнялся, он вышел из употребления еще в первой половине XVII в.

Обильные ремарки указывают, что обе пьесы предназначались к постановке на сцене. Во второй пьесе в прологе и эпилоге Симеон Полоцкий обращается к царю Алексею Михайловичу — знак того, что пьеса предназначалась к постановке на сцене придворного театра царя Алексея, организованного в 1672 г. (другого театра тогда в Москве не было). Была ли, однако, осуществлена постановка той и другой пьес, неизвестно. Возможно, что и нет: в начале 1676 г. придворный театр царя Алексея уже прекратил свое существование.

Литературное наследие Симеона Полоцкого-драматурга указанными двумя пьесами не исчерпывается. Он деятельно культивировал в Москве и одну из малых форм школьной драматургии — «декламацию». По его инициативе утвердился в Москве и обычай публичного исполнения «декламаций» — при дворе в день того или иного церковного праздника или какого-либо другого торжества.

Все написанные им «декламации», как и пьесы, Симеон Полоцкий в 1679 г. включил в состав «Рифмологиона». Некоторые из них в рукописи сопровождаются пометками Симеона Полоцкого, из которых мы узнаем, что они в свое время были «говорены», т. е. были исполнены специально тому обученными под руководством Симеона «отроками» в Москве, в селе Коломенском, в селе Измайловском: «Стиси краесогласнии во святую и великую субботу во славу господа нашего Иисуса Христа», «На именины государя царевича» и др.

Из числа известных нам «декламаций» Симеона Полоцкого наиболее интересна по содержанию первая по времени, исполненная в Москве 19 января 1660 г. «отроками» полоцкого Богоявленского училища в присутствии царя Алексея Михайловича.

В формальном отношении «декламация» эта, как и все остальные у Симеона, принадлежит к тому виду этого жанра, который школьная теория драмы XVII в. рассматривала как наиболее простой: перед нами серия чередующихся один за другим монологов (12), неодинаковых по количеству стихотворных строк, без пролога и эпилога, выдержанная от начала до конца в одном и том же стихотворном размере. Исполнение «декламаций» такого типа обычно не сопровождалось никакой театрализацией, не требовало ни специальных костюмов, ни бутафории: поочередно выступали «отроки» и произносили заученный ими монолог — в данном случае приветственное обращение к царю Алексею Михайловичу.

В рамках панегирического «приветствия» Симеон Полоцкий устами «отроков» выразил здесь те надежды, которые питали широкие массы белорусского населения в годы, когда Белору-

сия фактически частично уже была воссоединена с Московским государством, но воссоединение это еще не было официально утверждено мирным договором. Радость и глубокая благодарность за избавление от польско-шляхетского гнета, уверенность в том, что царь Алексей Михайлович будет для них защитником «от всех противных», желание и впредь жить под крепкой десницей московского царя — такова центральная тема «декламации». Заканчивается она похвалой столице Российского царства — Москве.

Все стихотворные произведения Симеона Полоцкого, в том числе и драматические, написаны силлабическими стихами.

Основной принцип силлабического стихосложения (от латинского *syllaba* — «слог») — равносложность; поэтическая речь организуется закономерным чередованием равносложных стихотворных строк. Этим принципом силлабического стихосложения определяется и система его стихотворных размеров; они различаются по количеству слогов, составляющих стих: стихи восьмисложные, одиннадцатисложные, тринадцатисложные, четырнадцатисложные, «смешанные» (в зависимости от строфической структуры стихотворения).

В наиболее употребительных (у Симеона Полоцкого) размерах одиннадцатисложном и тринадцатисложном — стих, как правило, делится на две части отчетливой паузой, цезурой; в одиннадцатисложном стихе — после пятого слога (по схеме 5+6), в тринадцатисложном — после седьмого слога (по схеме 7+6).

Пресветлый орле /Российския страны,	(11)
честнокаменным /венцем увенчаны,	(11)
Орле преславный, /высоко парящий,	(11)
славаю орлы /вся превосходящий...	(11)

Слепец некто пять сотниц /златых цат имяше,	(13)
яже в некоем месте /в земле спрятал бяше.	(13)
Тыя сосед усмотрев /тайно ископал есть,	(13)
но слепец татбу его /домыслом познал есть...	(13)

Цезура в стихах Симеона Полоцкого — «свободная»; она могла быть у него и женской, и мужской, и дактилической; в отличие от польского стиха не требовала обязательного ударения на шестом слоге в тринадцатисложном стихе, на четвертом — в стихе одиннадцатисложном. Рифма — парная, обычно женская, с более или менее отчетливым ударением на предпоследнем слоге стиха.

Равносложность обусловила и самый способ чтения силлабических стихов. Редкие ошибки в счете слогов — верный признак того, что счет этот несомненно воспринимался на слух. Стихи скандировались по слогам с выделением каждого слога:

Царь не-кий пре-бо-га-тый / дочь крас-ну и-мя-ше,
ю-же от все-го серд-ца / сво-е-го лю-бя-ше...

Такое чтение привело и не могло не привести к тому, что неударные слоги стали произноситься с той же четкостью, что и ударные: различие между неударным и ударным слогами резко ослаблялось, если не стиралось совсем.

Силлабические стихи читались, очевидно, в подчеркнуто декламационной манере, своеобразным речитативом, на «высокий» лад.

Симеон Полоцкий — основоположник силлабического стихосложения в русской поэзии. До него «правильные» силлабические стихи — явление в русской литературе крайне редкое. В ранних образцах русской виршевой поэзии первой четверти XVII в. основной принцип силлабического стихосложения — строгий счет слогов — не соблюдался: стихи объединялись в стихотворный ряд только парной рифмой. Типичным примером такого «некунштовного», как его называли на Украине, досиллабического стиха могут служить вирши, которыми закончил свою повесть о «смуте» писатель первой половины XVII в. князь И. М. Катырев-Ростовский:

...Елико чего изыскал (8)
Только сего и написал. (9)
Всяк бо чтый да разумеает (9)
И дела толкие вещи не забывает. (14)
Сие писание в конец пренти едва возмогах (16)
И в труде своем никоея же ползы обретох. (15)

После Симеона Полоцкого такие неравносложные стихи, напоминающие рифмованную прозу, уже казались архаичными.

Силлабический принцип стихосложения господствовал, как известно, в русской поэзии до 40-х годов XVIII в., а в провинции, в школьном обиходе, и много позже. Русские поэты-силлабики XVII в., Феофан Прокопович и Кантемир во многом усовершенствовали стих Симеона Полоцкого, но писали по той же системе. В 1735 г. В. К. Тредиаковский в своем трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» первый теоретически обосновал возможность перехода русской поэзии на тонический принцип стихосложения, основанный на закономерном чередовании ударных и неударных слогов, первый наглядно продемонстрировал и возможность реализации этого принципа на практике. Дело, начатое Тредиаковским, завершил М. В. Ломоносов, окончательно утвердивший тонический стих в русской поэзии.

Симеон Полоцкий не принадлежит к числу великих писателей, но дело свое он выполнил с честью: он положил основание в русской литературе той отрасли художественного творчества, которая до него была почти совсем не разработана — поэзии и драматургии. И в этом его историческая заслуга.

Крупный русский стихотворец и драматург, он раскрыл пе-

ред современной ему русской литературой новые художественные возможности, раздвинул ее рамки, отразил еще во второй половине XVII в. многие потребности и запросы наступающей Петровской эпохи.⁷⁾

Переводная литература конца XVII века

В 1903 г. в Петербурге вышла книга акад. А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков», содержащая библиографический перечень произведений, переведенных на славяно-русский язык. Этот перечень очень любопытен. Переводная литература XVII в. представлена большим количеством книг западноевропейского происхождения, появившихся в переводе в основном с польского языка. Дело не только в количестве переведенных книг, но и в их качестве. Раньше переводили только богословские книги, а теперь начали переводить и светские. Много появилось переводной научной литературы. В Москве очень интересовались географией — на это указывают переводы ряда лучших трудов общего характера по этой науке (сочинения Ботера, Ортелиуса, Меркатора, де Линды, огромный Амстердамский атлас Блеу). Было переведено несколько специальных трудов по географии (описания Святой Земли, Алжира, Туниса, Персии, Шпицбергена), а также путешествий в земли Дальнего Востока, Персию, в Святую Землю. Была популярна в Москве и история: появились переводы трудов Гваньини, хроники Стрыйковского, Пясецкого и других историков XVI—XVII вв. Был сделан перевод нескольких книг по медицине, а также книг чисто практического содержания — по охоте, военному делу, сельскому хозяйству, домашнему хозяйству, коннозаводству, нескольких словарей. Книг по математике, философии, политической экономии было переведено значительно меньше.

Родина переведенных у нас сочинений самая разная. Труды римских классиков, средневековых и современных немецких авторов, французов, англичан, итальянцев, испанцев, поляков — все они были известны или в голландских изданиях XVI—XVII вв.; или в польских переводах. Имелось несколько переводов с немецких изданий, почти не было переводов с французских изданий и совсем не было с изданий итальянских и испанских.

Наряду с научной литературой появились произведения художественные: во второй половине XVII в. с польского языка переведены «Метаморфозы» Овидия; в 1607 г. и вторично в

⁷ [Издание текстов: Симеон Полоцкий. Избр. соч. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953 (серия «Литературные памятники»)].

1675 г. — басни Эзопа, несколько новелл Боккаччо; в 1680 г. — сборник новелл Поджо Браччолини («Фацеции»).

Начиная с 70-х годов XVII в. художественная переводная литература наводняется авантюрными и рыцарскими романами. Были переведены романы о Бове-королевиче, о Василии Златовласом, о королевиче Брунцвике, об Оттоне, цесаре римском, о Петре Златые Ключи, о фее Мелузине.)

По своему содержанию все эти романы напоминают один другой: Сюжет каждого из них воспроизводит в сущности одну и ту же схему: герои встречаются, влюбляются друг в друга, обстоятельства разлучают их, они терпят ряд неудач, годами не видятся, но в конце концов преодолевают все препятствия и соединяются узами брака. Приключения любовников и дают канву для сюжетной интриги, нередко сложной и запутанной, в которой не последнюю роль играют разного рода неожиданные встречи, роковые ошибки, похищения героинь, разные *qui pro quo*, основанные на переодевании героев. Для русского читателя новой и занятной была в этих романах прежде всего трактовка любовной темы. Признаваясь в любви, герои рыцарских романов обычно выражаются изысканно-манерным языком, воспроизводящим поэтические формулы любовной лирики средневековых трубадуров; говорят о невыносимых сердечных муках, клянутся в вечной любви — и все это в самых галантных, немного жеманных выражениях. При виде друг друга влюбленные бледнеют, дрожат, трепещут, проливают потоки слез, иногда, не выдержав наплыва чувств, падают в глубокий обморок (не только героини, но и герои). Все это казалось русскому читателю вначале смешным, а потом трогательным. В первые десятилетия XVIII в. этот галантно-сентиментальный стиль войдет в моду.

Переводная литература XVII в. является показателем глубокого и серьезного сдвига в русской литературе. Книга А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков» наглядно вскрывает картину этого перелома — появляются новые веяния, новые запросы, старая традиция постепенно уступает место новым потребностям.)

Какими путями проникали эти веяния на Русь? В основном двумя путями.

Один путь, кратчайший, шел из так называемой Немецкой слободы. Немецкой слободой в Москве назывался район, в котором жили приезжие иноземцы со своими семьями. Во второй половине XVII в. Немецкая слобода представляла собой большой и благоустроенный городок с прямыми широкими улицами и переулками, с красивыми деревянными домиками. Это был, по удачному выражению В. О. Ключевского, уголок Западной Европы, приютившийся на восточной окраине Москвы. Разноплеменное и разноязычное население этого городка и

стало одним из проводников «европеизации» старомосковского уклада жизни. Уклад этот начал постепенно перестраиваться. Вот один факт из истории борьбы со старым бытом.

Во время болезни царицы Натальи Кирилловны Петр явился у ее постели в иноземном («немецком») платье. Услышав осуждающее замечание патриарха Адриана, Петр спросил его, считает ли он себя главою церкви, и, получив утвердительный ответ, резко сказал: «Зачем же ты действуешь, как главный надзиратель портных?»

Второй путь западноевропейского культурного влияния — Украина. Конец XVII — начало XVIII в. — та эпоха, когда влияние Украины было значительным и сильным. Украинское влияние на русскую культуру началось с конца XVI в. Проводником становится книга. Развитие книгопечатания повело к распространению книг. В первой четверти XVII в. украинская книга завоевала большой авторитет. В начале XVII в. стали появляться в Москве деятели культурно-просветительного движения Украины. В 1632 г. в Киеве митрополитом Петром Могилой было организовано первое высшее учебное заведение в Восточной Европе — знаменитая Киево-Могилянская коллегия, в конце XVII в. получившая титул академии. В эту коллегию приезжали учиться из Москвы, Сербии, Болгарии. Петр Могила предложил организовать такое же учебное заведение в Москве, обещая прислать учителей. В Москве этим заинтересовались. В 1648 г. царь Алексей Михайлович принял решение вызвать из Киева учителей. 12 июля 1649 г. в Москву были направлены два учителя — Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, которые и приступили к своим обязанностям.

Епифаний Славинецкий, который навсегда остался в Москве, переводил не только церковные, но и светские книги. Он перевел Амстердамский географический атлас Блеу, который познакомил читателей со строением неба и солнечной системы Коперника; им же переведен труд «О строении человеческого тела».

В 1654 г. началась новая эпоха украинского влияния на Москву. Переяславская рада, на которой было принято историческое решение о воссоединении Украины с Россией, сыграла важную роль в восстановлении и дальнейшем укреплении политических, экономических и культурных связей русского и украинского народов. Малороссийских выходцев радушно принимали в Москве. С 60-х годов XVII в. в Москву стали приезжать украинские и белорусские культурные деятели. В 1660 г. приехал Симеон Полоцкий с тринадцатью учениками. В 1664 г. он окончательно переселился в Москву, приобрел здесь большую известность как проповедник и полемист, получил звание придворного поэта. В 1666 г. по вызову московского правительства приехал известный украинский писатель, черниговский епископ Лазарь Баранович. Он преподнес царю сборник своих

проповедей «Меч духовный». В 1669 г. архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель привез в Москву свою книгу «Мир с богом человеку», а через несколько лет здесь получил широкое распространение приписываемый ему «Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-русийского народа».⁸

В 1670 г. в Москву прибыл Иоанникий Галятовский, автор сборника дидактических новелл «Небо новое» — сборника рассказов преимущественно о чудесах богородицы.

В лице Алексея Михайловича украинские писатели нашли щедрого покровителя: им разрешалось беспрепятственно продавать свои сочинения по цене, которую они сами назначали; им давали бумагу для печати. В Москве оказывали покровительство культурным деятелям Украины и потому, что они обнаруживали готовность помочь правительству в разрешении немаловажных политических задач.

Заметно усилился приток украинской книги. С 70-х годов XVII в. впервые началась организованная продажа книг «литовской» (украинских и белорусских) типографии. В 1672 г. в Москве была открыта первая книжная лавка, где продавались книги, изданные типографией Киево-Печерской лавры, а с 1673 г. — и книги львовских типографий.

Культурное общение с Украиной и Белоруссией приняло такие размеры, что вызвало в консервативных кругах московского общества, особенно духовенства, беспокойство и сопротивление. Во главе противников «латинской» учености украинцев с 1674 г. стал патриарх Иоаким, убежденный грекофил. Для книг «литовской» печати была возобновлена духовная цензура; к продаже стали допускаться только такие книги, относительно которых было установлено, что они не содержат никаких «сумнительств»; из некоторых книг стали вырывать целые листы. Когда в начале 1686 г. была открыта Московская академия, украинские ученые были демонстративно отстранены от преподавания. Руководящие должности были заняты греками. Церковный собор 1690 г. по настоянию патриарха Иоакима не только осудил «еретические» высказывания некоторых украинских богословов и их русских учеников, но и запретил ряд сочинений крупных украинских писателей (Петра Могилы, Иннокентия Гизеля, Лазаря Барановича, Иоанникия Галятовского и др.) и даже Симеона Полоцкого.

Политику патриарха Иоакима по отношению к украинцам продолжал и патриарх Адриан, который в 1699 г. запретил типографии Киево-Печерской лавры печатать книги на украинском языке.

⁸ [О «Синописисе» И. Гизеля см.: И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. X, 1954, стр. 212—222].

Все эти меры со стороны приверженцев старого порядка, однако, своей цели не достигли: «латинская» образованность украинцев продолжала пользоваться авторитетом в передовых кругах московской интеллигенции, а украинская книга приобретала все большее число читателей.

Сами сторонники старозаветной традиции иногда обращались к украинской литературе. Так, патриарх Иоаким читал в Успенском соборе поучения из «Учительского евангелия» Кирилла Транквиллиона.

В Петровскую эпоху украинское влияние на русскую культуру достигает апогея. В поисках людей, готовых служить делу русского просвещения, Петр привлекал киевских ученых. В Москву переселились Стефан Яворский, Феофан Прокопович и др. Украинская наука получила официальное признание. Об этом говорит указ царя о реорганизации Московской академии — очага грекофилов — по типу Киево-Могилянской академии. Там изучались латинский язык, грамматика, синтаксис, логика, психология, богословие. Московская академия по указу Петра превратилась в типичное для всей Европы того времени высшее учебное заведение. Было введено девятилетнее обучение. Студенты должны были разговаривать на латинском языке. Петр принимал все меры для «европеизации» нового поколения. Немецкая слобода не давала и половины того, что появилось у нас на рубеже XVI—XVII вв. в результате украинского влияния. Многие из того, что проникало на Русь с Запада, проникало в специфически украинской оболочке.

Исторически прогрессивное значение усвоения Русским государством некоторых достижений украинско-белорусской культуры несомненно, его отрицать нельзя. Украинцы открыли Русскому государству «окно в Европу». Приток книг пробудил интерес к науке. Стала исчезать боязнь «погубить душу» в общении с еретиками. В последней трети XVII в. значительно расширилось изучение латинского языка, бывшего языком международного научного общения. Это открывало русскому читателю доступ к тем разнообразным научным книгам, которых накопилось немало в книгохранилищах Москвы. Большое воздействие на русскую литературу оказал опыт украинско-белорусской литературы. В России появилось поэтическое искусство, возродилось красноречие. Украинские литераторы принесли и свой литературный стиль — «барокко». Характерные черты этого литературного стиля через украинскую литературу усваиваются некоторыми русскими писателями.⁹

⁹ [О переводной литературе XVII в. см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903; А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. М.—Л., Изд. АН СССР, 1934. — Библиографию переводных повестей XVII в. см. в кн.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., Изд.

Существует мнение, что процесс перехода от древней литературы к новой — это процесс вставания одной литературы в другую. А на самом деле это был прыжок от старой древней русской литературы к новой. Во второй половине XVII в. жития вытесняются новой литературой, появляется новый читатель, у которого другие интересы; старая литературная традиция отодвигается в сторону, происходит замещение одного литературного ряда другим. Все это можно проследить на истории литературных жанров.

От жития («чуда») к повести — таков был один путь развития русской оригинальной беллетристики XVII в. Народная поэзия легенд и сказок властно ворвалась в старую книжную традицию: традиционное житие распалось, приобрело новое качество. В процессе деформации этого старого жанра и возникли такие произведения, как «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о бесноватой Соломонии» и другие подобные им произведения русской беллетристики XVII в.

«Повесть о Горе-Злочастии», с содержанием которой мы уже познакомились, свидетельствует о том, что с середины XVII в. намечается другой путь формирования повествовательных жанров в низовой, демократической литературе: народная песня и былина, народная сказка и анекдот, народная прибаутка во всем своеобразии своего стилистического строя становятся объектом творческого воспроизведения в литературе, вытесняют старую книжную традицию, почти игнорируют ее. Развиваясь в этом направлении, по этому пути, русская беллетристика в демократической литературе к концу XVII в. совершенно отрывается от старой, в частности агиографической, традиции, полностью обновляется и в жанровом, и в стилистическом отношении, начинает жить новой жизнью. Возникает повесть любовно-авантюрная, эротическая; зарождаются сатирический анекдот, жанр прибауток, пародий, который в XVIII в. получит такое широкое развитие в лубочной литературе. Здесь нет уже никакой генетической связи с предшествующей книжно-литературной традицией, здесь все ново: и поэтическая тема, и ее трактовка, и стилистический строй, и даже язык — не церковнославянский, а живой, русский; здесь все непосредственно от фольклора.

И, наконец, развиваются совсем новые жанры: стихотворные (эпические и лирические), школьная драма, рыцарский и лю-

АН СССР, 1955. — Новейшие издания текстов и исследования: О. А. Державина. Фаецци. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962; В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых Ключей. М.—Л., «Наука», 1964; О. А. Державина. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М.—Л., «Наука», 1965].

бовно-авантюрный роман. Появляется новая литература — русская литература закончила средневековый этап своего исторического развития.)

В чем же качественное своеобразие этого закончившегося в XVII в. периода развития русской литературы? Древнерусская литература — литература по преимуществу высоких идеалов, норм и образцов поведения. Свои идеалы (моральные, общественные, религиозно-философские, патриотические) древнерусская литература утверждала подчеркнуто декларативно, прямо и непосредственно, все подчиняя этой задаче. И она обладала редкой, исключительной силой прямого воздействия на жизнь. Преследуя цели не столько познания действительности, сколько ее преобразования, она в течение ряда веков упорно, настойчиво, планомерно утверждала в сознании масс свои идеалы, свое понимание жизни, свои представления о ней. Она претендовала на руководство массами, стремилась подчинить их своей опеке, активно вмешивалась в самую глубь жизни, готова для нее нормы и образцы, заветы и предписания.) Многие годы она служила мощной опорой феодального общественного строя, феодального государства и церкви. Но историческая роль древнерусской литературы одной поддержкой феодализма отнюдь не исчерпывается. В трудные дни общенародных бедствий лучшие представители древнерусской литературы преодолевали классовую ограниченность своего сознания, возвышались до понимания народных требований и чаяний, звали к патриотическому подвигу, будили национальное самосознание. И в произведениях этих писателей наиболее законченное и полное выражение получило то, что составляет примечательную особенность древнерусской литературы, — воинствующий дидактизм, преобразовательный пафос, ее всегда деятельное и преданное служение жизни.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИОЛЯ — Известия АН СССР, отделение литературы и языка.
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СОЛЯС — Сборник отделения русского языка и словесности.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	3
Введение	5
Литература Киевской Руси XI—XIII веков	13
Житийная литература	—
Жития князей Бориса и Глеба	15
Житие Феодосия Печерского	24
Киево-Печерский патерик	31
Летописание	36
«Повесть временных лет»	38
Формы летописного повествования	52
Красноречие	62
Учительное красноречие	63
«Поучение к братии» Луки Жидаты	—
Поучения Феодосия Печерского	64
«Поучение» новгородского архиепископа Ильи	68
«Поучение» Владимира Мономаха	69
Торжественное красноречие	71
«Слово о законе и благодати»	77
«Похвала» Феодосию Печерскому	81
Сочинения Кирилла Туровского	—
«Слово о князьях»	91
«Слово о Лазаревом воскресении»	92
«Слово о полку Игореве»	95
Литература Северо-Восточной Руси XIII века	128
«Моление» Даниила Заточника	—
«Слово о погибели Русской земли»	134
Житие Александра Невского	136
Повести о татарском нашествии	138
Московская публицистика конца XV — первой половины XVI века	145
«Послание на Угру» Вассиана Рыло	149
«Сказание о князьях владимирских»	150
Послания старца Филофея	152
Сочинения Иосифа Волоцкого	153
Сочинения митрополита Даниила	159
Сочинения Нила Сорского	—
Русская литература второй половины XVII века	162
«Повесть о Горе-Злочастии»	164
Сочинения протопопа Аввакума и инока Елифанья	166
Возникновение театра и драматургии	175
Симеон Полоцкий и возникновение стихотворства	187
Переводная литература конца XVII века	200
Список сокращений	207

49 коп.

20-

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА